

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

GERMAN PHILOLOGY
IN ST. PETERSBURG
STATE UNIVERSITY
VIII
TYPOLOGY
OF SPEECH GENRES

Collection of research papers

Edited by: *Konstantin A. Filippov, Liubov B. Kopchuk,
Liubov N. Grigorieva*

St. Petersburg University Press
2018

Deutsche
Philologie

VIII

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

VIII

ТИПОЛОГИЯ
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Под редакцией *К. А. Филиппова, Л. Б. Копчук,*
Л. Н. Григорьевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 81.42
ББК 81.2Нем
Н50

Рецензенты: д-р филол. наук проф. Е. Г. Хомякова (СПбГУ);
канд. филол. наук доц., ст. науч. сотр. С. С. Волков (ИЛИ РАН)

*Рекомендовано к публикации
научной комиссией филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VIII: Типология речевых жанров: сб. науч. ст. / под К. А. Филиппова, Л. Б. Копчук, Л. Н. Григорьевой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 000 с.

В настоящий сборник вошли исследования по актуальной проблеме современной лингвистики — выявлению и описанию лингвистических характеристик немецкоязычных речевых произведений, принадлежащих к различным жанрам. Широкая тематика издания позволила авторам с учетом коммуникативно-дискурсивного направления раскрыть текст- и линготипологические особенности речевых жанров на материале таких немецких дискурсов как научный, масс-медийный, художественный, утилитарный и эпистолярный.

Издание рассчитано не только на специалистов в области немецкой германистики, но и на филологов широкого профиля, занимающихся изучением общих и частных проблем типологии речевых жанров.

УДК 81.42
ББК 81.2Нем

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо»

М. М. Бахтин

Предлагаемый вниманию 8-й выпуск сборника кафедры немецкой филологии СПбГУ, традиционно выходящего под общим названием «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете», посвящен типологии речевых жанров.

Как следует из эпиграфа, представляющего собой цитату из известного труда одного из основоположников современной теории речевых жанров М. М. Бахтина «Проблемы речевых жанров», многообразие речевых жанров не поддается строгому учету и контролю, что, однако, не исключает возможности их изучения. Выявление и описание лингвистических характеристик произведений различных речевых жанров является одной из наиболее актуальных задач современной германистики.

Понятие «типология» предполагает в качестве цели исследования описание внутреннего многообразия и неоднородности жанров, что ставит перед языковедами задачу их дальнейшей дифференциации и классификации. Поэтому на предварительных этапах создания общей типологии речевых жанров важно тщательно изучить конкретные характеристики отдельных речевых произведений, чтобы в итоге можно было бы представить себе целостную картину данного речевого феномена.

Именно такую задачу и ставили перед собой авторы предлагаемого сборника, статьи которых охватывают различные вопросы речевых жанров, которые, как представляется, вполне логично могут быть разделены на три взаимодополняющие друг друга группы:

- 1) общие и частные вопросы типологии речевых жанров;
- 2) лингвистические и жанровые характеристики текстов научной коммуникации;
- 3) социокультурные и языковые особенности текстов немецкоязычных СМИ.

Помимо этого, в сборник включены еще два раздела: «Рецензии» на новые публикации и «Обзор конференций». В разделе «Обзор конференций» приводится отчет К. В. Манеровой о конференции «Фразеология и грамматика конструкций» общества «Euphras», состоявшейся в Стокгольме 22–24 августа 2017 года. В разделе «Рецензии» одна из рецензий, написанная К. А. Филипповым, представляет собой отклик на опубликованную в Германии по результатам диссертации А. Андреевой монографию «*Metaphern im ethnischen Diskurs. Eine kognitiv-linguistische Analyse anhand der modernen deutschen Presse*», которая вызывает определенный интерес в аспекте рассматриваемых в данном сборнике проблем, связанных с особенностями организации немецкого масс-медийного дискурса. Вторая рецензия, автором которой является Л. Н. Григорьева, посвящена вышедшей также в Германии книге словацкой исследовательницы из университета им. Матая Бела С. Бохушовой «*Aspekte der Mündlichkeit*», в которой затрагиваются проблемы устной спонтанной речи и ее характерных свойств, что органично дополняет данный сборник еще одной гранью — возможностью изучения особенностей устных жанровых речи.

Основная часть сборника состоит из тринадцати статей, распределенных, как уже указывалось выше, на три тематически пресекующиеся друг с другом раздела. В первом разделе «Общие и частные вопросы типологии речевых жанров», состоящем из шести статей, рассматриваются разнообразные характеристики таких жанров текста как письмо, путеводитель, публичная речь, историко-грамматические труды, предисловие, а также нарратив как определенная литературно-художественная форма. В статьях К. А. Филиппова, Л. Н. Григорьевой и Д. Е. Нифонтовой дается общий анализ определенных типов текста, ставших объектом их научного анализа. К. А. Филиппов описывает историко-грамматический дискурс в его диахроническом аспекте. Сопоставляя грамматические труды немецких и российских ученых XVIII века, он доказывает наличие у них типологических черт, позволяющих выделить их как особый дискурс. Статья Л. Н. Григорьевой посвящена одному из элементов паратекста в его двух основных ипостасях — в виде предисловия к художественным и научным произведениям, внутренняя смысловая структура которых характеризуется наличием как общих, так и отличительных черт. Д. Е. Нифонтова демонстрирует, что одной из основных текстовых функций руководств

для путешественников (своего рода путеводителей XVIII века) является функция совета, которая выступает в качестве их функциональной доминанты.

В статьях Л. Ф. Бирр-Цуркан, К. Р. Новожиловой и Т. Ю. Смирновой затрагиваются более частные моменты рассматриваемых типов текста или их композиционно-речевых форм. Так, Л. Ф. Бирр-Цуркан исследует явление этикетности как облигаторного свойства эпистолярного наследия выдающегося немецкого ученого Г. В. Лейбница. Предметом изучения К. Р. Новожиловой является осуществляемая в процессе наррации реализация разных видов дискурсивных ситуаций. Основное внимание в статье Т. Ю. Смирновой посвящено влиянию политического дискурса (а именно, речей немецких политиков) на функционирование грамматических единиц, когда они оказываются в прагматическом фокусе высказывания.

Второй раздел «Лингвистические и жанровые характеристики текстов научной коммуникации» включает в себя три статьи, среди которых также можно выделить как статьи типологического характера, так и те, в которых затрагиваются частные языковые явления, типичные для текстов научного дискурса. Объектом исследования выступают либо научный текст в целом как некое целостное понятие, либо его отдельные жанры (статья, рецензия и пр.). Так, в статье С. Т. Нефедова рассматриваются стереотипные способы построения такого текстотипа, как научная рецензия, и доказываются существование соответствующей прототипической текстовой модели. Статья Т. В. Пономаревой в чем-то перекликается со статьей Л. Ф. Бирр-Цуркан из первого раздела, поскольку в ней также затрагиваются вопросы этикетности, правда, на материале современного научного текста. А. В. Мельгунова на материале такого жанра научного текста, как научно-популярная статья, исследует характерное для данного жанра явление контекстуальной синонимии.

Третий раздел сборника «Социокультурные и языковые особенности текстов немецкоязычных СМИ» содержит четыре статьи, объектом изучения которых являются масс-медийные тексты, созданные практически во всем немецкоязычном пространстве — в Германии, Австрии и Швейцарии. Так, языковым особенностям одной из австрийских бульварных газет посвящена статья В. Б. Ребикова. Л. Б. Копчук проводит сопоставительное изучение исполь-

зования фразеологизмов в прессе Германии и Швейцарии. В статье Е. А. Гончаровой в фокус лингвистического анализа попадает такой газетно-журнальный жанр, как интервью, на материале которого изучаются способы выражения диалогических отношений. Часто используемые в текстах немецких СМИ прецедентные имена могут быть по-разному представлены в различных жанровых разновидностях (заметка, статья, интервью), что стало предметом изучения в статье Е. С. Степанова.

Восьмой выпуск сборника «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете», посвященный вопросам, связанным с текстотипологическим изучением разных речевых жанров на материале таких немецких дискурсов, как научный, масс-медийный, художественный, утилитарный и эпистолярный, предназначен для широкого круга филологов, а также для студентов и аспирантов, интересующихся проблемами жанроведения, или генристики.

I. ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.112.2

Л. Ф. БИРР-ЦУРКАН

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКЕТНОСТЬ КАК ЖАНРОВАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: эпистолярный жанр, этикетность, обращение, фатическая функция, адресат.

Статья посвящена исследованию этикетной функции как одной из основных функций эпистолярия. Предметом анализа послужили средства речевого этикета в эпистолярном наследии Г. В. Лейбница за 1702 год, а именно обращение, в том числе обращение на ты/Вы, использование титулов, уважительных эпитетов, регламентированное оформление начальных и завершающих пассажей писем („*Courtoisie*“). На примере писем Г. В. Лейбница можно судить об особенностях эпистолярного жанра в ранненовонемецком периоде.

L. F. BIRR-TSURKAN

St. Petersburg State University

ETIQUETTE AS A CHARACTERISTIC PROPERTY OF EPISTOLARY GENRE

Keywords: epistolary genre, etiquette, address, phatic function of language, addressee.

The article discusses the key role of etiquette function in epistolary genre. The author analyses means of speech etiquette in the 1702 epistolary heritage of G. W. Leibniz with an emphasis on forms of address. The formal/informal address (du/Sie), use of titles and epithets of respect are examined, as is *Courtoisie*, i.e. prescriptive code for the opening and closing paragraphs in letters. Leibniz's letters are used to exemplify features of epistolary genre in the Early New High German period.

Посредством переписки происходит письменное общение между автором письма и его адресатом, которые разнесены ~~ными~~ во времени и пространстве. Основными функциями эпистолярия традиционно считаются коммуникативная (общение), информативная (сообщение), прагматическая (воздействие), экспрессивная (самовыражение) и фатическая (установление контакта). При этом

основной, ключевой считается коммуникативная функция, так как эпистолярный «манifestирует сферу межличностного общения — взаимодействия двух или более субъектов, состоящего в обмене между ними сообщениями предметного или эмоционального характера и представляющего реализацию особой потребности в контакте с другими субъектами» [5, с. 16]. Остальные функции являются частными, причем, помимо указанных выше, могут выделяться и иные дополнительные функции. Так, например, А. В. Курьянович пишет о референциальной функции, когнитивной, эмоционально-оценочной, экспрессивной, метаязыковой, кумулятивно-трансляционной, этикетно-ритуальной, художественно-эстетической, функции самопрезентации и пр. Вместо прагматической функции предлагается, на наш взгляд, излишнее деление на более дробные: воздействующую, регулятивную и императивную функции [5, с. 13].

Для нашего исследования основной интерес, помимо коммуникативной функции, представляют фатическая и этикетно-ритуальная функции, которые тесно переплетаются друг с другом. Вероятно, можно также говорить о функции вежливости (как самостоятельной, так и в рамках этикетно-ритуальной функции).

Фатическая функция определяется коммуникативной целью автора письма, состоящей в установлении и поддержании контакта с адресатом. Основная роль при этом в переписке отводится обращению к адресату и подписи автора письма.

Этикетно-ритуальная функция обусловлена коммуникативной целью автора, заключающейся в установлении, поддержании или прерывании общения с партнером (то есть, собственно фатической функции) в соответствии с принятыми в обществе традициями и нормами речевого этикета.

Одним из важнейших структурно-стилистических признаков эпистолярного жанра, наряду с сочетанием в текстах признаков монологической и диалогической речи, использованием языковых средств, соответствующих сфере переписки, устойчивой композицией текста, является точное обозначение отправителя и получателя (обращение к последнему и подпись отправителя) и соблюдение речевого этикета с учетом фактора адресата, характера сообщения и национальных «эпистолярных» традиций [11, с. 627–628].

Речевой этикет, в свою очередь, определяется как «совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующую

щих сферах и ситуациях общения. Речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, воспитанностью языковой личности, постоянной практикой, контролируемой сознанием» [11, с. 354]. Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой предлагает следующее определение: «Речевой этикет — система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [10, с. 413].

Недостаток приведенных выше определений видится в том, что они не содержат указания на историческую изменчивость речевого этикета, на связь его средств с определенным этапом развития общества. Речевой этикет социален, он возник и развивается под воздействием различных факторов общественного характера, является общественным продуктом и изменяется с изменением общества. «Речевой этикет представляет собой некий свод норм и правил, согласно которым строится общение и соответствующий инструментарий для исполнения этих правил — набор устойчивых ритуализованных единиц, понятных для носителей данного языка на данном этапе его развития, служащих для обеспечения контакта между коммуникантами согласно предписываемым этикетом нормам и правилам, а речевой ритуал есть применение этого свода норм и правил в определенной речевой ситуации» [3, с. 23].

Особая роль в речевом этикете отводится вежливости. Н. И. Формановская рассматривает ее как одну из «специализированных функций речевого этикета» [8, с. 13–15]. Многие исследователи обращают внимание на близость понятий речевого этикета и вежливости, так, например, А. Г. Балакай полагает следующее: «И вежливость, и этикет — суть внешние проявления доброжелательного отношения к окружающим. И вежливость, и этикет реализуются в ситуации непосредственного общения в координатах «я — ты — здесь — сейчас». Все вербальные и невербальные знаки вежливости суть знаки этикета. И все же современное понятие этикета несколько шире понятия вежливости. Если любое проявление невежливости <...> расценивается как нарушение этикета, то не всякое соблюдение этикета <...> воспринимается окружающими как вежливость» [2, с. 16]. Н. И. Формановская также от-

мечает, «что эти явления не покрывают друг друга, а лишь тесно взаимодействуют; не все то вежливо, что этикетно, но все, что неэтикетно, невежливо» [9, с. 405]. Х. Вайнрих также подчеркивает, что вежливым или невежливым может быть речевое или неречевое поведение¹ [21, S. 24]. Поэтому говорить о полном совпадении понятий вежливости и речевого этикета было бы неверно.

Основополагающим для определения вежливости является *face*-концепция С. Левинсона и П. Браун. Исследователи определяют *face* как публичный имидж, создаваемый представителем социума и поддерживаемым им в глазах его окружения² [13, p. 61]. Собственно, еще до Левинсона и Браун эта концепция была предложена Э. Гоффманом³ [15, p. 213]. В качестве синонима термина *face* предлагается также понятие имидж. Манфред Беетц видит в имидже социальную величину, придающую достоинство индивиду, которое этот индивид пытается всеми силами сохранить, укрепить и вновь обрести в случае утраты⁴ [12, S. 130].

Таким образом, *face* (лицо, имидж) представляет собой точку пересечения, сопряжения одного индивида с другим или другими и интеграции индивида в социум, и соблюдение правил вежливости подразумевает сохранение своего лица, имиджа и поддержание лица, имиджа партнера по коммуникации, а в случае переписки — адресата.

Письмо является одним из инструментов выражения вежливости и уважения. Основными элементами выражения уважительно-го отношения к адресату являются выбор соответствующего обращения, использование вежливых форм и формул приветствия/прощания.

¹ Ср.: «Höflichkeit ist ein sprachliches oder nichtsprachliches Verhalten, das zum normalen Umgang der Menschen miteinander gehört und den Zweck hat, die Vorzüge eines anderen Menschen indirekt zur Erscheinung zu bringen oder ihn zu schonen, wenn er vielleicht nicht vorzüglich sein will» [21, S. 24].

² Ср.: «the public self-image that every member [of a society] wants to claim for himself» [13, p. 61].

³ Ср.: «The term face may be defined as the positive social value a person effectively claims for himself by the line others assume he has taken during a particular contact. Face is an image of self delineated in terms of approved social attributes» [15, p. 213].

⁴ Ср.: «sozialer Wert, „der dem Einzelnen Würde verleiht, und den er in jeder nur denkbaren Interaktion zu wahren, zu befestigen und bei Verlust wieder zu erlangen sucht» [12, S. 130].

Подобно речевому этикету, эпистолярный имеет исторический характер, так как подразумевает соблюдение определенных правил написания письма, меняющихся со временем. «Как и любой вид человеческой деятельности, переписка развивалась постепенно по мере развития общества, приобретая определенные черты этого общества и впитывая дух соответствующего времени» [6, с. 6].

В качестве исследовательского материала для настоящей статьи использована переписка Готфрида Вильгельма Лейбница, изданная Берлинской и Гёттингенской академиями наук в 2012 году и имеющаяся в электронном доступе, а именно 21-й том (все примеры взяты из этого тома), который охватывает девять месяцев переписки Лейбница за 1702 год (447 писем). Часть немецкоязычных писем (21) написана самим Лейбницем, а другая часть (50) обращена к нему.

Прежде всего необходимо отметить, что традиционное построение письма — зачин, содержащий дату, место, приветствие и обращение; основная информативная часть, в которой сообщаются сведения, послужившие поводом для написания письма; концовка письма со словами прощания, просьбы, пожелания, подписью и иногда припиской [11, с. 629] — к началу XVIII века достаточно сформировалось. К этому времени можно говорить об уже трех четко прослеживаемых композиционных блоках. Это отмечается многими исследователями как на немецкоязычном, так и на русскоязычном материале [1, 14, 17, 18, 20].

Эпистолярный дискурс отличается высокой степенью ритуализованности и требует соблюдения определенных правил оформления письма.

Зачин письма (*Briefbeginn*) включает прежде всего *salutatio*, характеризующее как «точка опоры и отправной пункт письма, демонстрирующие отношение автора и его адресата, предопределяющие тон письма и уровень вежливости, в которых оно будет выдержано, и являющие собой решающую часть послания»⁵ [20, S. 310]). Составленное по правилам *salutatio* состоит из собственно формулы приветствия и обращения.

Особенностью эпистолярного жанра является его адресный и этикетный характер. Адресованность обеспечивается прежде

⁵ Ср.: «den sprachlichen Dreh- und Angelpunkt eines Briefes, der den Absender in Beziehung zum Adressaten setzt, die Stil- und Höflichkeitsebene vorprägt und nicht selten selbst bereits die entscheidende Briefbotschaft ist» [20, S. 310].

всего обращением. «Обращение — это функция служебной лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста в целом и отдельных его частей адресату, а также в установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата о характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста» [4, с. 114–115]. С точки зрения А. М. Пешковского, «в формах обращения обнаруживается переплетение функций побуждения и привлечения внимания с функцией квалификации самого слушателя» [7, с. 407]. Обращение в эпистолярном жанре выполняет две функции: с одной стороны, оно является средством реализации адресного характера письма, а, с другой стороны, правильный выбор обращения обеспечивает соблюдение имеющегося у адресата и адресанта *face* (лица, имиджа), то есть через него реализуется этикетный характер письма.

В немецкоязычной переписке Г. В. Лейбница непосредственно с обращения к адресату начинается менее трети писем (а именно, 29). При этом обращение в начале письма может включать в себя указание на социальный статус (нейтральное *Herr* или конкретный титул) или на отношения адресата и адресанта (родственные или «производственные»), например:

- (1) *Hochedlgebohrner Hochgeehrtester Herr!* (Philipp Wilhelm von Hörnigk an Leibniz, 24. Dezember 1702, S. 767);
- (2) *Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath* (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, 24. Juli 1702, S. 409);
- (3) *HochEdler Herr, HochgeEhrtester Herr Vetter und Gevatter, großer Patron,* (Johann Friedrich Freiesleben an Leibniz, 30. Oktober 1702, S. 598).

Как видно уже из приведенных выше примеров, обращения могут содержать различные эпитеты. Употребление эпитетов было также строго регламентировано, что отмечалось в существовавших в то время письмовниках.

Так, например, ссылаясь на издание 1729 г. письмовника И. Г. Нойкирха (Johann George Neukirch, *Akademische Anfangs-Gründe. Zur Briefverfassung.* Braunschweig. 1729), Кармен Фургер отмечает, что только для представителей светских сословий называлось пятнадцать различных уважительных эпитетов, например, «Hochwohlgeboren» соответствовал уровню «баронов, а так-

же благородных лиц знатного рода» («Freiherren und Barone sowie Edelleute adligen Standes»), а «HochEdelgeboren» отводилось «советникам на службе императора, короля или князя, а также бургомистрам крупных имперских городов» («Ratspersonen in kaiserlichen, königlichen oder auch fürstlichen Diensten sowie Bürgermeister von großen Reichsstädten»). К доцентам университетов, академий и гимназий употребляли обращения «HochEdler, Vest und Hochgelarter», «HochEdler und Hochgelarter» или просто «HochEdler», в то время как к «гофмейстерам на службе дворян и знати» («Hofmeister in adligen und vornehmen Anstellungen») следовало обращаться как к «HochWohlEdler und HochWohlgelarter», а эпитет «Edel» отводился «советникам в небольших городах и коммерсантам, а также людям искусства и представителям таких профессий как книгопечатникам, аптекарям, граверам или часовщикам» («Ratspersonen in kleineren Städten und Kaufleute, ebenso aber auch auf Künstler und Angehörige von Berufsgruppen wie den Buchdruckern, Apothekern, Kupferstechern oder Uhrmachern») [14, S. 109]. Далее К. Фургер отмечает зависимость обращения не только непосредственно от социального статуса адресата, но и от социальной иерархии, существовавшей между адресатом и автором письма. Например, «Hochgeehrter Herr» использовалось в том случае, если адресат и адресант занимали одинаковую общественную позицию, а «Günstiger» или «Gebietener Herr» вменялось использовать лицам рангом ниже адресата.

В исследуемой переписке эпитет «Hochgeehrter Herr» используется по отношению к Лейбницу в трех случаях:

- (4) *WohlEdler Insonders **Hochgeehrter Herr** Geheimter Justiz Rath*, (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 20. Mai 1702, S. 10);
- (5) *Wohl gebohrner Herr Insonders **Hochgeehrter Herr** Geheimter Rath, / Hochgeneigter Patron* (Johann Theodor Jablonski an Leibniz, 25. April 1702, S. 198);
- (6) *Wohlgebohrner Herr etc. / sonders **Hochgeehrter Herr** Geheimbter Rath*, (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, 24. Juli 1702, S. 409).

Во всех этих случаях эпитет «Hochgeehrter Herr» соседствует, с одной стороны, с эпитетами «WohlEdler» или «Wohlgebohrner», а с другой, с указанием на чин тайного советника («Geheim(b)ter Rath»). Йоханн Бартольд Кнохе (Johann Barthold Knoche) как минимум с августа 1697 года был слугой Лейбница, то есть говорить об

одинаковой общественной позиции адресата и адресанта нельзя. То же самое касается и Йоханна Теодора Яблонски (Johann Theodor Jablonski). Подробных данных о месте фон Оберга в социальной иерархии, кроме указания на то, что ему были пожалованы в лен две усадьбы в Брауншвейге, не сохранилось. Однако и примеры (4) и (5) позволяют усомниться в утверждении К. Фургер об употреблении эпитета «Hochgeehrter Herr» в случае занимания адресатом и адресантом исключительно одинаковой общественной позиции. Возможно, это объясняется более ранней датировкой переписки Лейбница, в то время как К. Фургер опирается в своем утверждении на более позднее издание письмовника.

Сам Лейбниц также использует эпитет «Hochgeehrte(r)» по отношению к своей племяннице Йоханне Регине Лейбниц и к сыну лейбврача короля Карла XI Густаву Жану Франсуа Лорману:

- (7) *WohlEdle, Hochgeehrte Jungfrau Muhme* (Leibniz an Johanna Regina Leibniz, 3. Mai 1702, S. 226);
- (8) *Hochwurdiger, Hochgeehrter H.* (Leibniz an Gustave Jean François Lohreman, 4. Mai 1702, S. 228).

Эпитет «Hochgeehrte(r)» очень часто используется в переписке в превосходной степени:

- (9) *HochEdelgeborner Herr Hochgeehrtester Herr und hochgeneigtester Patron.* (Philipp Helfrich Krebs an Leibniz, 10. Juni 1702, S. 304);
- (10) *Sonders Hochgeehrtester Patron* (Otto Mencke an Leibniz, 5. Juli 1702, S. 367);
- (11) *Hochgeehrtester Herr Gesandter Großwerthester Gönner* (Leibniz an Christoph Schrader, 2. Dezember 1702, S. 712).

Как видно из примеров, речь идет об обращении к покровителю или, во всяком случае, к лицу, от которого зависит решение той или иной проблемы (Patron/Gönner, то есть патрон/благодетель). Подобное усиление уважительных эпитетов может происходить и за счет употребления наречий «insonders» или «sonders» со значением «особенно» (см. выше примеры (2), (4), (5), (6), (10)).

Этикетную нагрузку имел не только выбор того или иного эпитета, но и графическое оформление обращения, занимало ли оно одну, две или три строки. Оформление обращения в зачине письма в одну или несколько строк диктовалось социальным статусом адресата и взаимоотношениями автора письма и его адресата: вы-

деляя для обращения две или три строки, автор письма хотел подчеркнуть свое особое уважение к адресату⁶:

- (12) *HochEdelGebohrner Herr, / HochzuEhrender Herr, und Hochgeneigter Gönner* (Daniel Ernst Jablonski an Leibniz, 4. April 1702, S. 145);
- (13) *Chur-Fürst. Durch. zu Braunschweig-Hannover hochansehnlicher Geheimbder Rath, / Hoch-Edler, Vest und Hochgelahrter, / mit kindlicher Liebe und unterthänigem Respect hochgeneigter Herr Vetter, und hoher Patron* (Johanna Regina Leibniz und Johann Caspar Westphal an Leibniz, 18. Mai 1702. Beilage zum Brief, S. 259).

Правила эпистолярного этикета начала XVIII века, вероятно, допускали использование сокращенных форм обращения, так как эти случаи весьма частотны в переписке Лейбница. Например, в письме к своему родственнику (Schwager) Райнердингу Лейбниц сокращает обращение «Herr» до начальной буквы, предшествующий ему эпитет до «Hochg.» (вероятно «Hochgeehrter»), а также вместо перечисления, вероятно, принятого набора эпитетов пишет после первого эпитета «etc.»:

- (14) *WohlEdler etc. insonders Hochg. H.* (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), Anfang Mai 1702, S. 9).

Особый интерес представляет употребление обращения «Eure Excellenz». Оно ни разу не встречается в *salutatio* письма, а фигурирует только по ходу основной части письма или в его концовке. Правда, в тех случаях, когда начальное обращение в письме отсутствует и письмо, например, начинается с сообщения о получении или отправке предыдущей корреспонденции, эта форма может оказаться и в первых строках письма, например:

- (15) *Eurer Excellenz beyde Schreiben habe erst gestern erhalten, und, weil Sie mir befehlen, daß ich alles, was eclatiret, weiter berichten soll, ...* (Friedrich August Hackmann an Leibniz, 1. April 1702, S. 141);
- (16) *Ew. Excellenz Leztes Schreiben vom 9ten Decembr. habe von Ihro Dh. der Churfürstin Lacquaien wohl erhalten, und weiß ich nicht wie es den zugeht, mit den Brieffen, die Mademoisell Geelhof versprach mir, auff ihr Wort, daß Leztere Päckgen mit in der Churfürstin Durch. Pacquet mit einzuschließen, anitzo aber ersehe auß Ew. Excell. wer-testes Schreiben, daß daßelbe nicht geschehen, sondern daß es auff*

⁶ Знак «/» используется здесь и далее для обозначения переноса текста оригинала на следующую строку.

die Post gekommen, und es Ew. Excell. bezahlen müssen, woran ich aber nicht schuldig bin... (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 16. Dezember 1702, S. 128–129);

- (17) *Anbefohlener maßen habe mich nach Ihro logiament verfüget, und wegen des von Ewr. Exc^{ce} zurückgeschickten Co ers nachgefraget, so ...* (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 16. September 1702, S. 69).

Как видно из примеров (16) и (17), кроме полной формы «Eure Excellentz», допускалась различная степень сокращения (Ew. Excellenz, Ew. Excell., Ewr. Exc^{ce}).

В большинстве случаев использование сокращенных форм обращения проявляет следующую тенденцию: при первом употреблении и непосредственно в концовке письма предпочтение все же отдается более полной форме, а в основной части письма допускаются более краткие формы (пример (18)), причем, если речь заходит о каком-то жизненно важном для автора письма моменте, решение которого зависит от адресата, то он переходит к более полной форме, вероятно, желая подчеркнуть свое уважение (пример (19)):

- (18) *Alhier übersende die übrige Abschriften von Herr Dannenberg; mit der Lezten Post habe meine Schriften bey H. Schlemm, auch an Ew. Excellentz geschicket, welches Ew. Excell. Zweifels ohne werden bekommen haben, <...> weill ich es nun schon eine geraume Zeit außgestanden, etc. Ew. Excell. thue auch zu wissen <...> Wann also Ew. Excell. befehlen, daß ich soll Zucker dazu kauffen, und <...> Im Übrigen empfehle Ew. Excellentz in Gött. protection und verharre ...* (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 18. Oktober 1702, S. 85–86);
- (19) *Des Herrn Geheimbden Raths Excellentz Schreiben vom 13. und 15. Juni habe wohl 5 erhalten und <...> weil gemerket, daß Ew. Exc. ein solches vielleicht gefallen möge <...> auch ohne speciale permission Ew. Exc. nicht stat geben werde. <...> ich möchte aber vor erst von Ew. Exc. wissen <...> Er hat sehr bedauert, daß er Ew. Exc. nicht gesprochen. <...> Ich möchte gerne wissen, ob Ew. Excellentz mich auch nach absolvirung meines pensi auf condition, wie bißher geschehen, behalten wolten, worüber ich vergnügt seyn würde. <...> wo nicht Ew. Excellentz einmahl mir ihrer Gütigkeit nach unter die Armen greiffen. <...> Wenn ich wüste daß es mir an einem verleger nicht fehlen sollte, so wolte mich nach schließung der Monathe, wofern es Ew. Excellentz gut hieße, an mein längst im Kopfe concipirtes systema genealogicum*

machen und in Gottesnahmen es stückweise außzufertigen den anfang machen. Ich erwarte Ew.Excell. gedancken über die-ses, und hoffe <...> und würde mich glücklich achten wo von Ew.Exc. etwas erhalten könnte. <...> Womit verharre Ew. Excellentz gehorsamster diener Eckhart (Johann Georg Eckhart an Leibniz, 23. Juni 1702, S. 31–34).

Манфред Беетц отмечал, что именно в силу потенциальной опасности для имиджа адресата со стороны обращения участник коммуникации, занимающий более низкое социальное положение, должен компенсировать эту потенциальную опасность, используя так называемые сигналы дистанции⁷ [12, S.205]. К подобным «сигналам дистанции» относятся формы местоимений вежливого обращения. В переписке Лейбница в качестве вежливых используются формы, омонимичные личному (или притяжательному) местоимению 2-го либо 3-го лица множественного числа. В приведенных выше примерах используется форма «Eure Excellentz». Однако в ряде случаев в этой же формуле используется притяжательное местоимение Ihr. Так, например, Й. Б. Кнохе заканчивает свое письмо Лейбницу от 20 мая 1702 года следующими словами:

(20) *Übrigen verbleibe / Ihr Excellentz getreuer Diener / Joh. Bart. Knoche.*

И далее, в приписке:

Ihre Sachen werde ich schon in Acht nehmen... (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 20. Mai 1702, S. 11).

При этом формы 2-го и 3-го лица могут соседствовать в рамках одного письма:

(21) *Anbefohlener maßen habe mich nach Ihro logiament verfüget, und wegen des von Ewr. Exc^{ce} zurückgeschickten Coffers nachgefraget, <...> Die eingelaufene brieffe kommen hiebey, und habe ich die vier mit eingekommene Hamburgische zeitungen bis zu fernerer Ihrer verordnung zurück behalten.* (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 16. September 1702, S.69);

(22) *Eß kombt hiebei der Catalogus nebst dem auff das paqvet gefügten brieffe, von welchem Ewr. Exc^{ce} in dem, am 26. hujus datirten erwehung gethan; <...> ich bis Ihro wiederkunft bey mir behalten will*

⁷ Cp.: «Gerade weil die Anrede eine potentielle Imagebedrohung für den höheren Adressaten bedeutet, muß sie der Rangniedrigere durch Distanzsignale kompensieren» [12, S.205].

- <...> bey meiner nachfrage des Catalogi halber <...>, daß Dr Berens aus Hildesheim ebenfalß einen paquen an **Ewr. Excell.** haltend bei Sie einreichen laßen, welchen Sie ebenmäßig bis zu **Ihrer** rückkunft an sich behalten wollen. (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 30. September 1702, S. 61-62);
- (23) Also werden **Ew. Excell.** **Ihre** Meynung hier überschreiben, wie man es mit den Kirschen machen soll. (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 21. Oktober 1702, S. 91);
- (24) ... also bitte ich **Ew. Excell.** hiermit gehorsamst, weill nicht ein stück Holtz allhier mehr vorhanden, daß sie doch wollen ein Zettel an den Cammer Fourier mit überschicken, damit ich doch ein fuder bekommen kann, bis **Ew. Excell.** wieder kommen <...> Frau von Luden, verlanget ehe sie antw. von **Ew. Excell.** bekommt wegen Mons. Eckart seiner stube, <...> ob es **Ihr. Excell.** selber behalten wollen ... (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 29. Oktober 1702, S. 94-95);
- (25) Es sind die bücher in einem paqvete aus Holland nuhn gestern einst arriviret, und in **Ewr. Excell.** behausung eingeliefert, Und wie ich nun vermuhete, daß **Sie** bald wieder anhero kommen werden ... (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 2. Dezember 1702, S. 123).

Анализ переписки Лейбница позволяет предположить, что к этому времени в качестве свободно употребляемой формы вежливого обращения уже закрепляется форма, омонимичная 3-му лицу множественного числа. Что касается формы, омонимичной 2-му лицу множественного числа, преобладавшей на более ранних этапах развития немецкого языка, то она пока сохраняется в устойчивых формах типа «Eure Excellentz», но уже и здесь иногда проявляется форма 3-го лица, что прослеживается в примерах (20) и (24). Свидетельством постепенной грамматикализации формы 3-го лица множественного числа в качестве вежливой можно рассматривать также употребление формулы «Eure Excellentz» с глагольными формами множественного числа (например, *bis Ew. Excell. wieder kommen* или *ob es ihr. Excell. selber behalten wollen* в примере (24)).

Пример (22) интересен также своим упоминанием 3-го лица, по отношению к которому также используется вежливая форма *Sie*, а не *er* (... *bei Sie einreichen laßen, welchen Sie <...> an sich behalten wollen*).

При упоминании третьих лиц соответствующего княжеского происхождения в переписке часто встречается германское титуло-

вание *Durchlaucht* (светлость), как правило в сокращенной форме, например:

- (26) ...*wenn S. Dh. Hertzog Ant. Ul. sich in der güte mit Uns setzen will. Der Inhalt desselben ist dieser, daß hochgedachte S. Durch. sich ihrer Regierung gäntzlich begeben, und S. D. H. R. A. selbige einzig und allein wieder übernehmen sollen ...* (Friedrich August Hackmann an Leibniz, 1. April 1702, S. 142).

Анна Кречмер, исследовавшая русскую частную корреспонденцию XVII и начала XVIII веков, отмечала, что эпистолярные формулы бывают двух видов — начальные формулы и формулы концовки письма, причем начальные формулы имеют более устойчивую структуру и их употребление является более обязательным, чем употребление конечных формул⁸ [18, S. 74]. То же самое можно сказать и относительно немецкого эпистолярного жанра. Тем не менее, конечные формулы выполняют немаловажную роль для реализации этикетной функции.

Концовка письма включает в себя так называемую *Courtoisie*. Эта часть письма начиналась, как правило, с фразы типа «*ich verharre mit allem ersinnlichen Respest*», в которой автор письма заверяет адресата в своей преданности, верности, дружбе. Затем следовало повторение обращения к адресату, например, «*Ewr. Excellenz*», и почтительная подпись автора:

- (27) *Womit verharre Ew. Excellenz gehorsamster diener Eckhart.* (Johann Georg Eckhart an Leibniz, 23. Juni 1702, S. 34);
- (28) *alstets verharrend Ewrer Excellence Unterthänigst gehorsamster Conrad Iohan Dannenberg.* (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz Hannover, 5. September 1702, S. 61);
- (29) *Ich verbleibe zeitlebens Monsieur Sein wohlaffectionirter Anthon Ulrich.* (Herzog Anton Ulrich an Leibniz Wolfenbüttel, 19. Dezember 1702, S. 131);
- (30) *der ich bey trewer Empfehlung in Göt. obhut verharre Ew. HochEdelgebohren Meines HochgeEhrtisten Herren Gebet- und dienstergebenster Diener D. E. Jablonski.* (Daniel Ernst Jablonski an Leibniz, 4. April 1702, S. 147).

⁸ Cp.: «Die gesamte Briefformel besteht aus zwei gut zu unterscheidenden Teilen: der Anfangs- (im folgenden AF) und der Schlußformel (SF), wobei die AF gewissermaßen das Kernstück ist; sie weist eine festere Struktur auf, und auch ihr Gebrauch ist in höherem Maße verbindlich als der der SF.» [18, S. 74].

Графическое расположение подписи также несло в себе этикетную нагрузку: чем дальше от центра строки, тем более подчеркнuto уважительным было отношение к адресату, например:

- (31) ... *meine unterthanigste devotion zu vermelden, der ich iederzeit verbleibe / Meines insonders Hochg. H.----- dienstergebenster -----*
-- G. W. L. (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), An-fang Mai 1702, S. 10);
- (32) *Ubrigen verbleibe / Ihr Excellentz getreuer Diener ----- Joh. Bart. Knoche.* (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 20. Mai 1702, S. 11).

Итак, письмо является одним из инструментов речевого этикета, и этикетный характер может рассматриваться как одна из жанровых особенностей эпистолярного жанра. Основными элементами эпистолярия, которые служат для выражения вежливого отношения автора к адресату, являются обращение к адресату в начале письма и в его основной части, дихотомия *sie (ihr)/du* и концовка письма с формулами-пожеланиями или благословениями, заверениями в верности и подписью автора письма. На этикетность эпистолярного жанра существенное влияние оказывают внеязыковые факторы, такие как

- социальный статус, причем важен не только социальный статус адресата письма, а соотношение социальных статусов отправителя и получателя;
- наличие родственных отношений между отправителем и получателем;
- цель, тема письма, то есть написано ли оно ради выражения некой просьбы, благодарности, протекции, инструкции и т. д.,
- временной фактор, то есть та эпоха в истории эпистолярного жанра, к которой относится конкретная переписка.

Литература

1. Акишина, А. А., *Формановская, Н. И.* Этикет русского письма. 5-е изд., испр. и доп. М: Русский язык, 2007..
2. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф... докт. филол. наук / Новокузн. гос. педаг. ин-т. Новокузнецк, 2002. 40 с.
3. Бирр-Цуркан, Л. Ф. Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке: дис... канд. филол. наук. СПбГУ. СПб., 2007.
4. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1987.

5. Курьянович, А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: Изд-во Томск. гос. педаг. ун-та, 2013.
6. Силаева, Н. В. Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста (на материале английской частной переписки XVIII-XIX вв.): автореф. дис. ... д-р филол. наук. Самар. гос. педаг. ун-т. Самара, 1999. 22 с.
7. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
8. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. 3-е изд. М.: Ком-Книга, 2006.
9. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007.
10. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта; Наука, 2011.
12. Beetz M. Frühmoderne Höflichkeit. Komplimentierkunst und Gesellschaftsrituale im altdeutschen Sprachraum. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1990.
13. Brow, P., Levinson S. C. Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
14. Furger C. Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2010.
15. Goffman E. On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction // *Psychiatry*. 1955, Aug. Vol. 18 (3) . P.213–231.
16. Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe: in 24 Bden / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 21. Berlin; Göttingen: Akademie-Verlag Berlin, 2012.
17. Nickisch R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969.
18. Kretschmer A. Zur Geschichte des Schrifterussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhundert. München; Berlin; Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 1998.
19. Paravicini W. Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich: Hof und Schrift, Residenzenforschung 15. III. Ostfildern: Thorbecke, 2007.
20. Vellusig R. Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2000.
21. Weinrich H. Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist? Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1986.

References

1. Akishina, A. A., Formanovskaya, N. I. *Etiket russkogo pisma [Etiquette of Russian letters]*. Moscow, "Russkii iazyk" Publ., 2007. (In Russian)
2. Balakai, A. G. *Russkii rechevoi etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisania*. Autoref. diss. ... dokt. filol. nauk [*Russian etiquette and principles of his lexicographical description*]. Thesis of Dr. philol. sci. diss.]. Novokuznetsk, 2002. (In Russian)

3. Birr-Tsurkan, L. F. *Edinitsy rechevogo etiketa I ikh funkcionirovanie v sredneverkhnenemskom iazyke*. Diss... kand. filol. nauk [Speaking etiquette units and function of them in Middle High German. Diss. of PhD]. St. Petersburg, 2007. (In Russian)
4. Goldin, V. E. *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: theoretical problems]. Saratov, Saratov University Publ., 1987. (In Russian)
5. Kutyanovich, A. V. *Teoreticheskiye voprosy izucheniya epistolaria v sovremennoi lingvistike*. [Theoretical issue of epistolary study in the modern linguistics]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gos. universiteta, 2013. (In Russian)
6. Silaeva, N. V. *Lingvopragmaticheskii analiz expressivnosti epistolarnogo teksta (na materiale angliiskoi chastnoi perepiski XVIII–XIX vekov)*. Autoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Linguistic pragmatic analysis of epistolary text (on the material of English private correspondence of 18th–19th century)]. Thesis of Dr. philol. sci. diss.]. Samara, 1999. 22 p. (In Russian)
7. Peshkovsky, A. M. *Russkii sintaxis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in scientific interpretation]. Moscow, "Iazyki slav'anskoi kul'tury" Publ., 2001. (In Russian)
8. Formanovskaya, N. I. *Russkii rechevoi etiket. Lingvisticheskii i metodicheskii aspekty* [Russian speaking etiquette. Linguistic and methodic aspects]. 3rd ed. Moscow, 2006. (In Russian)
9. Formanovskaya, N. I. *Rechevoe vzaimodeistvie: kommunikatsia i pragmatika* [Talk exchange: communications and pragmatics]. Moscow, IKAR Publ., 2007. (In Russian)
10. *Boľshoi entsiklopedicheskii slovar'. Iazykoznanie* [Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. Ed. by V. N. Jartsev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. (In Russian)
11. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. (In Russian)
12. Beetz, M. *Frühmoderne Höflichkeit. Komplimentierkunst und Gesellschaftsrituale im altdeutschen Sprachraum*. Stuttgart, J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1990. (In Russian)
13. Brown, P., Levinson, S. C. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.
14. Furger, C. *Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2010.
15. Goffman, E. *On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction*. In: *Psychiatry*, 18 (3), (Aug.) 1955, pp. 213–231.
16. Leibniz, G. W. *Sämtliche Schriften und Briefe; hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Bd. 21. Berlin, Göttingen: Akademie-Verlag Berlin, 2012.
17. Nickisch, R. M. G. *Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969.
18. Kretschmer, A. *Zur Geschichte des Schrifrussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhundert*. München, Berlin, Washington D.C., Verlag Otto Sagner, 1998.
19. Paravicini, W. *Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich: Hof und Schrift*. In: *Residenzenforschung* 15. III. Ostfildern, Thorbecke, 2007.

20. Vellusig, R. *Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh.* Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2000.

21. Weinrich, H. *Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist?* Mannheim; Wien; Zürich, Bibliographisches Institut, 1986.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ,

кандидат филологических наук,

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Lilia Birr-Tsurkan

Associate Professor of German Philology Department,

St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg State University,

E-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru

СТАТУС И ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПРЕДИСЛОВИЙ

Ключевые слова: паратекст, предисловие к литературному произведению и научному труду, текстотипологическая модель предисловия, коммуникативные блоки предисловия.

В данной статье речь идет о предисловии как особом типе текста, о проблемах его дефиниции, выделении его характерных признаков и текстовых функций, а также о возможностях его дальнейшей внутренней дифференциации. На примере двух основных жанровых разновидностей предисловия — литературном и научном — рассматривается вопрос создания их прототипических моделей, представляющих собой набор определенных коммуникативных блоков, с дальнейшим сопоставительным анализом коммуникативного блока «адресация к читателю».

L. N. GRIGORIEVA

St. Petersburg State University

STATUS AND GENRE VARIETY OF FOREWORDS

Keywords: paratext, foreword to a literary work, foreword to a scientific work, textual and typological models of a foreword, communicative units of a foreword.

This article attempts to analyze foreword as a specific text type by considering problems of its definition, emphasizing its distinctive attributes and textual functions as well as reviewing possibilities of its further internal differentiation. Using the examples of two main genre types of forewords — literary and scientific — the author approaches the task of creating corresponding prototypical models, which could be presented as sets of communicative units. The communicative unit of “addressing the reader” is being analyzed subsequently.

Определение понятия предисловие

Изучением предисловий на современном этапе занимаются представители обеих основных филологических дисциплин — литературоведения и лингвистики.

При этом в лингвистической литературе можно обнаружить самые разные трактовки понятия *предисловие*. Под предисловием в трактовке, которую можно обнаружить в энциклопедических словарях, понимается «вводная статья критического, текстологического, исторического и тому подобного содержания, предпосылаемая книге, чтобы сообщить читателю те или другие сведения,

которые, по мнению автора, редактора или издателя необходимы для лучшего понимания последней» [1].

Литературное предисловие, согласно его дефиниции, представленной в работах О. Г. Лазареску, посвятившей свою докторскую диссертацию историческому аспекту изучения литературного предисловия, «выступает как значимая часть художественного произведения, представляющая авторскую концепцию мира и художественного творчества декларативно-разъяснительным способом или собственно эстетическим, основанным, в первую очередь, на приеме стилизации “чужого” сознания и “чужой” речи» [2, с. 4].

Между приведенными трактовками нетрудно отметить определенные различия, касающиеся толкования сущности предисловия. Первая дефиниция носит скорее обобщающий характер; это позволяет использовать ее практически для всех видов предисловий, что подчеркивается использованием таких атрибутов как «критического, текстологического, исторического и т. п. содержания», в то время как вторая может быть приложена только к предисловиям, сопровождающим литературное произведение, на что в ней непосредственно указано: «часть художественного произведения» (ср. использование в первой дефиниции слова более широкой семантики «книга»). Во втором определении подчеркивается также возможная внутренняя дифференциация литературных предисловий по двум направлениям — собственно авторские и неавторские — а также предисловия так называемого разъяснительного или более изощренного типа (см. об этом ниже). Бросается в глаза также описание выстроенной различным образом структуры отношений между адресатом и адресантом. В первой дефиниции четко обозначено как авторство предисловия («редактора или издателя»), так и его целевая установка («чтобы сообщить читателю те или другие сведения, необходимые для лучшего понимания последней»). Во второй дефиниции как авторство, так и целевая группа представлены достаточно размыто («авторскую позицию»), либо вообще не представлены.

Такое неоднозначное толкование понятия предисловия свидетельствует об отсутствии единого понимания данного явления и, как следствие, о его внутренней неоднородности.

Текстовый статус предисловия

Уже в приведенных выше дефинициях очевидны некоторые расхождения в понимании статуса предисловия, трактуемого в них либо как «вводная статья», либо как «часть произведения», где в первом случае подчеркивается известная законченность и автономность предисловия (ср. использование слова «статья»), а во втором — акцент делается, наоборот, на невозможности его существования в качестве самостоятельного текста вне связи с тем, что оно предваряет. Стремление найти компромисс в определении сути предисловия и его трактовки с учетом этой двойственности получили отражение в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов.

Так, в первых попытках осмысления статуса предисловия часто использовалось понятие *зачина* текста как некоей подготовки к длинному изложению последующего основного текста [3]. В XX веке в литературоведении, например, в статье Д. Якубовича [4], стали уделять особое внимание следующим окружающим основной текст элементам: заглавию, подзаголовку, имени автора, эпиграфу, посвящению и даже дате, месту написания/публикации и полиграфическому оформлению; к этим элементам было отнесено в том числе и предисловие. Все эти элементы в совокупности получили наименования *затекстовых* структур (см. об этом подробнее в [5]). Из всех перечисленных элементов предисловие явно отличается от прочих своей собственной, более автономной текстовой природой и ярко выраженной текстуальностью.

Большой вклад в дальнейшее изучение предисловий внес известный французский теоретик литературы Жерар Женетт, издавший в 1987 году книгу (“*Seuils*”), посвященную введенному им в лингвистический обиход понятию *паратекст*, одним из которых выступает предисловие. Именно на его работы опирается большинство современных исследователей, изучающих подобные элементы текста.

Одновременно с литературоведами исследованием предисловий занимались и лингвисты, в частности, например, известный российский языковед И. Р. Гальперин, который назвал предисловие и другие его разновидности (вступления, прологи) *предтекстами*, представляющими собой часть целого макротекста. При этом он указал на перспективный характер предисловия, который сказывается

в его векторной направленности: «читатель воспринимает основной текст произведения уже по заранее predeterminedному руслу». Это, по его мнению, «в какой-то степени ограничивает возможности индивидуально-творческого осмысления содержательно-концептуальной информации» [6, с. 61]. Гальперин предпринял к тому же попытку разграничить предисловие, введение и пролог. Введение в отличие от предисловия «не раскрывает ни плана повествования, ни сюжета, ни основной информации»: «иногда оно эксплицитно выражает творческий импульс автора или объясняет, что натолкнуло его на создание произведения, или дает некоторые обобщения». Пролог «настраивает читателя на определенный лад, навязывает ему созвучное с автором понимание того, что будет описано в тексте, и понимание самой концептуальной информации». Сравнивая эти элементы предтекстов между собой, Гальперин выделил у предисловия две важные функции: функцию «передачи концептуальной информации» и одновременно с этим — функцию трансляции авторской интенции (то есть «созвучного с автором понимания» текста).

Наряду с изучением предисловий к литературным произведениям, параллельно, правда, с некоторым отставанием, объектом лингвистического исследования становилось и предисловие к научным трудам. Вопросами научных предисловий занимались представители Пермской школы. Е. А. Баженова в своей монографии «Научный текст в аспекте политекстуальности» отнесла предисловие к разряду «периферийных субтекстов» (это понятие можно рассматривать как аналог понятия «паратексты» в терминологии Женетта). По ее мнению, предисловие входит в состав «прагматической рамки», которую вместе с ним формируют заголовок, аннотация, заключение, библиографический список и оглавление». Кроме того, Баженова дала подробную характеристику смысловой структуры «речевого жанра» предисловия к научному тексту и привела набор стандартных формул, свойственных для каждой из его композиционных частей — вступительной, основной и заключительной [7, с. 231–236]. Баженова пришла к выводу, что предисловие обладает рядом признаков категории текстуальности, свойственных тексту, — развернутостью, расчлененностью, связностью, относительной целостностью, автосемантией. Вместе с тем его отличают от основного текста «перспективная направленность на последующее изложение» и «неисчерпанность авторского за-

мысла» [7, с.231–232]. Автосемантия предисловия проявляется в его способности быть адекватно понятым независимо от основного текста. «Являясь в значительной степени самостоятельным, относительно законченным текстом, оно (предисловие. — Л.Г.) хотя и связано “семантическими нитями” с основной частью, в то же время содержательно и композиционно находится вне ее. В связи с этим предисловие может быть рассмотрено исходя из его собственной композиционно-смысловой структуры» [7, с.232].

Значительный вклад в изучение текстотипа авторского предисловия на материале научных текстов был внесен С.Т.Нефедовым. Этой теме он посвятил две статьи [8, с.9], в которых уделил основное внимание осмыслению самого статуса предисловия как одного из «паратекстов»; исследованию его основных функций, связанных с «обслуживанием» основного текста; делемитации его на структурно-семантические сегменты; построению текстологической модели предисловия. Вслед за Женеттом, Нефедов отнес предисловие к «паратекстам» (таким, как название, краткая аннотация, эпиграф, оглавление и так далее), которые служат «вспомогательным средством, оснасткой основного текста» (“ein Behelf, ein Zubehör des Textes”). Наличие у предисловия такой основной функции как «обслуживание» основного текста (общую для всех паратекстов) обеспечивает, согласно Нефедову, его собственную текстуальность, «отличную от текстуальности базового текста». Поэтому он предлагает рассматривать предисловие как особый тип текста или текстотип, как *Text-in-Relation*, присоединившись к мнению, выраженному в работах немецких лингвистов последних лет. Ср.: „das Vorwort als “Textsorte-in-Relation““ у К.Тимма [8, с.197; 10, S.457].

Таким образом, при определении текстового статуса предисловия в лингвистике используются понятия зачина, затекстовых структур, паратекста, предтекста, субтекста, текстотипа и особого типа текста (*Text-in-Relation*).

Основные функции и признаки предисловия

Обоснованием для выделения предисловия как особого типа текста служит наличие у него особых, присущих только ему текстовых функций и характерных признаков. В существующей лингвистической литературе особое внимание данным вопросам уделяется в трудах И.Р.Гальперина и С.Т.Нефедова. Так, Гальперин,

анализировавший в основном литературные предисловия, определяет основную функцию предисловия как *интродукционную*, поскольку оно «вводит» читающего в основной текст. По его мнению, такие части макротекста, как предисловие, введение, пролог являются факультативными и характеризуются, с одной стороны, некоторой независимостью от основного текста, но, с другой стороны, неразрывной связанностью с ним. Они «имеют откровенно воздействующее влияние на читателя и контекстно-вариативное членение, поскольку они представляют собой чисто авторские размышления о содержании произведения в целом» [6, с. 58]. Гальперин выделил следующие характерные признаки предисловия как типа текста:

- а) тезисность — сжатое описание основных положений;
- б) аннотативность — перечисление проблем, затронутых в основном тексте;
- в) прагматичность — описание целевой установки произведения;
- г) концептуальность — выражение идей и теоретических положений произведения;
- д) энциклопедичность — сведение об авторе и краткая характеристика предшествовавших работ в данной области [6, с. 59].

В последние годы к основным чертам научного предисловия, подлежащим по мнению исследователей тщательному анализу, относят также:

- вторичный (паратекстовый, метатекстовый) характер;
- наличие паратекстовых элементов в самом предисловии;
- когерентную связь с предшествующими и последующими частями макротекста (заглавием, оглавлением и основным текстом);
- композиционные закономерности его построения (с выделением обязательных и факультативных коммуникативных блоков);
- интертекстуальные особенности (как эксплицитные, так и имплицитные);
- ярко выраженный диалогичный характер, воплощенный как в представленности фигуры автора текста, так и в прямой адресованности конкретным реципиентам [11].

В статье И. А. Вороновской, посвященной исследованию структуры и функций авторского предисловия к научному тексту, ука-

зано на ряд специальных функций этого текстотипа (при этом исследовательница ссылается отчасти на мнение У. Вирта [12, S. 608]):

- 1) функция привлечения внимания читателя, которая заключается в том, чтобы заинтересовать его побудить к прочтению основного текста;
- 2) фатическая функция, направленная на установление контакта между автором и потенциальным читателем;
- 3) информативная функция, которая выражается в том, что автор не только сообщает читателю «о своем намерении сообщить ему новое знание, но и частично формулирует элементы этого знания»;
- 4) интродуктивная функция, или функция введения-вступления, подобного увертюре к музыкальному произведению, в которой «в краткой, иногда завуалированной модуляциями форме звучат все его лейтмотивы»;
- 5) ориентирующая функция, направленная на формирование у читателя общего впечатления от содержания основного текста и возможности дальнейшей ориентации в нем;
- 6) директивная функция, связанная с тем, что в качестве преамбулы к основному тексту предисловие может носить инструктирующий характер [13].

Рассмотрев предисловие в коммуникативно-прагматическом аспекте и выделив в качестве его основной коммуникативной функции «обслуживание основного текста», С. Т. Нефедов, в свою очередь, указал, что оно может выполнять и другие, причем отличные друг от друга, функции, если рассматривать их с точки зрения автора и адресата. С позиции автора предисловие выполняет функции «текста-инструкции» и одновременно «текста-презентации», «обеспечивающие целевому адресату подготовленный доступ к основному тексту». С точки зрения читателя оно выполняет функцию «текста-ориентации» относительно основного текста, позволяющую ему определиться в вопросе о соответствии базового текста его «ожиданиям, интересам и потребностям». В своей более поздней статье Нефедов внес в перечень этих функций небольшое уточнение. С точки зрения автора он определил предисловие как «текст-комментарий» и одновременно «текст-рекламу», а с точки зрения адресата — как «текст-ориентацию / инструкцию» [9, с. 36–37].

Таким образом, лингвистам удалось выявить текстовые функции и основные характерные признаки предисловия с учетом специфики его двух основных жанровых видов.

Систематизация и типология предисловий

Первоначально типологией предисловий начали заниматься на материале литературных, причем только авторских предисловий. Одна из первых классификаций такого рода представлена в упомянутом труде Ж. Женетта, который предлагает выделить следующие пять основных видов предисловий по типу отправителя и по степени достоверности их атрибуции [14, S. 173-174]:

- 1) изначальное авторское предисловие (*das auktoriale Originalvorwort*);
- 2) последующее авторское предисловие (*das nachträgliche auktoriale Vorwort*);
- 3) позднее авторское предисловие (*das späte auktoriale Vorwort*);
- 4) аутентичное аллографическое предисловие (*das authentische allographe Vorwort*);
- 5) вымышленное предисловие (*das fiktionale Vorwort*).

Что касается типологии предисловий к научным текстам, то в лингвистике возможность их дальнейшей дифференциации пока не была выявлена, что позволяет предположить наличие у них более четко структурированной единообразной модели.

Прототипическая модель предисловия

Для создания прототипической модели предисловия как особого типа текста в лингвистической литературе часто используется понятие коммуникативного блока, впервые предложенного в работах М. П. Котуровой и Е. М. Крижановской, в которых разрабатывался метод «композиционно-прагматического» членения научного текста с помощью компонентов двух видов — коммуникативных блоков и прагматических установок [15]. Впоследствии эти идеи были развиты в кандидатской диссертации Крижановской [16, 17]. Согласно ее концепции, в процессе порождения текста происходит взаимодействие двух уровней смысловой структуры текста — коммуникативно-информационного и прагматического. Общей единицей обоих уровней является коммуникативный блок (далее — К-блок), который Крижановская определила следующим

образом: «Коммуникативный блок — это текстовая функционально-смысловая единица, представляющая собой результат языковой материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий (смыслов), функционирующая в качестве структурного элемента содержания и характеризующаяся коммуникативной направленностью на выражение актуальной для автора и читателя информации» [18, с. 163–164]. К-блоки характеризуются «регулярной частотой встречаемости» и занимают в смысловой структуре целого текста фиксированное положение. Но при этом у них отсутствуют четко очерченные границы и им свойственна вариантность текстового оформления, так как они строятся не по жестким моделям. Величина К-блока колеблется в тексте в среднем от одного до нескольких предложений. [18, с. 164–167].

Между К-блоками Крижановской и выделенными в уже опоминавшегося ранее труде Женетта функциями авторских предисловий, представляющими собой определенные смысловые элементы, можно провести некоторые параллели, ср.:

- 1) утверждение важности текста (Bedeutung);
- 2) утверждение оригинальности и новизны изображаемого предмета (Neuheit);
- 3) утверждение единства текстов, составляющих сборник (Einheit);
- 4) утверждение правдивости или искренности автора для обоснования ценности текста (Wahrhaftigkeit);
- 5) превентивная форма авторской самокритики, применяемая с той же целью (Blitzableiter);
- 6) рассказ читателю об истории возникновения текста (Entstehung);
- 7) руководство чтением через выбор целевого читателя (Wahl eines Publikums);
- 8) разъяснение заглавия (Titelkommentar);
- 9) заключение с читателем «договора о вымышленности» (Fiktionsverträge);
- 10) разъяснение порядка расположения материала и путей «навигации» по тексту (Rheienfolge der Lektüre);
- 11) информирование о литературном контексте произведения (Angaben über den Kontext);

- 12) выражение авторской интерпретации текста или его интенций (Absichtserklärungen);
- 13) определение жанровых особенностей текста (Gattungsdefinitionen) [14].

В настоящее время большинством лингвистов в качестве основной единицы членения текста принимается понятие коммуникативного блока с некоторыми уточнениями и модификациями. В. Е. Чернявская предложила, например, в качестве единицы текста использовать понятие «композиционно-прагматический сегмент» (КПС), содержание которого практически не отличается от К-блока [19, с. 69–70]. С. Т. Нефедов дополнил традиционно используемый термин еще одним компонентом: «коммуникативно-смысловой блок», сделав особый акцент на содержательной стороне этой текстовой единицы [8, с. 199; 9, с. 37]. Именно С. Т. Нефедов всесторонне исследовал текстотип авторского предисловия к научным монографиям и построил с учетом выделенных К-блоков прототипическую модель подобного текста. Для этого он привлек 30 предисловий к немецким научным монографиям и, следуя идеям Пермской школы, произвел их членение на структурные элементы, которые, вслед за Крижановской, назвал коммуникативно-смысловыми блоками (КС-блоками). В итоге он выделил в научном предисловии восемь КС-блоков:

- 1) заглавие,
- 2) эмоционально-экспрессивный блок,
- 3) блок коммуникативной ориентации,
- 4) блок формулирования целей и задач монографии,
- 5) концептуально-методологический блок,
- 6) блок характеристики предтекстов,
- 7) блок указания на целевого адресата,
- 8) блок описания архитектоники, содержания частей и «навигации» основного текста.

При этом, как отметил сам Нефедов, построенная им идеальная текстотипологическая модель авторского предисловия реализуется на практике не полностью. Реальные тексты предисловий в их отношении к модели построения выявляют широкую вариативность. Как правило, встречаются ее сокращенные варианты, объяснением чему в каждом случае служат целевые установки автора [8, с. 198–201].

Помимо Нефедова, в аналогичном русле предисловия рассматривают в своих работах представители петербургской лингвистической школы В.Е.Чернявская, К.А.Филиппов, Л.Н.Григорьева, И.А.Вороновская, Н.В.Понамарева [11, 13, 19, 20, 21].

Обзор по теме «прототипическая модель предисловия лингвистической литературы» продемонстрировал, что данная проблема уже достаточно хорошо проработана и что между двумя жанровыми разновидностями предисловий имеются как черты сходства, так и определенные различия.

Сопоставительный анализ К-блока «адресация к читателю» в разных жанровых модификациях предисловия

Представленный выше обзор теоретических положений позволяет выделить К-блоки, характерные для литературных и научных предисловий.

На основе анализа лингвистической литературы (в основном с опорой на труды Ж. Женетта) и практического материала (40 авторских предисловий к различным немецким художественным произведениям) для немецких литературных предисловий представляется целесообразным выделить 13 К-блоков, выполняющих соответственно следующие функции.

№	Название К-блока	Функция К-блока
1	Заглавие	Номинации предисловия
2	Адресация к читателю	Обращение автора к читателю и описание целевой группы
3	Борьба за расположение читателя	Извинение автора за возможные недостатки его труда с целью расположения читателя
4	«Договор о правде и вымысле»	Утверждение правдивости и достоверности изображенного в основном тексте (договор с читателем о «праве на вымысел»)
5	История создания текста (включая указание на источники)	Информирование читателя об обстоятельствах появления замысла и истории создания произведения

№	Название К-блока	Функция К-блока
6	Представление авторских интенций	Интерпретация текста в соответствии с замыслом автора
7	Представление вымышленного автора и обстоятельств обнаружения издателем его текста	Обоснование вымышленной атрибуции произведения
8	Выполняющий функцию «пролога»	Введение читателя в художественное пространство произведения
9	Исторический экскурс	Подготовка читателя к восприятию исторического повествования
10	Рассуждения о жанре произведения	Авторская рефлексия о художественной специфике созданного им текста
11	Характеристика языка произведения	Выражение ценности используемого в произведении языка
12	Отставание авторских прав	Апелляция к публике о нарушении авторских прав
13	Коммуникативная ориентация	Информирование читателя об авторе, времени и месте создания предисловия

Для немецких научных предисловий (в основном на основании предложенной С. Т. Нефедовым классификации) может быть выделено 9 К-блоков [9, с. 32–48].

№	Название К-блока	Функция К-блока
1	Заглавие»	Номинация самого предисловия
2	Адресация к читателю	Обращение автора к целевым группам читателей
3	Значимость научного произведения	Описание новизны, актуальности и практической ценности основного текста
4	Формулирование целей и задач исследования	Информирование читателя об основных целях и задачах, которые преследовал автор при написании данного труда

№	Название К-блока	Функция К-блока
5	Концептуально-методологические основы исследования	Указание на основные, использованные в данном труде методы анализа и концепции, в русле которых проводилось исследование
6	Степень изученности проблематики научного произведения	Указание на предшественников, труды которых были положены в основу данного произведения
7	Навигация в основном тексте	Описание архитектоники, содержания частей и основного текста
8	Выражение благодарности	Выражение благодарности всем, кто оказал помощь в подготовке данного труда к публикации
9	Коммуникативная ориентация	Указание на имя автора и время завершения научного труда

Итак, приведенные таблицы свидетельствуют как о чертах сходства, так и о различиях между двумя основными жанровыми разновидностями предисловий. Можно утверждать, что у сравниваемых видов предисловий идентичными являются четыре коммуникативных блока, в то время как девять из тринадцати К-блоков литературных предисловий и пять из девяти научных предисловий не имеют соответствующих аналогов в любой из жанровых модификация данного текстотипа.

Ввиду ограниченных рамок статьи в качестве образца для возможного дальнейшего сопоставительного анализа прототипических моделей литературных и научных предисловий используется только один из К-блоков, а именно, К-блок «адресация к читателю», обнаруженный ~~его~~ как в литературных, так и научных предисловиях.

В данном К-блоке реализуется одна из основных функций предисловия — установление контакта с читателем. Как одна из главных функций текста она была выделена еще Клаусом Бринкером [22, S. 107]. Реализация этой функции в литературном предисловии происходит за счет прямого обращения к адресату, как например, общеупотребительного, клишированного «*Lieber Leser...*» (наиболее часто используемое в немецких предисловиях к художествен-

ным произведениям), которое придает коммуникации характер доверительной беседы. Этот К-блок часто встречается в начале текста, то есть в его сильной позиции, что позволяет сразу же установить контакт с читателем и подчеркивает значимость данного факта. В качестве примера приведем начальный фрагмент из предисловия Людвиг Тика к роману „Peter Lebrecht. Eine Geschichte ohne Abenteuerlichkeiten“:

- (1) *Lieber Leser, du glaubst nicht, mit welcher innigen Wehmut ich dich diese Blätter in die Hand nehmen sehe, denn ich weiß es voraus, daß du sie wieder wegwerfen wirst, sobald du nur einige flüchtige Blicke hineingetan hast.* (<http://gutenberg.spiegel.de/buch/peter-lebrecht-5460/1>).

Помимо данного типа обращения, встречаются также его варианты с тем же опорным существительным, но с разными вариантами атрибутов, характеризующих либо подчеркнуто положительное отношение автора к своему потенциальному читателю, либо свидетельствующее о желании автора завоевать благосклонность будущей аудитории:

- (2) *vieligeliebter Leser* (L. Tieck. „Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence“. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-schoene-magelone-5484/1>)
- (3) *günstiger Leser* (E. T. A. Hoffmann. „Die Elixiere des Teufels“ <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-elixiere-des-teufels-3112/1>)
- (4) *der geneigte Leser* (E. T. A. Hoffmann. Meister Floh. S. 148)

К определенному целевому адресату, охватывающему представителей только одной национальной принадлежности, обращается Г. Гейне в первом предисловии к своему произведению «Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland», сужение целевой группы в данном случае объясняется экстралингвистическими факторами — первоначальном издании данного эссе на французском языке:

- (5) *Ich muß den deutschen Leser darauf besonders aufmerksam machen, daß diese Blätter ursprünglich für eine französische Zeitschrift, die „Revue des deux mondes“, und zu einem bestimmten Zeitzweck abgefaßt worden.* (H. Heine „Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland“. S. 7).

Возможны также и более редкие варианты, в которых целевая аудитория автором описывается метафорически или преднаме-

ренно сужается до определенной возрастной группы, как наиболее восприимчивой, по мнению автора, к его произведению. Ср. ниже-приведенные примеры:

- (6) *Ihr Freunde und Freunde meiner Muse* (A. von Chamisso „Reise um die Welt“. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/reise-um-die-welt-762/2>)
- (7) *Diese Blätter, die ich anfangs gar nicht für den Druck bestimmt, widme ich überhaupt nur jungen angehenden Künstlern, oder Knaben, die sich der Kunst zu widmen gedenken, und noch die heilige Ehrfurcht vor der verflossenen Zeit in einem stillen, unaufgeblähten Herzen tragen* (W. G. Wackenroder „Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders“. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/herzensergießungen-eines-kunstliebenden-klosterbruders-1916/2>).

Ж. Женетт пишет также о том, что автор в своем предисловии пытается иногда наряду с обобщенной публикой создать образ некоего идеального читателя, на вкусы которого он ориентируется [14, S. 9].

Таким образом данный К-блок в литературных предисловиях с языковой точки зрения маркируется в основном лексемой *Leser* в составе атрибутивной группы в сочетании с различными согласованными атрибутами обычно положительной семантики, реже ее контекстуальными синонимами (*Freunde, Künstler, Knaben*). Примечателен тот факт, что данный К-блок практически не встречается в предисловиях к современным литературным произведениям; впрочем, и само предисловие как элемент паратаксиса обнаруживает явную тенденцию к исчезновению.

В отличие от художественного текста, адресатом которого, как правило, выступает читательская публика в целом, у научного предисловия адресатом почти всегда выступает определенная целевая аудитория. То есть адресованность предисловий этого типа изначально ограничена. Нефедов так описывает целевую аудиторию монографий по лингвистике: это студенты-лингвисты, филологи, преподаватели [8, с. 200; 10, S. 47]. При этом в современных научных предисловиях отсутствует непосредственное обращение к адресату, что было принято еще в XVIII веке.

Так, например, в предисловии к первому изданию своей «Грамматики» И. К. Готшед в самом начале обращается к некоему обобщенному образу просвещенного читателя: “*Geneigter Leser*”, которое полностью идентично обращению к читателю литературных

произведений примерно той же эпохи (см. выше). Но у него же далее следует указание на сужение целевой группы; он пишет, что его сочинение предназначено для немцев, и, в первую очередь, для молодежи. Готшед делает акцент на том, что иностранец, не владеющий немецким языком в достаточной степени, вряд ли сможет воспользоваться его трудом:

- (8) *Nun ist es zwar gewiß, daß ich meine Sprachlehre zuförderst für **unsere Landesleute**, sonderlich für **die Jugend** geschrieben habe. Alle meine Regeln sind bloß deutsch abgefasst: und so lange ein Ausländer noch gar nichts Deutsches versteht, so lange kann er sie nicht einmal lesen.* (Gottsched J. Chr., S. 4)

В отличие от литературных предисловий данный К-блок присутствует в предисловиях современных научных трудов, правда, не в виде обращения, но достаточно отчетливо маркировано с помощью определенных языковых средств, ср.:

- (9) *Demgemäß können die Texte nur Auslöse und Grundlage für die Beschäftigung **der Studenten und Dozenten** mit ihren eigenen Problemen sein...* (Schweim L., S. 5)

В предисловии Лотара Швайма к сборнику статей “Der andere Studienführer“, посвященному социально-психологическим проблемам бывших абитуриентов, недавно ставших студентами, непосредственно выделены те лица (*Studenten und Dozenten*), для которых может быть интересна и полезна данная публикация.

На основании только одного указания на целевую группу в предисловии Конрада Кунце к его „dtv-Atlas Namenkunde“ можно сделать вывод о том, что речь идет о научно-популярном труде:

- (10) *Das vorliegende Buch möchte dazu beitragen, daß **viele**, und **nicht nur Fachkundige**, diesen großen Reichtum besser kennen und schätzen lernen.* (Kunze K., S. 6)

Сделанные наблюдения позволяют говорить об устойчивости К-блока «адресация к читателю» в предисловиях к научным текстам.

Предварительные выводы

Таким образом, рассмотрение предисловия как особого типа текста, его признаков и функций, а также двух его основных жанровых модификаций (предисловий к произведениям художествен-

ной литературы и к научным трудам) и их текстотипологических моделей, представленных в виде набора определенных коммуникативных блоков, позволило не только выделить основные вехи в истории литературоведческих и лингвистических подходов к анализу этого элемента паратаксиста, но и выявить определенные черты сходства и отличия между двумя основными видами предисловий, обусловленные спецификой основных текстов, составной частью которых они являются. Такой сопоставительный ракурс изучения предисловия, а также других элементов паратаксиста представляется перспективным не только на материале различных жанровых модификаций, но также в межязыковом и диахроническом планах.

Источники иллюстративного материала

Tieck L. Peter Lebrecht. Eine Geschichte ohne Abenteuerlichkeiten. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/peter-lebrecht-5460/1>

Tieck L. Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-schoene-magelone-5484/1>

Hoffmann E. T. A. Die Elexiere des Teufels. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-elixiere-des-teufels-3112/1>

Hoffmann E. T. A. Meister Floh. Ein Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde // Hoffmanns Werke in drei Bänden. Bd. 2. Berlin und Weimar: Aufbauverlag, 1972. S. 148–315.

Heine H. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland // Heines Werke in fünf Bänden. Berlin und Weimar: Aufbauverlag, 1970. S. 5–142.

Chamisso von A. Reise um die Welt in den Jahren 1815-1818. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/reise-um-die-welt-762/2>

Wackenroder W.H. Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/herzensergießungen-eines-kunstliebenden-klosterbruders-1916/2>

Gottsched J. Chr. Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig: Breitkopf, 1748.

Schweim L. (Hrsg.) Der andere Studienführer. Weinheim, Basel: Beltz, 1973.

Kunze K. (Hrsg.) dtv-Atlas Namenkunde. Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet. Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 2001.

Литература

1. URL: <http://synonyme.woxikon.de/synonyme/vorwort.php>; <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms3-term-13315.htm> (дата обращения: 12.03.2016).

2. *Лазареску О. Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII — XIX вв.). М.: Моск. педаг. гос. ун-т, 2007.

3. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Два творческих принципа // Вопросы литературы. 1971. № 8. С. 206–266.

4. *Якубович Д.* Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта // Пушкин в мировой литературе. М.: Госиздат, 1926. С. 160–187.

5. *Шульц Е.* Заметки о заголовочном комплексе (на основе повести Александра Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга») // Имя текста, имя в тексте: сб. научн. тр. Тверь: Лилия Принт, 2004. С. 39–50.

6. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд. М.: КомКнига, 2006.

7. *Баженова Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001.

8. *Нефедов С. Т.* Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 9. Вып. 3. 2013. С. 198–204.

9. *Нефедов С. Т.* Интертекстуальные измерения авторского предисловия // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV: Текст и текстовые единицы. СПб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 32–48.

10. *Timm Chr.*, “Das Vorwort — eine, Textsorte in-Relation” // H. Kalverkamper, K. D. Baumann (eds). Komponenten-Relationen-Strategien. Tübingen: Narr, 1996. S. 458–467. (Forum Fachsprachenforschung. 25),

11. *Григорьева Л. Н.* Сопоставительный анализ предисловий к немецким и русским грамматикам XVIII века // Материалы XLVI Междунар. филол. конф. 14–18 марта 2016 года, Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. С. 44–49.

12. *Wirth U.* Das Vorwort als performative, paratextuelle und parergonale Rahmung // J. Fohrman (Hrsg.) Rhetorik. Figuration und Performanz. DFG-Symposium 2002. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler Verlag: 2004. S. 603–628.

13. *Вороновская И. А.* Авторское предисловие: функции и структура (на материале немецкоязычных монографий по лингвистике // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV: Текст и текстовые единицы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 9–19.

14. *Genette, G.* Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches / Vorwort v. H. Weinrich; aus dem Franz. v. D. Hornig. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2001.

15. *Котюрова М. П., Крижановская Е. М.* Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Актуальные вопросы рус-

ской филологии и методики ее преподавания. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1993.

16. Крижановская Е. М. Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной: в 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм., 1996. Ч. 1. С. 323–340.

17. Крижановская Е. М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: дис ... канд. филол. наук. Пермь, 2000. 260 с.

18. Крижановская Е. М. Коммуникативный блок // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М, 2006. С. 163–167.

19. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009.

20. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.

21. Понамарева Н. В. Коммуникативно-прагматические особенности немецкого прозаического романа XV–XVI вв.: дис... канд. филол. наук. СПб., 2016. 215 с.

22. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 3. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1992.

References

1. Available at: <http://synonyme.woxikon.de/synonyme/vorwort.php>; <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms3-term-13315.htm> (accessed: 12.03.2016).

2. Lazaresku O. G. *Literaturnoe predislovie: voprosy istorii i poetiki (na materiale russkoi literatury XVIII–XIX vekov)* [*Literary foreword: questions of history and poetics (a case study of russian literature of 18th–19th centuries)*]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo ped. gos. universiteta, 2007. (In Russian)

3. Averincev S. S. Grecheskaja «literatura» i blizhnevostochnaja «slovesnost'». Dva tvorcheskih principa [Greek “Literature” and Middle East “Philology”. Two creative principles]. *Voprosy literatury* [*Problems of Literature*], 1971, no. 8, pp. 206–266. (In Russian)

4. Yakubovich D. Predislovie k «Povestiam Belkina» i povestvovatel'nye priemy Val'ter Skotta [Introduction to “The Belkin Tales” and Narrative Methods of Walter Scott]. *Pushkin v mirovoi literature* [*Pushkin in World Literature*]. Moscow, Gosizdat, 1926, pp. 160–187. (In Russian)

5. Shul'c E. Zametki o zagolovochnom komplekse (na osnove povesti Aleksandra Bestuzheva-Marlinskogo «Roman i Ol'ga») [Notes on the foreword complex (a case study of the “Roman and Olga” novel by Aleksandr Bestuzhev-Mar-

linsky)]. *Imia teksta, imia v tekste* [Name of text, name in text]. Sb. nauchn. tr. Tver, LiliaPrint, 2004. (In Russian)

6. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of linguistic studies]. Izd. 4-e. Moscow, 2006. (In Russian)

7. Bazhenova E. A. *Nauchnyi tekst v aspekte politekstual'nosti* [Scientific text in the context of polytextuality]. Perm, 2001. (In Russian)

8. Nefedov S. T. Prototipicheskaia model' teksta kak osnova tekstotipologicheskogo znaniia (na materiale avtorskogo predislovia k nauchnoi monografii) [Prototypical text model as the basis of text-typological science (a case study of author's foreword)]. *Vestnik of St. Petersburg University. Ser. 9*, 2013, issue 3, pp. 198–204. (In Russian)

9. Nefedov S. T. Intertekstual'nye izmereniia avtorskogo predislovia [Intertextuality dimensions of author's foreword]. *Nemetskaia filologiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Vyp. IV: Tekst i tekstovye edinitsy* [German Philology in St. Petersburg State University. IV. Text and text units]. St. Petersburg, 2014, pp. 32–48. (In Russian)

10. Timm, Chr., Das Vorwort — eine 'Textsorte in-Relation'. *Kalverkamper H., Komponenten-Relationen-Strategien*, Tübingen, „Narr“, pp. 458–467. (Forum Fachsprachenforschung, 25),

11. Grigor'eva L. N. Sopostavitel'nyi analiz predislovii k nemetskim i russkim grammatikam XVIII veka [Comparative analysis of introductions to German and Russian Grammars in 18th century]. In: *Materialy XLVI Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferencii. 14–18 marta 2016 g., Sankt-Peterburg* [Materials of XLVI Intern. Philological conference. 14—8 march 2016, Saint-Petersburg]. St. Petersburg, 2016, pp. 44–49. (In Russian)

12. Wirth, U. Das Vorwort als performative, paratextuelle und parergonale Rahmung. *J. Fohrman (ed.) Rhetorik. Figuration und Performanz*. Stuttgart, Verlag J. B. Metzler. 2004, S. 603–628.

13. Voronovskaya I. A. Avtorskoe predislovie: funktsii i struktura (na materiale nemetskoiazychnykh monografii po lingvistike) [Author's foreword: functions and structure (a case study of german linguistic monographs)]. *Nemetskaia filologiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Vyp. IV: Tekst i tekstovye edinitsy* [German Philology in St. Petersburg State University. IV. Text and text units]. St. Petersburg, 2014, pp. 9–19. (In Russian)

14. Genette, G. *Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches*. Mit einem Vorwort von H. Weinrich; aus dem Franz. von D. Hornig. Frankfurt/M., New York, Paris, Suhrkamp Publ., 1989.

15. Kotyurova M. P., Krizhanovskaya E. M. Kommunikativnyi blok kak edinitsa smyslovoi struktury nauchnogo teksta [Communicative unit as an element of the meaning structure of scientific text]. *Aktual'nye voprosy russkoi filologii i metodiki ee prepodavaniia* [Actually questions of Russian Philology and didactic of its teaching]. Syktyvkar, Izdatel'stvo Syktyvkarsk. univers., 1993. (In Russian)

16. Krizhanovskaya E.M. Kommunikativnyi blok kak edinita smyslovoi struktury nauchnogo teksta [Communicative unit as an element of the meaning structure of scientific text]. *Ocherki istorii nauchnogo stilia russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XX vv.* [Essays on history of scientific style of russian literary speech of 18th–20th centuries] v 3 t. Ed. by M. N. Kozhina. T. 2. *Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)* [Stylistics of scientific text (general parameters)]. Perm', Izdatel'stvo Permsk. gos. univers., 1996, ch. 1, pp.323–340. (In Russian)

17. Krizhanovskaya E. M. *Kommunikativno-pragmaticheskaia struktura nauchnogo teksta*. Diss. ... kand. filol. nauk [Communicative pragmatic structure of scientific text. diss. Cand. Philol. sci. diss.]. Perm', Izdatel'stvo Permsk. gos. univers., 2000. (In Russian)

18. Krizhanovskaya E.M. Kommunikativnyi blok [Communicative Unit]. In: *Stilisticheskii ehnciklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistical Encyclopedic Dictionary of Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006, pp.163–167. (In Russian)

19. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of text: polycode, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, Librokom Publ., 2009. (In Russian)

20. Filippov K. A. *Lingvistika teksta: Kurs lekcii* [Linguistics of text: lecture course]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2003. (In Russian)

21. Ponamareva N. V. *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti nemeckogo prozaicheskogo romana XV–XVI vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Communicative pragmatic characteristics of german prosaic romance of 15th–16th centuries. Cand. philol. sci diss.]. St. Petersburg, 2016. (In Russian)

22. Brinker K. *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. 3. Aufl. Berlin, 1992.

Григорьева Любовь Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук,
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Liubov N. Grigorieva

Associate Professor of German Philology Department St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Adress: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg. 199034, Russian Federation

E-Mail: l.grigoreva@spbu.ru

РЕЧЕВОЙ ЖАНР СОВЕТА В ГЕРМАНИИ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «РУКОВОДСТВА ДЛЯ МОЛОДЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ» И. Г. ХАЙНЦМАНА, 1793 г.)

Ключевые слова: речевой жанр совета, аподемика, «Руководство для путешественников» Г. Хайнцмана, теория аргументации.

Настоящая статья посвящена проблеме речевого жанра совета на примере уникального явления немецкой литературы и культуры — «Руководства для молодых путешественников», написанном Г. Хайнцманом в эпоху развития путешествия и повышенного интереса к получению знаний из различных сфер жизни, что послужило причиной появления множества текстов инструктирующего, наставительного характера.

D. E. NIFONTOVA

St. Petersburg State University

ADVICE AS SPEECH GENRE (BY EXAMPLE OF THE “MANUAL FOR YOUNG TRAVELLERS” WRITTEN BY G. HEIZMANN IN 1795)

Keywords: speech genres of advice, apodemic, G. Heinzmann’s „Rathgeber für junge Reisende“, argumentation theory.

This article addresses the topic of the advice as a speech genre by the example of the German cultural and literary phenomenon — “Manual for young travellers” written by G. Heinzmann in the time of travel development and increased interest to all types of new knowledge. This fact caused the appearance of a large number of instructive, edifying texts.

Проблеме речевых жанров на протяжении уже многих десятилетий уделяется особое внимание. Вслед М. М. Бахтиным, понимавшим под речевым жанром реальную единицу общения, границы которой определяются сменой говорящих, а целостность обеспечивается предметно-смысловой исчерпанностью, речевым замыслом и типическими композиционно-жанровыми формами завершения [2, с. 250], данное явление изучалось с различных позиций социо- и прагмалингвистики. Всеми учеными подчеркивается относительная устойчивость речевого жанра как типа высказывания, наличие общих признаков, реализующихся в единичных речевых действиях и включающихся в конкретную ситуацию общения [5; 6; 8; 13 и др.].

Важным вопросом в рамках исследования речевых жанров является вопрос об их соотношении с другими речевыми действиями, в частности, с речевыми актами. Несмотря на схожесть обоих явлений, они не являются тождественными, так как речевые акты представляют собой единичные высказывания, а речевые жанры имеют более сложную, развернутую структуру [7]. Согласно И. В. Труфановой, в рамках теории речевых актов мы говорим о речевых действиях или высказываниях как о процессе, в рамках теории речевых жанров — о типах текста или о высказываниях как о продукте [12].

Предложенное М. М. Бахтиным деление речевых жанров на первичные (простые) и вторичные (сложные) раздвигает рамки жанроведения как области исследования от коротких реплик бытового диалога, письма или военной команды до всего многообразия литературных жанров (от поговорки до романа) [1].

В основе речевого жанра «совет» лежит речевое действие «совет», которое и является объектом настоящей статьи и, в зависимости от классификации, причисляется либо к экзерситивам (согласно Дж. Остину, действиям, означающим принятие решения в пользу предлагаемых действий [10, с.123]), либо суггестивам как одной из разновидностей директивов [3, с. 15]. Суггестивы характерны для ситуации необлигаторного побуждения, характеризуются приоритетностью позиции говорящего и бенефактивностью каузируемого действия для адресата [14, с.133]. Успех их функционирования связан, согласно З. С. Гусейхановой, «с адекватным выбором средств воздействия на адресата, позволяющим минимизировать степень вторжения говорящего в сферу эмоционально-волевой деятельности его партнера по коммуникации» [4, с.56].

В данной работе материалом для исследования речевого жанра «совет» выступает «Руководство для молодых путешественников» (“Rathgeber für junge Reisende“), написанное в 1793 году немецким писателем и букинистом Иоганном Георгом Хайнцманном. Книга насчитывает порядка 500 страниц, не переиздавалась и представлена рядом библиотек Германии и Швейцарии. «Руководство для молодых путешественников» относится к весьма специфическому жанру литературы Германии раннего нового и нового времени — аподемике. Дословно с греческого «аподемика» означает «быть, находиться в пути, в дороге» и представляет собой руководство или сборник советов для путешествующих о том, как правильно, то

есть полезно и безопасно провести путешествие. История зарождения данного жанра уходит корнями во времена паломничества. На протяжении многих веков походы на Святую Землю были главным видом путешествия, однако к концу средневековья отчеты об этих походах все больше принимали характер рассказов о приключениях с неизбежным налетом хвастовства. Этот факт никак не вписывался в религиозный контекст и часто подвергался нападкам как со стороны церкви, особенно набирающего силу протестантизма, с его строгой моралью, так и просвещенных слоев общества. Первый всплеск теоретической литературы о путешествии приходится на 1611–1620 годы. Вторая фаза — на расцвет познавательных путешествий молодой богатой знати 1661–1720 годов (Kavalierstouren). Самое же большое количество руководств приходится на третью фазу — 1781–1800 годы, время популяризации путешествия и его распространения в образовательных и развлекательных целях на широкие слои населения [15, S. 119]. В дальнейшем аподемика как литературный жанр вымирает полностью в связи с появлением туризма как вида деятельности и услуги, а потому потребность в теоретических инструкциях на пути попросту отпадает.

Следует отметить, что исследуемый текст «Руководства для путешественников» был написан во время активного развития науки, литературы, моды и прочего, что создавало благоприятную почву для появления всевозможных инструкций во всех областях жизни, которые благосклонно воспринимались реципиентом, открытым любому новому знанию. Перу того же Г. Хайнцмана принадлежат, помимо прочего, сборники советов, чем занять себя во время болезни (*„Beschäftigung für Kranke. Ein Handbuch für jedermann der mit einem festen Sinn ... selbst dem Tode froh entgegen gehen will. Vorbereitung auf die Leidens- und Sterbenstage“*, 1794) или рекомендации женщинам относительно их туалета (*„Frauenzimmer-Toilette, ohne Schminke“*, 1795). Таким образом, совет как речевой жанр приобретает в данную эпоху особенное значение и ложится в основу целому литературному жанру: иными словами, мы наблюдаем, как первичный речевой жанр разрастается до вторичного, превращаясь из единичного совета в целое руководство к действию. Важным представляется отметить факт популярности данных руководств. Как утверждает Ю. Штагль, исследовавший историю данного жанра в XVI–XVIII веках, влияние аподемики на умы читателей того времени было весьма велико: доказательством служат огромное

количество увесистых томов, за издание которых не взялось бы ни одно издательство, не будучи уверенным в хороших продажах, а также тот факт, что авторами руководств были просвещенные и уважаемые авторы того времени. Тем не менее, из этого не следует, что путешественники неукоснительно следовали всем советам — намного более вероятным было приобретение книг с целью чтения и обладания [15].

В соответствии с целями настоящей работы мы будем рассматривать данное произведение с позиций прагматического содержания текста, которое, согласно Наеру, «воплощает в себе конкретные условия и цели передачи смыслового содержания, сопутствующие ему оценочные, модальные, побудительные и иные намерения адресанта, то есть ориентировано на само смысловое содержание и является средоточием воздействующего потенциала текста» [9, с.10]. Как уже было сказано выше, цель руководства для путешественников — дать практические советы в данном случае молодому путешественнику с целью улучшить и обезопасить его путь. В отличие от других жанров литературы путешествий (романы-путешествия, путевые заметки), адресатом подобных руководств выступают именно путешественники. При этом руководства для путешественников, в отличие от медицинских руководств или учебников, технических инструкций и прочих инструкций как типа текста, носит глубоко теоретический, рефлексивный и поучительный характер. Данный факт также отличает их от привычных нам сегодня путеводителей.

В нашем случае адресатом Г.Хайнцманна как автора книги выступают самые широкие массы — *Handwerker und Professionisten*. При этом в число последних попадают представители всех профессий и специальностей. Хайнцманн издает свое руководство в эпоху, когда несмотря на всеобщую популярность путешествий, имелось значительное число его противников, отрицавших полезность данного вида деятельности и подчеркивавших его недостатки: высокую финансовую и трудовую затратность, опасности, связанные с неблагоприятными знакомствами (грабители, женщины легкого поведения и прочие дурные знакомства). Учет данного факта оказывает огромное влияние на коммуникативно-прагматическую направленность текста, которая, как отмечает В.А.Портянников, «выступает главным фактором, определяющим внутреннюю и внешнюю расчлененность текста» и определяет комбинацию

и последовательность реализации коммуникативных приемов» [11, с.118]. Иначе говоря, одна из основных целевых установок автора — не только дать конкретные советы, как следует путешествовать, но сначала доказать, что путешествовать — это хорошо.

- (1) *Schweizer, mein lieber Landsmann! — reise! Betrachte die Welt mit einem freiem Blick, und ohne deine Millionen Vorurtheile, die du gegen andere Nationen hast. Wisse und lerne* (Rathgeber, S. 4).

Как следует из приведенного примера, для выполнения своей программы воздействия, автор активно включает читателя в процесс познавательной и текстовой деятельности, совершая такие коммуникативные действия, как обращения к читателю и выступая в роли всеведующего мудрого наставника:

- (2) *Geh also, mein lieber Fritz! eifrig im Thun und im Beobachten, was zu deinem Frieden dient* (Rathgeber, S. 33).

Поучительный тон сохраняется на протяжении всего произведения, однако в содержательном плане советы начинают носить более конкретный характер. Так, предостерегая молодого путешественника от главных опасностей на их пути, автор прибегает к целому ряду стилистических приемов, воздействующих на адресата: обращения, императивные, экскламативные предложения, оценочные прилагательные и существительные со значением «беда, опасность», лексические усилители и др.:

- (3) *Jüngling, der du reist, sey auf deiner Hut! Es erwarten dich **große Gefahren**. Nicht **Diebe und Mörder auf Leerstraßen darfst du am meisten fürchten**, denn dafür sorgt die Polizei überall, und man hat wenig zu besorgen, wenn man **nicht ganz unklug** ist; aber mehr als Diebe und Mörder sehen dir nach und verfolgen dich die **pestilenzialische Wollustseuche**, der **satanische Witz junger Wichlinge**, die dich in ihre Gesellschaft locken* (Rathgeber, S. 49).

В целом, весь текст изобилует подобными конструкциями, цель которых заключается в оказании наибольшего воздействия, а также в привлечении и удержании интереса читателя. Авторы аподемик для привлечения интереса к путешествию как можно большего числа читателей также посвящают большие отрывки текста перечислению преимуществ данного вида деятельности для представителей разного вида профессий:

- (4) **Ein Künstler suche** die Orte auf, wo seine Kunst in einem höhern Grade blüht, als da wo er sie erlernt hat. **Der junge Kaufmann suche** sich auf den vornehmsten Handelsplätzen Bekanntschaften zu erwerben, und halte sich ja nicht bey der elenden Krämern auf, die jedes alte Weib versehen kann, mit Auswiegung der Pfunde und Vierlinge, oder Abmessung und Ausklopfen der Waaren (Rathgeber, S. 98–99).

Для анализируемого текста основным коммуникативным блоком как структурным элементом содержания, направленным на выражение актуального для автора и читателя знания, является блок «совет + комментарий». При этом аргументативная часть совета может быть представлена самыми разнообразными конструкциями (преимущественно придаточными предложениями с причинно-следственной связью) или — в случае очевидной пользы совета для адресата — отсутствовать вовсе:

- (5) *Man wähle zu seinem Reisekameraden keinen Heuchler, keinen Verschwender, keinen Leichtsinnigen und Niederträchtigen* (Rathgeber, S. 73).

Частым способом аргументации следования тому или иному совету выступают коммуникативные блоки-экземплификации — автор поясняет свою мысль, приводя тот или иной пример. Так, в качестве антипримера поведению во время путешествия выступает рассказ о молодом подмастерье [Rathgeber, S. 111], который был плохим учеником и был плохо подготовлен, а потому запомнил только названия городов и расстояния между ними. Автор призывает к более вдумчивому и глубокому отношению к себе и путешествию.

Еще одним приемом аргументации выступают различные виды апелляций:

Апелляции к авторитету (такие великие деятели как Руссо, Вольтер, Петр Первый, так и непосредственно сам автор:

- (6) *Auch hier muss ich nach meiner Erfahrung einige Worte sprechen* (Rathgeber, S. 234).

Апелляции к разуму и чувствам (в данном примере чувство стыда, самолюбие):

- (7) *Man kleide sich nach der Landesart, wo man sich aufhalten will, doch ohne Affektation; Kleider mit Gold und Silber verbrämt, sind sonderlich an Handwerksesellen lächerlicher Staat* (Rathgeber, S. 74).

Речевой акт совета, который, как уже отмечалось выше, составляет ядро одноименного речевого жанра, является доминирующим речевым действием автора и реализуется в тексте различными средствами:

1. перформативами *ich rate* и предложениями со словами *Rat*, однозначно маркирующими совет:
(8) *Wie vorstehender Rath noch allgemeiner und für all Arten von Reisenden nutzbar werden könne, will ich mit einer ausführlichen Probe zeigen, so rathe ich* (Rathgeber, S. 145);
2. побудительными предложениями с модальными глаголами *sollen* и *müssen* и др. модальными конструкциями:
(9) *Eben so notwendig ist es auch, das Pferd etliche Tage vor der Reise beschlagen zu lassen...* (Rathgeber, S. 213);
3. побудительными предложениями с конъюнктивом I (см. примеры (4), (5));
4. косвенными речевыми актами.

Так, например, основные ошибки, которые может совершить молодой путешественник на своем пути, поданные в форме обычных утвердительных предложений, являются не репрезентативными по сути, а косвенными речевыми актами совета — не делай так:

- (10) *Sie halten sich gemeiniglich an Orten zu lange auf, wo sie nichts können — und zwar sind ihnen die Konditionen die liebsten, wo sie gleich den Herrn spielen können* (Rathgeber, S. 86).

Аналогично в качестве совета может восприниматься репрезентативное высказывание о достопримечательностях различных городов Германии, приведенных в качестве возможных целей путешествия:

- (11) *Erfurt. Im lutherischen Waysenhouse siehet man Luthers Zelle, wo er als Augustiner wohnte* (Rathgeber, S. 74).

То есть, совет заключается в косвенном побуждении посетить это место.

В настоящей статье рассмотрены некоторые структурно-прагматические особенности речевого жанра «совет» на материале уникального явления немецкой литературы и культуры — жанра

аподемики или «руководства к путешествию», достигшему своего расцвета во время подъема интереса к овладению новыми навыками в целом и к путешествию как виду деятельности, в частности, что послужили толчком к созданию целых произведений инструктирующего характера, цель которых разъяснить адресату правильность тех или иных действий и склонить его к их выполнению. Особое значение в данной связи приобретает речевой жанр совета как ядро микрополя суггестивности, характеризующийся различными формами выражения и маркированный разнообразными языковыми средствами.

Источник

Heinzmann, Georg. Rathgeber für junge Reisende. Leipzig, 1793. URL:[http://resolver:sub.uni-goettingen.de/purl?PPN_662629205](http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?PPN_662629205)

Литература

1. *Бахтин, М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М.: Русские словари, 1996.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. *Беляева, Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992.
4. *Гусейханова, З. С.* Когнитивно-прагматические особенности и контексты функционирования высказываний со значением «предложение» и «совет» // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирантские традиции. 2007. № 14 (37). С. 55–61.
5. *Капанадзе, Л. А.* О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988
6. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. *Кожина, М. Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи: сб. науч. статей. Вып. 2. Саратов: Изд-во гос. УНЦ «Колледж», 1999. С. 52–61.
8. *Маркова, Л. Ф.* Когнитивная идентификация речевого жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 14 с.
9. *Наер, В. Л.* Прагматика текста и ее составляющие // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. Мориса Тореза. 1985. Вып. 245. С. 4–13.
10. *Остин, Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. 1986. С. 22–130.
11. *Портянников, В. А.* Структура текста как результат реализации коммуникативной и прагматической направленности процесса текстообразо-

вания // Вопросы нормы и нормативности в реализации языковых средств: межвуз. сб. науч. трудов. Горький: Изд-во Горьковск. ун-та иностр. языков, 1988. С. 109–117.

12. Труфанова, И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. № 4. С. 56–63.

13. Федосюк, М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

14. Шеловских, Т.И. Речевой акт совета: Функционально-прагматический анализ, на материале французского и русского языков: дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 217 с.

15. Stagl, J. Apodemiken. Eine rasonnierte Bibliographie der reisetheoretischen Literatur des 16., 17., und 18. Jahrhunderts. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1983

References

1. Bahtin, M.M. *Sobranie sochinenii v semi tomakh, t.5, raboty 1940–1960 godov* [Collected Edition, vol. 5, Works of 1940–1960s.]. Moscow, Russkii slovari Publ., 1996. (In Russian)

2. Bahtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of literary art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. (In Russian)

3. Belyaeva, E.I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdenia: angliiskii iazyk* [Grammar and pragmatics of persuasion: English Language]. Voronezh, Izdatelstvo Voronezhskogo gos. universiteta, 1992. (In Russian)

4. Gusejhanova, Z.S. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti i konteksty funkcionirovaniya vyskazyvaniya so znacheniem “predlozhenie” i “sovet” [Cognitive-pragmatical aspects and functioning contexts of expressions meaning “suggestion” and “advice”]. *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena. Aspirantskie tetrady* [News of Herzen State Pedagogic University of Russia]. St. Petersburg, 2007, no. 14 (37), pp. 55–61. (In Russian)

5. Kapanadze, L.A. O zhanrah neoficial’noi rechi [About signs of informal speech. Text]. *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi* [Types of urban verbal speech]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian)

6. Karasik, V.I. *Iazykovoii krug: lichnost’, koncepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. (In Russian)

7. Kozhina, M.N. Rechevoi zhanr i rechevoi akt (nekotorye aspekty problemy) [Speech genre and speech act (some aspects of the problem)]. *Kozhina. M.N. Zhanry rechi: Sbornik nauchnykh statei* [Speech genre. Collection of scientific articles]. Saratov, Izd-vo Gos Unc «Kolledzh», 1999, issue 2, pp. 52–61. (In Russian)

8. Markova, L.F. *Kognitivnaia identifikacia rechevogo zhanra*. Authoref. diss. kand. filol. nauk [Cognitive identification of a speech genre. Thesis of PhD]. Volgograd, 2003. 14 p. (In Russian)

9. Naer, B.L. Pragmatika teksta i ee sostavliaiushchie [Text pragmatics and its constituents]. *Sbornik nauchyh trudov MGPIIYA im. Morisa Toreza* [Collection of proceedings Moris Torez Mosk. State Ped. Inst. for lang.]. Issue 245. Moscow, Izdatel'stvo MGPIIYA im. Morisa Toreza, 1985, pp. 4–13. (In Russian)

10. Ostin, Dzh. Slovo kak dejstvie. [How to do things with words]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevyh aktov* [News in the foreign linguistic. Iss.17. Theory of speech acts]. Moscow, 1986. S.22–130. (In Russian)

11. Portyannikov, V.A Struktura teksta kak rezul'tat realizacii kommunikativnoj i pragmaticheskoi napravlenosti processa tekstoobrazovania [Text structure as a result of targeted communicative and pragmatical direction of text formation process]. *Voprosy normy i normativnosti v realizacii iazykovykh sredstv* [Problems of norm and normativity in realization of linguistic means]. Gor'kij, Izdatel'stvo Gor'kovsk. gos. universiteta inostr. iazykov, 1988. (In Russian)

12. Trufanova, I.V. O razgranichenii poniatii: rechevoi akt, rechevoi zhanr, rechevaia strategija, rechevaia taktika [About distinction of concepts speech act, speech genre, speech strategy, speech tatics. Text]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 4, pp. 56–63. (In Russian)

13. Fedosyuk, M. Yu. Nereshennye voprosy teorii rechevyh zhanrov [Unsolved problems of the speech genre theory]. *Voprosy iazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1997, no. 5, pp. 102–120. (In Russian)

14. Shelovskih, T.I. *Rechevoi akt soveta: Funkcional'no-pragmaticheskii analiz, na materiale frantsuskogo i russkogo iazykov*. Diss. kand. filol. nauk [Advice as a speech act: functional and pragmatical analysis in the French and Russian languages. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 1995. 217 p. (In Russian)

15. Stagl, J. *Apodemiken. Eine rasonnierte Bibliographie der reisetheoretischen Literatur des 16., 17., und 18. Jahrhunderts*. Zürich, Wien, Paderborn, "Schoening", 1983.

Нифонтова Дарья Евгеньевна

ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Daria E. Nifontova

Lecturer of German Philology Department St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-Mail: d.nifontova@spbu.ru

ДИСКУРСИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАРРАТИВНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: нарратив; дискурсивная ситуация; референтная ситуация; метанарратив; прагматическая функция.

Аннотация: В тексте как результате осуществления нарративной стратегии манифестируются две ситуации: ситуация дискурсии (повествование) и референтная ситуация (история). Дискурсивная ситуация ориентируется на коммуникативную модель и может иметь эксплицитную или имплицитную репрезентацию. В синтагматике текста дискурсивная ситуация, как правило, варьируется, воздействуя на прагматику восприятия референтной ситуации. В настоящей статье представлены следующие варианты дискурсивной ситуации: личная, безличная, метанарративная и экстранарративная, которые принадлежат экзегетическому плану текста. Рассматриваются коммуникативные модели, языковая репрезентация и прагматические функции дискурсивных ситуаций.

K. R. NOVOZHILOVA

St. Petersburg State University

DISCURSIVE SITUATION AND ITS REPRESENTATION IN NARRATIVE TEXT

Keywords: narrative; discursive situation; reference situation; metanarrative; pragmatic function.

On the text, as a result of the narrative strategy, two situations are manifested: that of discourse (narration) and of reference (history). The discursive situation is guided by the communicative model and can have an explicit or implicit representation. As a rule, in the syntagmatic text the discursive situation varies, influencing the pragmatics of the reference situation perception. In this article the following variants of the discursive situation are presented: personal, impersonal, metanarrative and extra-narrative, all of which belong to the exegetical text plan. Communicative models, language representation and pragmatic functions of discursive situations are considered.

Создание художественного повествовательного текста управляется нарративной стратегией автора. На этапе вербальной манифестации она направлена на сообщение истории — событий сюжета, о которых рассказывает фиктивный нарратор. Ретрансляция в тексте рассказываемых событий и событий самого рассказа, породило понятие двоякой событийности художественного повествования [6, с. 6], идущее от М. М. Бахтина. В синтагматике текста двоякая

событийность экспонирована двумя видами ситуаций: *референтной ситуацией*, которая представляет рассказываемые события, и *дискурсивной ситуацией*, которая принадлежит событию рассказывания. В настоящей статье речь пойдёт о разновидностях дискурсивных ситуаций художественного текста, отражающих фиктивную коммуникацию повествователя и читателя.

Координаты дискурсивной ситуации образуют модель *я-здесь-сейчас* (субъект повествования, место и время его пребывания). Эта ситуация вводит объект коммуникации — историю, которая образует модель *он-там-тогда* (актант, время и место его пребывания). Координаты дискурсивной ситуации могут быть представлены или не представлены в тексте, то есть иметь эксплицитную или имплицитную форму. Эксплицитная форма может экспонировать коммуникативную модель полностью в так называемой метанарративной ситуации (например, *как я уже говорил в первой главе; об этом я расскажу вам в конце истории*) или, что чаще, её редуцировать. Редуцированная модель коммуникативной ситуации имеет место в высказываниях нарратора о событиях, в которых он принимал участие (например, *ich kam, ich sah, ich siegte*), где редуцировано время и место коммуникации, а также в метанарративной ситуации с редукцией любых координат ситуации, включая и местоимение 1-го лица (например, *wie bekannt; es muss gesagt werden*).

Позиция повествующего Я нарратора относительно истории находит своё выражение в тексте и даёт основание не только для противопоставления *Ich-Erzählung* и *Er-Erzählung* — личного и безличного типов текстов, но и для классификации видов дискурсивной ситуации в синтагматике этих типов текстов. Эта классификация ситуаций фиктивной дискурсии, включает безличный, личный, метанарративный и экстранарративный виды ситуаций, которые будут рассмотрены ниже.

Основным критерием классификации коммуникативных ситуаций является признак эксплицитности/имплицитности говорящего — нарратора. По этому критерию различаются *личное, или субъективированное* повествование с эксплицитным нарратором, и *безличное, или объективированное*, повествование с имплицитным нарратором [4, с. 11].

В повествовании от 3-го лица нарратор имплицитен, то есть имеет «нулевую форму номинации» [4, с. 13] в тексте, текст же формулирует историю — объект повествования, актанты которой

представлены местоимениями 3-го лица. Поскольку безличное повествование в поверхностной структуре текста не мотивировано и выключено из ситуации речи, то история происходит как бы сама по себе, например:

- (1) *Zu Port au Prince, auf dem französischen Anteil der Insel St. Domingo, lebte, zu Anfange dieses Jahrhunderts, als die Schwarzen die Weißen ermordeten, <...> ein fürchterlicher **alter Neger**, namens Congo Hoango. **Dieser** von der Goldküste von Afrika herstammende Mensch, < > war von seinem Herrn, weil **er** ihm einst auf der Überfahrt nach Kuba, das Leben gerettet hatte, mit Wohltaten überhäuft worden (H.v. Kleist. Die Verlobung in St.Domingo. S. 189).*

Личное повествование мотивировано тем, что оно через местоимение первого лица включено в ситуацию речи¹. При этом нарратор в 1-м лице является и субъектом речи, и субъектом действия, поскольку он вовлечён в события либо как участник, либо как очевидец, либо как ретранслятор истории². Рассказывая о себе и своей причастности к передаваемой истории, он существует в двух временных планах — *сейчас* повествования и *тогда* истории:

- (2) *Es mochten ungefähr vierzehn Tage seit **unsrerer** Ankunft verstrichen sein, als **mir** der älteste Sohn des Gouverneurs den Vorschlag machte, mit ihm auf die Jagd zu gehen, den **ich** auch herzlich gern annahm. **Mein** Freund war ein großer starker Mann und an die Hitze jenes Klimas gewöhnt; ich aber wurde in kurzer Zeit und bei ganz mäßiger Bewegung so matt, dass **ich**, als **wir** in den Wald gekommen waren, weit hinter ihm zurückblieb (G. A. Burger. Münchhausens Reisen und Abenteuer. S. 55).*

Приведенные примеры иллюстрируют общие и специфические языковые признаки каждой повествовательной ситуации. Так, общими признаками, которые характеризуют объект повествования в обоих примерах, является отнесённость событий к прошлому

¹ Как справедливо отмечает Ролан Барт, личная форма сводит повествование к hic et nunc речевого акта [1, с. 222].

² Классификацию Ich-Erzählung в зависимости от роли действующего лица, которое является одновременно повествователем, приводят Атарова и Лескиис: 1) повествователь — действующее лицо и может занимать в повествовании: центральное или периферийное место; 2) повествователь, не принимающий участия в действии, может быть очевидцем или ретранслятором событий, пересказывающим их с чужих слов [2].

(тогда), отмеченная повествовательным претеритом и лексическими обозначениями прошлого, обозначение места действия (там), а также, что очень важно, акциональная семантика предикатов, маркирующая субъектов действия — актантов: *kommen, zurückbleiben / leben, retten* и др. (в примерах эти предикаты выделены). Специфичность каждой из повествовательных ситуаций заключается в том, что безличная ситуация маркируется 3-м лицом, а личная — 1-м лицом местоимений и глаголов. Кроме того, повествование от 3-го и 1-го лица обнаруживает разную функциональную семантику. Форма 3-го лица усиливает эпичность текста и создает эффект самоценности событий и их независимости от акта повествования. В отличие от нее форма 1-го лица, несмотря на эпический претерит, относящий события к неопределенному периоду прошлого, связывает эти события с личностью нарратора и делает их более актуальными.

Функциональная семантика каждой из персональных форм повествования становится особенно наглядной, если сопоставить два фрагмента текста, которые в своей поверхностной структуре различаются только видом персональности. Пример для такого сопоставления дает начальный эпизод романа Кафки «Das Schloss» в безличной форме и тот же эпизод в личной форме из ранней редакции романа:

- (3) *Es war spätabends, als K. ankam. Das Dorf lag in tiefem Schnee. Vom Schlossberg war nichts zu sehen. Nebel und Finsternis umgaben ihn, auch nicht der schwächste Lichtschein deutete das große Schloss an. Lange stand K. auf der Holzbrücke, die von der Landstraße zum Dorf führte, und blickte in die scheinbare Leere empor. Dann ging er, ein Nachtlager suchen* (F. Kafka. Das Schloss. S. 521).
- (4) *Es war spätabends, als ich ankam. Das Dorf lag in tiefem Schnee. Vom Schlossberg war nichts zu sehen. Nebel und Finsternis umgaben ihn, auch nicht der schwächste Lichtschein deutete das große Schloss an. Lange stand ich auf der Holzbrücke, die von der Landstraße zum Dorf führte, und blickte in die scheinbare Leere empor. Dann ging ich, ein Nachtlager suchen* (цит. по: F. Stanzel [7, S. 21]).

В окончательной редакции Кафка предпочитает объективированный вариант от 3-го лица, излагающий события с позиций протагониста. Выбор безличной формы является одним из способов реализации повествовательной стратегии автора. Она на-

правлена на создание образа событий, в котором исключаются конкретные связи с актуальностью: временем, местом, даже персонажем, который не имеет ни имени, ни биографии. Такая повествовательная стратегия придаёт роману обобщённый характер притчи.

Что касается синтагматики текста, то обе персональные формы, оформляющие текстовые эпизоды, имеют те же грамматические и функционально-семантические значения, что и в макротексте. Однако их различают возможность комбинирования в одном макротексте, а также разные виды взаимодействия с субъектной перспективой повествования. Так, *Er-Erzählung* как более универсальный и «традиционный повествовательный модус» [3, с. 222] имеет сквозную персональность третьего лица, а в *Ich-Erzählung* обе персональные формы могут комбинироваться (когда нарратор рассказывает и о себе, и о другом).

Что касается взаимодействия личной и безличной ситуаций с перспективой повествования, которая в обеих персональных формах представлена чередованием разных точек зрения (пространственной, временной, аксиологической, когнитивной), то этот вопрос требует особого рассмотрения и не относится к задачам данной статьи.

Следующий подвид дискурсивной ситуации представлен *метанарративной ситуацией*, референтом которой является акт коммуникации повествователя и читателя. Она тематизирует само событие повествования или его восприятия. Х. Вайнрих называет её *миром обсуждения* (*besprochene Welt*), в отличие от *повествоваемого мира* (*erzählte Welt*) [8]. Она манифестируется в тексте метанарративными структурами, называемыми также метатекстом. Метанаррация имеет место как в личном, так и в безличном повествовании. Более того, по данным Атаровой и Лескис, только 2 % исследуемых ими повествований от 3-го лица показали отсутствие метанаррации [2, с. 33].

Метакоммуникативные элементы, тематизирующие акт речи, типичны не только для художественного повествования и даже не только для повествования, а являются общеречевой категорией лингвистики текста. Они связывают отдельные элементы текста, делают ссылки на пре- или посттекст, обозначают интенции автора, развивающего свою мысль, а также выполняют другие текстовые функции. Маркеры метатекста — это личные местоимения

1-го и 2-го лица, обозначения автора и читателя³, темпоральность, связанная с моментом речи: презенс, перфект и футурум, а также семантика предикатов, обозначающих речевой акт. Ниже приводится пример метанарративного парантеза, который выполняет функцию связки, актуализирующей повтор *es war ihm*, и вместе с тем выделяет сообщение как факт рассказывания:

- (5) *Es war ihm — wenn er hier ihre Röcke aufs Bette legte, um sich setzen zu können, <...> es war ihm, **sag ich**, als wenn er ihr mit jedem Augenblicke näher würde...* (J. W. Goethe. Wilhelm Meisters Lehrjahre. S. 47).

В отличие от прагматических дискурсов, особенностью художественного повествования — будь то личное или безличное — является многообразная языковая манифестация метанарративной ситуации, а также возможность её распространённого описания, включающая даже беседу с воображаемым читателем:

- (6) *Mit Recht darf ich zweifeln, dass du, **günstiger Leser**, jemals in einer gläsernen Flasche verschlossen gewesen sein sollst, es sei denn, dass ein lebendiger neckhafter Traum dich einmal mit solchem feerischen Unwesen befangen hätte* (E. T. A. Hoffmann. Der goldene Topf. S. 127).

Функции метанарративных элементов — не только те же, что и в прагматических текстах, но и чисто художественные. Особенно ярко приём игры с фиктивной ситуацией повествования, вызывающий эффект остранения, проявляется в так называемом ироническом повествовании, которое актуализирует факт опосредованности, повествуемости истории. Такой приём иронического остранения иллюстрирует пример из романа Бёлля «Gruppenbild mit Dame»:

- (7) *...sie (Leni) trägt ihr dichtes blondes Haar, **wie auf Seite 7 beschrieben*** (H. Böll. Gruppenbild mit Dame. S. 9).

Ещё один вид дискурсивной ситуации реализуются внесюжетными элементами, которые обычно называют авторскими отступлениями, парантезами или вводными текстовыми единствами. Их вводный характер объясняется тем, что они тематически не

³ Маркерами личной ситуации являются также обозначение субъекта речи первым лицом мн. числа (*wir*), как, например, в рассказе Кафки “*Josefine, die Sängerin oder Das Volk der Mäuse*” или существительными *Autor*, *Verfasser*, как в романе Бёлля “*Gruppenbild mit Dame*”.

принадлежат истории, а передают рассуждения и наблюдения нарратора, которые связаны с историей лишь ассоциативно. Они отсылают к повествователю и ситуации повествования и относятся к узко понимаемым вненарративным (внесюжетным) элементам. Поэтому ситуация дискурсии, которую они манифестируют, может быть названа *экстранарративной*. Если в метанарративной ситуации нарратор комментирует сам акт повествования, то в экстранарративной ситуации он выступает комментатором повествуемых событий, например, обобщая или конкретизируя их в своих размышлениях. Связь экстранарративного элемента с нарративным устанавливается на основании разнообразных ассоциаций, например, от частного к общему, от общего к частному, связь по аналогии, связь по контрасту [5, с. 65-71]. Иллюстрировать связь экстранарративного и нарративного элементов текста по аналогии может эпизод из романа Гёте «Wahlverwandschaften», в котором персонажи планируют строительство беседки, и комментирующий его экстранарративный парантез:

- (8) *Es ist mit den Geschäften wie mit dem Tanze: Personen, die gleichen Schritt halten, müssen sich unentbehrlich werden; ein wechselseitiges Wohlwollen muß notwendig daraus entspringen <...>* (J. W. Goethe. Wahlverwandschaften. S. 47–48).

Об экстранарративной ситуации сигнализирует здесь не только характер связи с контекстом, отмеченный развёрнутым сравнением, но и переключение из претерита в другую темпоральность — генеральный презенс. Но несмотря на его семантическую и грамматическую выделенность внутри событийного контекста, экстранарративный парантез обладает лишь относительной автосемантической, поскольку он выполняет проспективную функцию в тексте, в обобщённой форме формулируя намёк на дальнейшее развитие событий.

Так же как и метанарративные элементы текста, экстранарративные парантезы выполняют разнообразные функции в развитии сюжета, предопределяются нарративной стратегией и в широком смысле относятся к нарративным тактикам порождения текста. Хотя экстранарративная ситуация обладает специфическими характеристиками (относительная автосемантия, ассоциативная связь с контекстом, комментирующая функциональность, возможная грамматическая актуализация), благодаря которым она зани-

мает отдельное место в ряду дискурсивных ситуаций нарративного текста, тем не менее она может совмещаться с личной, безличной и метанарративной ситуациями.

В отличие от метанарративной ситуации, экстранарративная дискурсия не относится к универсальным текстовым категориям, встречаясь только в так называемых мягких текстах (художественных, публицистических, устном фактуальном повествовании), а в жёстких избегается как препятствующая логической строгости и избыточная.

При реализации нарративной стратегии в художественных текстах экстранарративная дискурсия проявляет разную степень релевантности, а также обнаруживает большое тематическое и функциональное разнообразие. Эти обстоятельства позволяют относить экстранарративную ситуацию к важным стилеобразующим элементам художественного повествования.

Итак, к дискурсии (событию рассказа) наряду с личной и безличной ситуациями повествования, которые доминируют в макротексте, относятся также микроситуации: личная безличная, метанарративная и экстранарративная. Чередование повествовательных ситуаций и их разнообразие управляются нарративной стратегией автора, которая ответственна за тематическую и логическую организацию текста, с одной стороны, и его художественное воплощение, с другой.

Источники иллюстративного материала

Böll, H. Gruppenbild mit Dame. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1981.

Brger, G. A. Münchhausens Reisen und Abenteuer. Moskau: Verlag Progress, 1979.

Goethe, J. W. Goethes Werke in sechs Bänden. Vierter Band. Leipzig: Insel-Verlag, 1910.

Hoffmann, E. T. A. Der goldene Topf. In: Bibliothek deutscher Klassiker. Hoffmanns Werke in drei Bänden. Erster Bd. Berlin u. Weimar: Aufbau-Verlag, 1979. S. 57–144.

Kafka, F. Das Schloß // Franz Kafka. Die erzählerische Welt. II Bd. 2. Aufl. Berlin: Rütten & Loening, 1988.

Kleist, H. Die Verlobung in St. Domingo // Bibliothek deutscher Klassiker. Hoffmanns Werke in drei Bänden. Bd. I. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1979. S. 189–228.

Литература

1. Атарова, К. Н., Лескис, Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37, № 4. 1976. С. 343–354.
2. Атарова, К. Н.; Лескис, Г. А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39, № 1. 1980. С. 33–45.
3. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.
4. Гончарова, Е. А. Категории АВТОР — ПЕРСОНАЖ и их лингвистическое выражение в структуре художественного текста: автореф. дис... д-р филол. наук. Л., 1989.
5. Новожилова, К. Р. Вводные текстовые единства, или авторские отступления, и их функционирование в художественном тексте // Смысловые и прагматические характеристики текста и его единиц. Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 1989. С. 65–71.
6. Тюна, В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5, 2002. С. 5–31.
7. Stanzel, F. Begegnungen mit Erlebter Rede // Erlebte Rede und impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen / Hrsg. v. D. von Kullmann. Göttingen: Wallenstein Verlag, 1995.
8. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart: Verlag C. H. Beck, 2001.

References

1. Atarova, K. N., Lesskis, G. A. Semantika i struktura povestvovanja ot perogo litsa v hudozhestvennoi proze [Semantic and structure of the first-person narrative in fiction]. *Izvestia AN SSSR. Seria literatury i iazyka* [News of USSR Academy of Science. Serie of literature and language], 1976, vol. 37, no. 4, pp. 343–354. (In Russian)
2. Atarova, K. N., Lesskis, G. A. Semantika i struktura povestvovanja ot tret'ego litsa v hudozhestvennoi proze [Semantic and structure of the third-person narrative in fiction]. *Izvestiya AN SSSR. Seria literatury i iazyka* [News of USSR Academy of Science. Serie of literature and language], 1980, vol. 39, no. 1, pp. 33–45. (In Russian)
3. Bart, R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nyh tekstov [Introduction to the structural analysis of narrative texts]. *Frantsuzskaia semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotic. From structuralism to post-structuralism]. Moscow, Progress Publ., 2000. (In Russian)

4. Goncharova, E. A. *Kategorii AVTOR — PERSONAZH i ih lingvisticheskoe vyrazhenie v strukture hudozhestvennogo teksta*. Autorefer. diss. dokt. filol. nauk [*Autor — Character categories and their linguistic expression in the structure of a literary text*. Thesis of Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1989. (In Russian)

5. Novozhilova, K. R. Vvodnye tekstovye edinstva, ili avtorskie otstupleniya, i ih funkcionirovanie v hudozhestvennom tekste [Introduction texts of unity or authors deviations and their functioning in a literary text]. *Smyslovye i pragmaticheskie harakteristiki teksta i ego edini* [*Semantic and pragmatic characteristics of the texts and its units*]. Ivanovo, Ivanovskii gos. universitet, 1989, pp.65–71. (In Russian)

6. Тупа, В.И. Очерк современной нарратологии [Esseys of modern narratology]. *Kritika i semiotika* [*Criticism and semiotics*], 2002, issue 5, pp. 5–31. (In Russian)

7. Stanzel, F. Begegnungen mit Erlebter Rede. *Erlebte Rede und impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen*. Hrsg. v. D. von Kullmann. Göttingen, Wallenstein Verlag, 1995.

8. Weinrich, H. *Tempus. Besprochene und erzählte Welt*. Stuttgart, Verlag C. H. Beck, ,2001.

Новожилова Ксения Ростиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук,
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Xenia R. Novozhilova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034. Russian Federation

E-Mail: novozhilova@spbu.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ ФОКУСЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОЛИТИКОВ

Ключевые слова: прагматический фокус, дискурсивное значение грамматической единицы, политический дискурс, публичное выступление

Актуализация дискурсивных значений грамматических единиц тесным образом связана с коммуникативно-прагматическими задачами, решаемыми в рамках конкретного текста в соответствии с параметрами дискурса. На материале публичных выступлений политиков в данной статье рассматриваются механизмы выдвижения в прагматический фокус грамматических единиц, значения которых приобретают особый вес в политическом дискурсе.

T. YU. SMIRNOVA

Herzen State Pedagogical University of Russia

GRAMMATICAL UNITS IN THE PRAGMATIC FOCUS OF PUBLIC SPEECHES BY POLITICIANS

Keywords: pragmatic focus, discursive value of grammatical unit, political discourse, public speech.

The actualization of the discursive values of grammatical units is closely related to communicative and pragmatic tasks that are solved in a particular text in accordance with the parameters of the discourse. On the basis of public statements by politicians, the paper considers pragmatic focusing of grammatical units, the meanings of which acquire a special weight in the political discourse.

Сложность описания полифункциональных грамматических единиц связывается, как правило, с поиском инвариантного значения грамматической единицы, а также с разграничением вариантов значения (функций) и неких окказиональных употреблений.

Фиаско, которое потерпели попытки системного (парадигматического, оппозитивного) описания, а также изменение фокуса научных интересов повлекли за собой рост внимания к «среде обитания» грамматических единиц и их адаптации к ней, что привело к стремлению максимально исследовать их реальную жизнь в дискурсе.

Совмещение семантического и лингвопрагматического ракурсов, которое предлагает, в частности, теория прототипов, позволяет представить значение грамматической единицы как ие-

рархическую структуру, создаваемую благодаря употреблению грамматической единицы в определенных контекстах.

Сочетание лингвопрагматического и дискурсивного подходов позволяет описать выбор одной из возможных языковых единиц в зависимости от коммуникативно-прагматических параметров ситуации, основных характеристик дискурса и решаемых коммуникативных задач.

Теория прототипов позволяет преодолеть недостатки жесткой классификации, предоставляя возможность учитывать более сложные «переходные» случаи и сохраняя принцип системного описания. В рамках теории прототипов К. Вельке рассматривает варианты значения как производные величины, прямо или косвенно восходящие к некоему прототипу и появляющиеся в результате употребления формы в контекстах, отличающихся от «прототипического». Импликатура не является обязательным следствием употребления формы, то есть не связана с формой, а появляется при употреблении грамматической единицы в определенном контексте [5, S. 85–99].

В отношении импликатур, контекстуально-ситуативно обусловленных значений, важным является разграничение конвенциональных, «типичных», обычно выводимых при интерпретации и единичных, нетипичных. Говоря о таком значении презенса, как исторический презенс, можно говорить о конвенциональной импликатуре — «устоявшейся» и легко декодируемой при употреблении презенса в историческом дискурсе. Следует отметить, что импликация — определенная интерпретация — необходимо появляется в случае, когда значение языковой единицы вступает в конфликт со значениями других единиц (например, презенс вступает в конфликт с другими языковыми знаками, соотносящими обозначаемое событие с прошлым). Основные выводы, которые можно сделать в отношении конвенциональных импликатур, заключаются в том, что при «конфликте» языковой единицы с ситуативным контекстом необходимо возникает импликатура, которая, в свою очередь, будучи конвенциональной, может стать вариантом значения. К. Вельке иллюстрирует этот процесс следующим образом: „*Anscheinend verwendet der Sprecher das Präsens, weil ihm das vergangene Geschehen wie etwas Gegenwärtiges nahe ist. Mann kann also schließen, dass das Präsens auf Bewusstseinsnahe eines vergangenen Vorgangs hin deutet*“ [5, S. 87]. Частотность такого употребления, его

конвенционализация, привела к появлению семантического варианта значения.

Разграничивая и объединяя собственно значение формы, его варианты, являющиеся предметом изучения семантики, и варианты значения, которые представляют собой контекстно-обусловленную интерпретацию формы и поэтому изучаемые прагматикой, можно, вслед за К. Вельке, выстроить следующую иерархию манифестируемых в дискурсе значений, к которым относятся:

- собственно денотативное значение формы (интерпретируемое в терминах теории прототипов);
- импликатура, которая в случае, если она имеет конвенциональный характер, становится вариантом значения грамматической формы;
- прагматическая импликатура: интерпретация в зависимости от дискурса или эффект, возникающий при употреблении в определенном контексте.

Критерием для разграничения варианта значения (конвенциональной имплицатуры) и прагматической имплицатуры является то, что первая не дополняет значение, а выступает в качестве альтернативы: презенс в историческом контексте не имеет значения «настоящее плюс прошедшее», а демонстрирует замещение одного значения другим, обозначая “(vergegenwärtigte) Vergangenheit” [5, S. 95].

Прагматическая импликатура не связана непосредственно со значением грамматической единицы. Например, возможность выразить побуждение структурами с презенсом или футурумом не связана непосредственно с самими формами. Значение «побуждение» не является альтернативным для этих форм, так как обе сохраняют значение будущего времени. Оно сохраняет статус прагматической имплицатуры, так как прагматические имплицатуры, даже если они имеют типичный (конвенциональный) характер, являются только в рамках речевого акта.

Описание контекстов, в которых появляются конвенциональные имплицатуры versus — типичные прагматические имплицатуры, требует исследования типичных контекстов. Если согласиться с Клаусом Вельке, что грамматика *per definitionem* представляет собой, как в отношении языкового устройства, так и в отношении грамматического описания грамматической теории, обобщение

(Verallgemeinerung) [5, S.34], то поиск этих обобщений (правил, принципов, закономерностей) должен стать основной задачей при описании условий употребления.

Описывая языковые средства формирования коммуникативных регистров речи, Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова [2, с. 400–431] ставят вопрос об «уровне абстракции, на котором целесообразно дифференцировать коммуникативно-речевые функции, характеризующие предложение» [2, с.392], и отмечают релевантность выделения коммуникативных регистров, которые могут быть определены как «понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в разнородных по общественно-коммуникативному назначению контекстах» [2, с.393]. Авторы демонстрируют, как композиционно-текстовые потенции глагола, реализующиеся в коммуникативных регистрах речи, составляют его функционально-синтаксическую парадигму — способы употребления, способы декодирования, однако их не интересует дискурс — очень разнородные в коммуникативно-прагматическом отношении тексты.

Вопрос о типичности/нетипичности контекста приобретает новый ракурс рассмотрения при коммуникативно-дискурсивном подходе. Определяя функциональный потенциал грамматических единиц, С.Т.Нефёдов отмечает обусловленность употребления языковых единиц дискурсивными нормами языкового оформления текста, которое непосредственно связано с прагматическими задачами определенной социально-коммуникативной сферы. Типичные для определенного дискурса языковые единицы составляют его доминанту, остальные находятся на периферии [3]. Противопоставление типичных и нетипичных контекстов позволяет, с одной стороны, описать предназначенность языковой единицы для употребления в типичных для нее контекстах, с другой, установить модификацию значения/ функции единицы в несвойственном ей дискурсе. Единицы, «неконгруэнтные» задачам и параметрам определенного дискурса, в частности грамматические «экзоты», приобретают дополнительные текстовые функции. Например, перфект в «ненарративном» контексте научного дискурса, сохраняя свою основную функцию, приобретает дополнительные структурирующие функции [3, с. 101].

Доминанты и «экзоты» участвуют в ранжировании смыслов на уровне текста, то есть в актуализации определенных значений как

смысловых доминант. «Прагматическое фокусирование — это иерархизированная система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования текстовых элементов, несущих более значимую информацию» [1, с.4]. Соглашаясь с О.Н. Богдановой, подчеркнем, что фокусирование внимания адресата осуществляется, на наш взгляд, двумя способами: а) за счет типичных для данного дискурса, рекуррентных языковых единиц (доминантные единицы) и б) за счет единиц, «противоречащих ожиданиям» адресата и, следовательно, выделяемых им при декодировании текста.

Прагматическое фокусирование позволяет наиболее отчетливо увидеть коммуникативные намерения, то есть связать употребление языковой единицы с дискурсивными параметрами. Устанавливаемые для определенного дискурса доминантные единицы отражают выбор, определяемый дискурсивными нормами. Прагматическое фокусирование — акт выбора, критерием для которого являются успешность и эффективность коммуникации.

Понимая всю сложность определения понятия дискурс, ограничимся лишь указанием на то, что дискурс как «среда обитания» языковой единицы представляет собой совокупность текстов, а также представлений о прототипах текстов, относящихся к определенной социально-коммуникативной сфере. Дискурсивное описание тесно связано с применяемыми стратегиями и тактиками, коммуникативными задачами, обуславливающими выдвижение в прагматический фокус смыслов, значимых для коммуникации.

Ставя перед собой задачу определить принципы взаимодействия грамматической единицы и дискурса и описать условия для появления прагматических импликатур в зависимости от дискурсивных параметров, обратимся к политическому дискурсу, например, к предвыборным и приветственным речам политиков.

Центральной стратегией политического дискурса является стратегия положительной самопрезентации, которая, в частности, реализуется благодаря тактике создания иллюзии «солидарного единства». Доминантная единица — инклюзивное местоимение *wir*, являясь дейктической единицей, позволяет, не вторгаясь в сферу отдельных лиц, «размыто» говорить об общности интересов и целей. При этом экспликация включаемых лиц демонстрирует широкую палитру от абсолютно конкретных лиц до крайне обобщенных представлений.

- (1) *Vielleicht ist es gut, immer wieder angespornt zu werden; aber ich glaube, sowohl **der französische Staatspräsident** als auch **all unsere europäischen Kollegen** und auch **ich** wissen, wie wichtig es ist, für das, was für uns selbstverständlich ist, überall in der Welt einzutreten. Deshalb werden **wir** das weiter tun.* (www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/10/2017-10-11-rede-merkel-buchmesse.html)
- (2) ***Wir** haben, wenn **wir als Europäer** ernst genommen werden wollen, eine weitere große Aufgabe, nämlich im Bereich der Außenpolitik zusammenzuarbeiten. Die einheitliche europäische Außenpolitik ist noch nicht ausreichend entwickelt.* (www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2018/01/2018-01-24-rede-merkel-davos.html)
- (3) *Da **wir** uns in einer Welt des Wandels behaupten wollen und müssen, **müssen wir uns auch selber wandeln können**. Und dabei kann Literatur helfen.* (www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/10/2017-10-11-rede-merkel-buchmesse.html)

Выдвижение в прагматический фокус говорящего, влекущее за собой использование местоимений первого лица как доминантных единиц, является значимым параметром дискурса, влияющим на другие его параметры.

В прагматическом фокусе публичных выступлений политиков наряду с положительной оценкой собственных результатов деятельности, находятся обещания, прогнозы и планы. К доминантным грамматическим единицам предвыборных выступлений, служащих выражению значения результата в будущем, относится футурум.

Как известно, футуруму приписывают 2 семантических варианта: 1) *vermutetes Geschehen in der Gegenwart*; 2) *zukünftiges Geschehen* [4, S. 102–105]. Значение «предположения» не затрагивает сферы высказывания первого лица о себе. Вторая функция — «прогноза, предсказания события» [4, S. 103] в контексте высказывания от первого лица претерпевает модификацию: появляется имплицатура «намерение» (Vorsatz):

- (4) *Wer hat hier Wirtschaftskompetenz? Wie weit ist es eigentlich gekommen, dass die Abwrackprämie als Zeichen von Wirtschaftskompetenz gilt? Auch das **werden wir im Wahlkampf deutlich machen**: Grüne Politik hat nicht nur den Klimaschutz im Blick, sondern zugleich auch die Zukunft unserer Wirtschaft.* (www.gruene.de/presse/rede-von-cem-oezdemir-auf-der-30-bundesdelegiertenkonferenz-von-buendnis-90die-gruenen-in-berlin.html)

Релевантной для данного дискурса является также импликация значения «уверенности» говорящего в осуществлении действия в будущем: „Wenn ein Sprecher behauptet, dass ein Ereignis in Zukunft stattfinden wird, dann kann der Hörer folgern, dass der Sprecher sich sicher ist, dass das Ereignis in Zukunft stattfindet“ [5, S. 377]. Наличие значения «уверенности» как импликатуры использования футурума в дискурсе, связанным с экспликацией намерения или обещания, обосновывается следующим образом: футурум предельных глаголов, обозначающих моментальный переход от одного состояния к другому (kommen, finden), должен бы быть избыточным, так как презенс данных глаголов может обозначать лишь будущее, он не обозначает настоящего. Следовательно, выбор футурума должен вызывать какой-то дополнительный эффект. Употребление футурума в прагматическом фокусе говорит об импликации «подчеркнутой уверенности»: многократное дублирование выражения значения уверенности в следующем примере свидетельствует об особом выделении этого значения.

- (5) *Allerdings bin ich sicher, dass nun europäische Politiker, wenn sie nach Washington reisen, **der US-Regierung erklären werden**, dass das internationale Völkerrecht und die Menschenrechte auch für Donald Trump gelten. **Da bin ich sicher!*** (www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Reden/20170129_Rede_Schulz.pdf)

Подчеркнутая уверенность в достижении результата в будущем манифестируется посредством перформативных речевых актов обещания, уверений, декларации о серьезности намерений:

- (6) *Eines will ich klar sagen: Wahlkampf ist wichtig, um die Unterschiede zwischen den Parteien und den Kandidaten herauszuarbeiten. Ich scheue mich vor keinem Konflikt. Im besten Fall kann ein Wahlkampf zu einer Sternstunde der Demokratie werden. **Aber klar ist auch: Die SPD, ich werde in diesem Wahlkampf fair mit den politischen Wettbewerbern umgehen.*** (www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Reden/20170129_Rede_Schulz.pdf)
- (7) *Wir werden in den Bereichen Wirtschaft und Finanzmarktregulierung, den eigentlichen Kernthemen, allem entgegenarbeiten, das auf eine Veränderung im Sinne der Schwächung der Finanzmarktregulierung hinweist. Wir haben bezüglich der Regulierung der Schattenbanken noch einen ehrgeizigen Fahrplan abzuarbeiten. Das ist ein sehr wichtiges Thema. Auch darauf werden wir*

achten. (www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2017/06/2017-06-19-rede-merkel-c20.html)

- (8) *Emmanuel Macron und ich werden gemeinsam darauf hinwirken*. (www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/10/2017-10-11-rede-merkel-buchmesse.html)

Приведенные примеры показывают, что при тактике обещания в прагматическом фокусе оказывается значение «уверенности», которое не является грамматическим значением формы футурума, а представляет собой импликатуру, присущую утверждению и предопределяемую параметрами дискурса.

Следует отметить, что разграничение *намерения* и *обещания* может вызывать затруднения. *Обещание* предполагает выполнение действия в интересах адресата. Нечеткие контуры инклюзивного местоимения *wir* размывают коммуникативные параметры. При включении адресата в круг лиц, обозначаемых местоимением *wir*, речь идет об экспликации намерения; если же адресат не включается и сохраняет статус только адресата, то речь идет об обещании. Однако провести эту границу в ряде случаев сложно:

- (9) *Aber bei aller notwendigen Klarheit in dieser Frage ist für mich gleichzeitig genauso wichtig: Wir werden niemals unsere Werte, unsere Freiheit und Demokratie, unsere Rechtsstaatlichkeit und unsere Pluralität aufgeben, egal vor welcher Herausforderung wir stehen*. (www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Reden/20170129_Rede_Schulz.pdf)
- (10) *Heute haben wir mit der Digitalisierung eine technische Revolution, die mit derjenigen der Entstehung des Buchdrucks vergleichbar ist. — Wir werden nachher auf einer Gutenbergschen Buchdruckmaschine einen Druck der Deklaration der Menschenrechte vornehmen. — Die Digitalisierung wird unsere Welt vollkommen verändern*. (www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/10/2017-10-11-rede-merkel-buchmesse.html)

При прогнозировании в прагматическом фокусе оказывается утверждение о положении дел в будущем, обозначенном обстоятельством времени. Непосредственная заинтересованность адресата в данном случае не имплицитруется. Если инклюзивное местоимение *wir* не однозначно соотносится только с говорящим — политиком и его единомышленниками, то есть лицами, несущими

ответственность за осуществление действий, а может обобщенно называть всех граждан или включать адресата, то разграничение *намерения* и *прогнозирования* так же, как и в случае с *намерением* и *обещанием*, вызывает затруднения:

- (11) *Sie wird uns völlig neue Möglichkeiten eröffnen. Aber wir werden auch darum kämpfen müssen, uns immer wieder unsere Wurzeln, unsere Verwurzelungen klarzumachen, um den richtigen Weg in dieser scheinbar unendlich vernetzter Welt zu finden.* (www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/10/2017-10-11-rede-merkel-buchmesse.html)

Приведенные примеры показывают, что значение футурума, его семантический вариант «действие в будущем», обогащается в дискурсе политического выступления имплицатурами, связанными с выдвижением в прагматический фокус таких значений, как намерение, обещание, прогноз.

К области будущего относятся также политические планы. Предлагаемые политиками решения, попадая в прагматический фокус публичных выступлений, облекаются в форму необходимых, рекомендуемых или неотложных действий. Доминантным средством выражения являются, в частности, структуры с модальными глаголами и их синонимы. Местоимение *wir* интерпретируется при этом как *объединяющее* соратников по партии, представителей государственных органов или единомышленников.

- (12) *Wir müssen unsere Eurozone festigen. Das heißt, wir brauchen eine Kapitalmarktunion — im Kapitalmarkt sind wir immer noch zersplittert. Wir müssen die Bankenunion vollenden. Wir müssen uns überlegen, wie wir uns auf zukünftige Krisen, die von außen auf uns einstürzen, so wappnen, dass nicht auf der einen Seite das Risiko einfach vergemeinschaftet wird und die Haftung bei allen liegt, obwohl jeder Einzelne seine Risiken managen müsste. Und wir müssen andererseits auch schauen, dass wir ein interessanter Investitionsstandort sind. Wir dürfen uns deshalb auch nicht abschotten.* (www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2018/01/2018-01-24-rede-merkel-davos.html)
- (13) *Es ist schon absehbar, dass in der nächsten Legislaturperiode, gleich im Jahre 2018, dieser Klimaschutzplan spezifiziert werden muss. Wieder wollen wir das nicht gegen die Betroffenen machen, sondern im Gespräch mit den Betroffenen.*

*Ich bin der tiefen Überzeugung, dass wir an der Schwelle zu einer neuen Entwicklungsstufe stehen. **Wir müssen jetzt die Voraussetzungen dafür schaffen**, dass Deutschland auch in 10 oder 15 Jahren wirtschaftlich erfolgreich und sozial gerecht ist und noch mehr Menschen eine gute und sichere Arbeit haben. (www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/09/2017-09-06-rede-bk-bundestag.html)*

- (14) — **Wir wollen** 50 % Frauen in den Aufsichtsräten und Lohngerechtigkeit zwischen den Geschlechtern.
— **Wir wollen** keine Vorratsdatenspeicherung, wir wollen Rechtsextremismus und Diskriminierung bekämpfen. (www.gruene.de/presse/rede-von-cem-oezdemir-auf-der-30-bundesdelegiertenkonferenz-von-buendnis-90die-gruenen-in-berlin.html)

Необходимо подчеркнуть, что дискурс может существенно влиять на интерпретацию значения языковых единиц: попав в прагматический фокус, они живут по законам данного дискурса. Так фокусирование внимания реципиента на успешной деятельности партии осуществляется не только при помощи «специализированных» средств обозначения результата, но и не связанными напрямую с результативным значением способами. Наряду с языковыми единицами, предназначенными для выражения результативности (перфект/плюсквамперфект предельных глаголов, отглагольные существительные, обстоятельства), дискурсивное значение результата приобретают единицы со значением процесса или состояния:

- (15) *Meine Damen und Herren, wir haben durch gute Wirtschaftspolitik, auch durch die Tatsache, dass wir **vier Jahre lang keine Schulden gemacht haben**, zeigen können, dass solide Haushaltspolitik und Wirtschaftswachstum Hand in Hand gehen können, dass dadurch **nachhaltiges Wirtschaftswachstum** entstehen kann. Die letzten vier Jahre sind dadurch gekennzeichnet, dass der **Wachstumsmotor in Deutschland nicht mehr der Export ist, sondern der Binnenkonsum**. Das sieht man auch an den Lohnsteigerungen. (www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Rede/2017/09/2017-09-06-rede-bk-bundestag.html)*
- (16) *Wir sind in Deutschland momentan in einer Situation, in der wir sagen können: **Uns geht es gut, uns geht es sehr gut**. Aller Voraussicht nach könnten wir 2020 dann elf Wachstumsjahre in Folge hinter uns haben. Das gab es zuletzt in den 50er Jahren. **Wir haben mehr Menschen in***

Arbeit als jemals zuvor. Wir haben eine solide Finanzsituation. Wir haben gute Fortschritte bei der Digitalisierung unserer Wirtschaft mit der Industrie 4.0 gemacht. (www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2018/01/2018-01-24-rede-merkel-davos.html)

В текстах политического дискурса значение результативности замещается коррелирующим с ним значением достижения цели, которое не обязательно связано с языковым значением исчерпанности действия или изменением состояния.

Изучение зависимости интерпретации значения языковой единицы от дискурсивных параметров текста и его жанра позволяет предположить, что прагматическое фокусирование, будучи способом текстового структурирования смыслов, является тем инструментом, который предопределяет употребление и интерпретацию языковых единиц, способствует созданию дискурсивных импликатур, важных, в частности, для текстов политического дискурса.

Литература

1. Богданова, О. А. Цвето- и светообозначение как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста (на материале прозы Г. Грасса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 19 с.
2. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.
3. Нефёдов, С. Т. Грамматическое пространство научного текста // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой. СПб.: Свое издательство, 2017. С. 87–103.
4. Hentschel, E., Weydt, H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2003..
5. Welke, K. Tempus im Deutschen. Rekonstruktion eines semantischen Systems. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2005.

References

1. Bogdanova, O. A. *Tsveto- i svetooboznachenie kak odna iz form pragmaticheskogo fokusirovania v structure hudozhestvennogo teksta (na material prozy G. Grassa)*. Authoref. diss. kand. filol. nauk [*Light and color designation as one of the forms of pragmatic focusing in the structure of artistic text (on the material of G. Grass's prose)*]. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2000. 19 p. (In Russian)

2. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. J. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [*Communicative grammar of the Russian language*]. Moscow, Izd. Mosk. Gos. univer., 1998. (In Russian)

3. Nefedov, S. T. Grammaticheskoe prostranstvo nauchnogo teksta [The grammatical space of scientific text]. *Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoi lingvistiki. Materialy nauchnykh chtenii pamiati prof. L. V. Shishkovo* [*Grammar in the research context of modern linguistics. Materials of scientific readings in memory of Professor L. V. Shishkova*]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo, 2017, pp. 87–103. (In Russian)

4. Henschel, E., Weydt, H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2003.

5. Welke, K., *Tempus im Deutschen. Rekonstruktion eines semantischen Systems*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2005.

Смирнова Татьяна Юрьевна

доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат филологических наук,
Адрес: наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация

Tatjana J. Smirnova

Associate Professor of German Philology Department
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Doctor of Philological Sciences
Address: 48, Moyka emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation
E-mail: tansmi53@mail.ru

ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ГЕРМАНИИ И РОССИИ XVIII ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Ключевые слова: лингвистическая типология, грамматика, текст, дискурс, немецкий язык, русский язык, XVIII в.

В статье под лингвотипологическими характеристиками грамматических текстов понимаются разнообразные признаки специальных описаний, представленные в двух, в хронологическом плане развивающихся параллельно, историко-грамматических дискурсов в Германии и России XVIII века и манифестирующие данный класс текстов как речевые произведения, обладающие сходными структурными и функциональными чертами.

K. A. FILIPPOV

St. Petersburg State University

LINGUISTIC AND TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF HISTORIC-GRAMMATICAL DISCOURSE IN 18TH CENTURY GERMANY AND RUSSIA (PROBLEM FORMULATION)

Keywords: linguistic typology, grammar, text, discourse, German language, Russian language, 18th century

The article treats linguistic and typological characteristics of grammar texts as various features of special descriptions composed within 18th century German and Russian historic-grammatical discourses (chronologically parallel). The features in question characterize texts of this class as sharing similar structural and functional traits.

Настоящая статья может рассматриваться как предварительные заметки к вопросу о лингвотипологических характеристиках историко-грамматического дискурса в Германии и России XVIII века. В данном случае автор не ставит перед собой масштабную задачу сопоставления грамматики немецкого и русского языков XVIII века, потому что это с неизбежностью предполагало бы рассмотрение всей совокупности явлений, составляющих немецкий и русский языки. Цель настоящего исследования — наметить подходы к описанию лингвотипологических черт историко-грамматического дискурса в Германии и России XVIII века.

1. Лингвистическая типология как способ описания языковых фактов. Как известно, «типологические исследования принадлежат к наиболее обобщенному уровню описания языка» [1, с. 187]. Поэтому для достижения поставленной цели воспользуемся двумя общими понятиями, лежащими в основе изучения сопоставляемых феноменов, — понятиями «тип» и «типология». В «Современном словаре иностранных слов» (2014) содержатся следующие определения этих понятий: «**ТИП**, м. (фр. *type* < греч. *typos* отпечаток, форма, образец). 1. Форма, вид чего-л., обладающие определенными признаками» [2, с. 341], «**ТИПОЛОГИЯ** — это «классификация, представляющая соотношение между разными типами предметов, явлений» [2, с. 342]. Таким образом, в качестве сопоставляемых феноменов могут рассматриваться не только факты немецкого и русского языков, но и тексты, обладающие определенными типологическими характеристиками, в частности, содержащие грамматическое описание сопоставляемых языков.

В новейшей немецкой лингвистике в качестве первого среди основных признаков текста ученые называют принадлежность к какому-либо типу текста (ср.: „*Texte sind selbstreferenziell, d.h. sie signalisieren ihre eigene Textsorte*“) [3, S. 190]. Б. Потье обращает внимание на две стороны типологических исследований: «Типология в первую очередь носит описательный характер и во вторую очередь — сравнительный. Её задача — выявление наиважнейших особенностей языковой деятельности» [1, с. 187]. Аналогичного мнения придерживается Э. Косериу, считающий, что «собственно сравнение можно производить лишь после описания» [4, с. 71].

В нашем случае описание и сопоставление касается двух разных, в хронологическом плане развивающихся параллельно, историко-грамматических дискурсов как разновидностей более общих научных дискурсов в Германии и России XVIII века.

Среди множества определений дискурса выберем одно, наиболее точно отвечающее смыслу настоящего исследования. По мнению В. Хайнеманна, (W. Heinemann) дискурс представляет собой своеобразное «транстекстовое единство» (*transtextuelle Einheit*) или совокупность текстов, соотнесенных друг с другом на основе общих семантико-тематических, прагматических и когнитивных отношений [5, S. 40]. В этой связи уместно привести мнение ещё одного из известных современных специалистов в области теории дискурса Д. Буссе:

«Linguistisch-methodisch gesehen sind Diskurse präsent als überlieferte Texte und Textmengen (oder technischer ausgedrückt: als Textkorpora). Ob eine bestimmte Textmenge als zugehörig zu einem Diskurs X oder Diskurs Y aufgefasst wird, ist daher immer Ergebnis von objekt-konstituierenden Akten der wissenschaftlichen Beobachter und Analytiker. Im idealen Fall ergeben sich aus Inhalten der fraglichen Textmengen Indizien dafür, dass ein diskursiver Zusammenhang auch von den Text-Akteuren als solcher gesehen wurde» [6, S. 148].

При выборе грамматических текстов в качестве репрезентантов историко-грамматического дискурса Германии и России XVIII в. необходимо учитывать также обстоятельство, на которое указывает Э. Косериу:

«...Тексты обладают своими традициями, которые отнюдь не совпадают с традициями соответствующих языков. Определенные тексты в одной человеческой общности могут быть употребительными, а в другой вообще отсутствовать. Некоторые языковые приемы могут быть характерными в определенной текстовой традиции для текстов определенных видов» [4, с. 77–78].

2. Место грамматических текстов в системе форм речевого высказывания. Вопрос о месте грамматических текстов в системе форм речевого высказывания с неизбежностью влечет за собой филогенетическую проблему разграничения научных и учебных текстов. В этой связи целесообразно привести мнение Исидора Севильского, который свой знаменитый, состоящий из десяти книг трактат «Этимологии», начинает с разъяснения связи между наукой и учением. Ср.:

«Наука имя (disciplina) получила от научения (discendo), потому что она также может называться и знанием (scientia). Ведь «знать» (scire) произошло от «учиться» (discere), ибо никто из нас (ничего) не знает, если не учится. А иначе она названа наукою, ибо всему учит (discitur plena)» [7, с. 7].

В известной типологии речевых жанров В.Г. Адмони учебные тексты нашли свое место в одном из подклассов утилитарных текстов, а именно среди научных текстов; ср.: «К научным текстам, с разной степенью углубления в науку, принадлежат и учебники, из которых в антично-европейской традиции особую роль сыграли учебники грамматики» [8, с. 106]. Тем самым В.Г. Адмони, с одной

стороны, обращает внимание на двойственность природы учебных текстов, в которых наличествует не только образовательный, но и исследовательский компонент, а с другой стороны, отмечает особую роль грамматических описаний в истории европейской науки.

Похожую точку зрения высказывают С. В. Чебанов и Г. Я. Мартыненко, специально останавливаясь на статусе учебных текстов в своей типологии описаний, основанной на выделении функций языка (в понимании Р. Якобсона). По мнению петербургских ученых, учебные описания занимают промежуточное положение между научными, техническими, официально-деловыми и быденными описаниями на том основании, что «содержание обучения сопряжено с реализацией референтной, фатической, экспрессивной и даже поэтической функций» [9, с. 65].

Применительно к научному (а точнее, историко-грамматическому) дискурсу XVIII века, о котором идет речь в настоящем исследовании, можно усмотреть связь между наукой и учением в словарных статьях «Полного немецко-русского словаря» (*Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon*), опубликованного в самом конце XVIII века в Петербурге (1798) и построенного по принципам одного из самых известных немецких справочников того времени — «Грамматико-критического словаря немецкого языка» Иоганна Кристофа Аделунга. Данное обстоятельство нашло свое отражение в названии словаря, ср.: *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet* [10; 11].

В этом словаре содержится трактовка терминов, имеющих важное значение для настоящего исследования. В словарной статье *die Lehre* прямо говорится о связи учения с наукой, причем только во втором значении этого слова: «**die Lehre**, ... II). В дальнейшем значении: 1) предложение какой истины: а) наука, наставление...; б) учение, толк...; с) учение, наука» [10, S. 1003–1004]. В пункте с) приведенной выше цитаты в качестве одного из примеров приводится слово *die Sprachlehre*, эквивалентом которого в русском языке выступает термин *грамматика* [10, S. 1004]. Соответственно слово *das Lehrbuch* переводится буквально, как «учебная книга» [10, S. 1003]. Здесь же приведены ещё два понятия, представленные в немецкой грамматической традиции XVIII века, и соответствующие русскому термину «грамматика», а именно: *die Grammatik* = «грамматика»

[10, S. 714], и *die Sprachkunst* = «грамматические правила, грамматика» [11, S. 541]. Представленные выше немецкие наименования грамматики, а именно, *Grammatik*, *Sprachkunst* и *Sprachlehre* можно обнаружить в названиях грамматических текстов как в Германии, так и в России XVIII века. (см. ниже).

3. Грамматические тексты в научном дискурсе в Германии и России XVIII века. При выявлении характерных лингвотипологических черт грамматических описаний необходимо учитывать некоторые обстоятельства, обусловленные социолингвистической и языковой ситуацией в Германии и России XVIII века.

Вплоть до середины века значительная часть научной литературы в Германии публиковалась на латинском языке. По этой причине авторам учебников по грамматике немецкого языка приходилось прибегать как к немецким словарным ресурсам, так и к традиционной латинской терминологии. Следование латинской традиции в композиции, определении номенклатуры частей речи, интерпретации грамматических понятий, описании грамматических форм и тому подобном характерно для многих учебников грамматики немецкого языка того времени.

Авторами наиболее известных грамматических концепций в Германии XVIII века являются два выдающихся немецких просветителя — Иоганн Кристоф Готшед и Иоганн Кристофа Аделунг. Учебники по грамматике немецкого языка И. К. Готшеда «*Grundlebung einer deutschen Sprachkunst*» (1748) [12] и И. К. Аделунга «*Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*» (1782) [13, 14] определили направления дальнейшего развития грамматической науки в Германии XVIII века.

В современной немецкой грамматикографии Готшед представлен как «самый успешный и влиятельный грамматист и языковед эпохи» (*der wirkungsgeschichtlich erfolgreichste Grammatiker und Sprachlehrer der Epoche*) [15, S. 616]. Что касается достижений Аделунга в области грамматики, то видный немецкий лингвист П. Ауэр, подчеркивая нормирующий характер двухтомной грамматики Аделунга, одновременно обращает внимание на ее значимость в период становления нормативного немецкого языка. По словам П. Ауэра, в первых нормативных грамматиках немецкого языка ещё отсутствует описание грамматического строя, «как оно есть» (*Ist-Zustand*), но имеется четкое предписание, «как это должно быть» (*Soll-Zustand*) [16, S. 24].

Список грамматических трудов Готшеда и Аделунга как материал для выявления лингвотипологических характеристик историко-грамматического дискурса в Германии XVIII в. см. в работах [12, 13, 14, 17, 18, 19, 20].

Положение грамматических описаний в России хорошо иллюстрирует следующая цитата из статьи двух известных исследователей русского языка XVIII века В. Живова (Россия) и Г. Кайперта (Германия):

«Одна из основных трудностей, тяготивших строителей нового литературного языка, состояла в размежевании русского и церковнославянского, потому что только в этом случае мог образоваться самостоятельный национальный язык, схожий с новыми литературными языками Европы — церковнославянский при этом воспринимался по аналогии с латынью, и процесс эмансипации русского от церковнославянского должен был идти по тому же пути, по которому следовали французский и итальянский, освобождаясь от латинского наследия» [21, с. 3].

В качестве небольшого примера трудностей, с которыми сталкивались создатели грамматик на русском языке, можно сравнить начальные строки двух грамматик немецкого языка, появившихся в России в разное время. В «Немецкой грамматике» Мартина Шванвитца (1730), изданной в виде параллельного текста на немецком и русском языках [22], содержится следующее определение грамматики; ср. нем. «*Die Grammatica ist eine Kunst, rein zu reden und recht zu schreiben*» [22]; рус. «Грамматика есть художество право глаголати и писати». В «Немецкой грамматике» Фр. Гельтергофа (1770) с разницей в 40 лет определение грамматики имеет вид, более соответствующий нормам современного литературного языка; ср.: «Грамматика есть наука, показывающая правильное писание и чистое слов произношение» (цитата приводится по изданию 1784 года) [23].

Необходимо заметить, что по данным К. Кох (K. Koch), грамматики немецкого языка занимали незначительное место в общем массиве учебной литературы по немецкому языку, издававшейся в России XVIII века. При общем количестве 108 наименований пособий по изучению немецкого языка (словарей, разговорников, сборников текстов для чтения и пр.) насчитывалось 13 учебни-

ков по грамматике немецкого языка (причем на первую половину XVIII века приходится всего три, а на вторую половину уже десять наименований) [24, S. 269].

Появление немецких грамматик в России XVIII века обусловливается особой ролью, которую немецкий язык играл в российском обществе того времени. Самыми простыми способами удовлетворения потребностей общества в учебной литературе были создание учебников немецкого языка преподавателями российских учебных заведений, например, составление двуязычной «Немецкой грамматики» учителем академической гимназии М. Шванвитцем (см. [22]) или адаптация к восприятию российским читателем хорошо зарекомендовавших себя в Германии немецких грамматик (см., например, «Готшедову немецкую грамматику» И. М. Греча (1760) [25] как переработку немецкой грамматики И. К. Готшеда [12].

При подготовке учебников авторы стремились использовать разнообразные метаязыковые включения для разъяснения российской аудитории применяемых терминов и грамматических правил. Как известно, метатекстовые компоненты играют важную роль в понимании текста, они вносят дополнительный смысл в его содержание, организуют внутреннюю структуру, выявляют соотношение отдельных частей внутри текста и взаимодействие с другими текстами.

В результате проведенного анализа терминологических особенностей «Немецкой грамматики» М. Шванвитца (о которой уже шла речь выше) немецкий ученый Г. Кайперт приходит к выводу об исключительной важности изучения учебников по грамматике немецкого и других иностранных языков для правильного представления истории формирования русской лингвистической терминологии. Ср.:

„Alle diese Beispiele zeigen natürlich schlagend, daß man die Geschichte der sprachwissenschaftlichen Terminologie des Russischen nicht angemessen verstehen kann, wenn man die Grammatiken für den Fremdsprachenunterricht weiterhin ausklammert, wie das bisher leider allzu häufig geschehen ist“ [26, S.].

Особое место в ряду грамматических текстов на русском языке занимает «Российская грамматика» М. В. Ломоносова. Наш интерес к этому грамматическому тексту вполне оправдан, если учесть ко всему прочему также тот факт, что в лингвистическом обороте

находится прижизненный перевод «Российской грамматики» на немецкий язык, выполненный архивариусом Лоренцем Стафенгагеном «под смотрением» самого Ломоносова. В «Отчете о завершенных и незавершенных научных и литературных работах» за 1764 год первым пунктом пятого раздела значится следующая запись М. В. Ломоносова: «Сочинил «Российскую грамматику», которая и на немецкий язык переведенная, печатается под моим смотрением» [27, с. 400].

Список грамматических трудов как материал для выявления лингвотипологических характеристик историко-грамматического дискурса в России XVIII века см. в работах [19, 21, 22, 25, 26].

4. Вместо заключения. Параметры лингвотипологического сопоставления грамматических текстов. В качестве методологической основы лингвотипологического анализа грамматических текстов целесообразно воспользоваться концепцией специалистов в области прикладной лингвистики С. В. Чебанова и Г. Я. Мартыненко, представивших оригинальную типологию описаний, включающую в себя три группы аспектов: А. Аспекты организации описания как текста; Б. Аспекты, характеризующие специфику языка описания; В. Аспекты, характеризующие специфику референтной ситуации. Общее количество предлагаемых параметров описания составляет 40 наименований (подробнее см.: [9, с. 64–66]).

Для иллюстрации действенности параметров, представленных в классификации Чебанова — Мартыненко, достаточно обратиться к тексту настоящей статьи и сопоставить с перечнем петербургских ученых. Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на всех аспектах описания текстов, которые можно использовать при лингвотипологическом анализе материала исследования. Ниже дается краткая характеристика только трех признаков описания (одному признаку из каждой группы) как иллюстрация предлагаемого подхода.

А. Аспекты организации описания как текста (1–9). В этой группе под номером 3 фигурирует аспект «жанр описания», предусматривающий разграничение научных, технических, официально-деловых, обыденных и художественных описаний. Особое место в данном аспекте описания уделяется учебным текстам, которые сочетают в себе признаки различных описаний (подробнее см. с. 84 настоящей статьи).

Б. Аспекты, характеризующие специфику языка описания (10–24). При обсуждении грамматических текстов, служащих материалом лингвотипологического исследования, был затронут вопрос о характере грамматических текстов XVIII века (см. с. 82), что отражено в п. 18 «модальная отнесенность описания», предполагающим разграничение констатирующих (дескриптивных) и предписывающих (прескриптивных) описаний.

В. Аспекты, характеризующие специфику референтной ситуации (25–40). Последним 40-м пунктом предусматривается отношение описания к определенной предметной области (математике, физике, биологии, ...транспорту, ...беллетристике и т.п. Этот аспект описания достаточно подробно представлен как в названии, так и содержании статьи.

Таким образом, классификация признаков Чебанова — Мартыненко [9] может служить основой для описания и сопоставления текстов в историко-грамматическом дискурсе Германии и России XVIII века. Эти семиотические параметры охватывают такие отличительные черты текстов, как метаязык грамматического описания, композиция материала, определение номенклатуры частей речи, лингвистическая интерпретация грамматических понятий, описание грамматических форм и грамматических значений, способ подачи иллюстративного материала и так далее, что позволяет выявить лингвотипологические характеристики грамматических описаний, представленные в учебной литературе Германии и России XVIII века и манифестирующие данный класс как тексты, обладающие сходными структурными и функциональными чертами.

Литература

1. *Потье, Б.* Типология // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / пер., сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. С. 187–204.

2. *Крысин, Л. П.* Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014.

3. *Hilpert, M.* Satz und Text // Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition / hrsg. von Peter Auer. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2013. S. 187–216.

4. *Косеру, Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение

// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гак. М.: Прогресс, 1989. С. 63–81.

5. *Heinemann, W.* Diskurse als Gegenstand des Deutschunterrichts? // *Angewandte Textlinguistik: Perspektiven für den Deutsch- und Fremdsprachenunterricht* / Hrsg. von K. Adamzik, V. Dalmas, J. Engberg, W.-D. Krause, A. Zigler. Tübingen: Günter Narr Verlag, 2006. S. 37–46.

6. *Busse, D.* Diskurs — Sprache — Gesellschaftliches Wissen. Perspektiven einer Diskursanalyse nach Foucault im Rahmen einer Linguistischen Epistemologie / Hrsg. D. Busse, W. Teubert. *Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven*. Wiesbaden: Springer, 2013. S. 147–185.

7. *Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала. В XX книгах: Семь свободных искусств / пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л. А. Хариотонова. СПб.: Евразия, 2006.

8. *Адмони, В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994.

9. *Чебанов, С. В., Мартыненко, Г. Я.* Семиотика описательных текстов: Типологический аспект. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

10. *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen; herausgegeben von einer Gesellschaften von Gelehrten.* Erster Band A–L. St. Petersburg: Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798.

11. *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen; herausgegeben von einer Gesellschaften von Gelehrten.* Zweyter Band M–Z. St. Petersburg: Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798.

12. *Gottsched, J. Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetztigen Jahrhunderts abgefasst von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig: Bernhard Christoph Breitkopf, 1748.

13. *Adelung, J. Chr.* Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen. Erster Band. Leipzig: Johann Gottlob Immanuel Breitkopf, 1782.

14. *Adelung, J. Chr.* Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen. Zweyter Band. Leipzig: Johann Gottlob Immanuel Breitkopf, 1782.

15. *Kleine Enzyklopädie — Deutsche Sprache* / hrsg. W. Fleischer, G. Helbig, G. Lerchner. Frankfurt/M.; Berlin; Bern, Bruxells u.a.: Lang, 2001.

16. *Auer, P.* Einleitung // *Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion* —

Kognition / Hrsg. von Peter Auer. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2013. S. 1–41.

17. *Adelung, J. Chr.* Deutsche Sprachlehre. Zum Gebrauche der Schulen in den Königlich Preußischen Landen. Berlin: Christian Friedrich Voß und Sohn, 1781.

18. *Gottsched, J. Chr.* Vollständigere und neuerläuterte Deutsche Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und itzigen Jahrhunderts abgefasst und bey dieser fünften Auflage merklich verbessert, von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig: Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn, 1762.

19. *Gottsched, J. Chr.* Kern der Deutschen Sprachkunst, aus der ausführlichen Sprachkunst Herrn Professors Gottscheds, zum Gebrauche der Jugend von ihm selbst ins Kurze gezogen. Leipzig: Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn, 1753.

20. *Adelung J. Chr.* Auszug aus der Deutschen Sprachlehre für Schulen Berlin: Christian Friedrich Voß und Sohn, 1781.

21. *Живов, В., Кайнерт Г.* О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация взаимоотношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 3–30.

22. *Schwanwitz, M.* Die Teutsche Grammatica, aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. St. Petersburg: Academische Druckerey, 1730.

23. *Гельтергоф, Фр.* Немецкая грамматика, в которой не токмо все части речи или произведение слов, но и синтаксис или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены, в пользу российского юношества издана учителем немецкого языка в Московском Императорском университете. 3-е изд. М.: Московский университет, 1784.

24. *Koch, K.* Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. — Berlin; New York: Walter de Gruiter, 2002.

25. *Греч, И. М.* Готшедова немецкая грамматика, вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная. 2-е изд. С.-Петербург: Морской шляхетский кадетский корпус, 1769.

26. *Keipert, H.* Die Petersburger „Deutsche Grammatica“ und die Anfänge der Russistik in Russland // *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*. Festgabe zum 65. Geburtstag / Hrsg. von G. Freidhof, P. Kosta und M. Schüttrumpf. Teil 3: Lomonosov und Grammaticische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München: Otto Sagner, 1983. S. 77–140.

27. *Ломоносов, М. В.* Отчет о завершенных и незавершенных научных и литературных работах // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР; [Глав. ред.: С. И. Вавилов, Т. П. Кравец; Редкол.: В. В. Виноградов, Б. Д. Греков, А. В. Топчиев, С. Г. Бархударов, А. И. Андреев, Г. П. Блок, Г. А. Князев, В. Л. Ченакал]. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 396–411.

28. Ломоносов, М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР; глав. ред.: С. И. Вавилов, Т. П. Кравец; редкол.: В. В. Виноградов, Б. Д. Греков, А. В. Топчиев, С. Г. Бархударов, А. И. Андреев, Г. П. Блок, Г. А. Князев, В. Л. Ченакал]. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.

29. *Lomonosov, M. Rußische Grammatick, verfaßet von Herrn Michael Lomonosow; aus dem Rußischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften, 1764.*

References

1. Pottier, B. Tipologiya. [Typology]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike Vyp. XXV. Kontrastivnaia lingvistika [News in foreign linguistics. Iss. XXV. Contrastive linguistics]*. Transl., compil. V. P. Neroznaka; ed. and introductory article V. G. Gak. Moscow, Progress Publ., 1989. S. 187–204. (In Russian)

2. Kryisin, L. P. *Sovremennyi slovar inostrannykh slov [Modern dictionary of foreign words]*. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2014. (In Russian)

3. Hilpert, M. Satz und Text In: *Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition*. Hrsg. von Peter Auer. Stuttgart, Weimar, Verlag J. B. Metzler, 2013. S. 187–216.

4. Coseriu, E. Kontrastivnaia lingvistika i perevod: ikh sootnoshenie [Contrastive linguistics and translation: their ratio]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXV. Kontrastivnaia lingvistika [News in foreign linguistics. Iss. XXV. Contrastive linguistics]*: Translations. Compil. V. P. Neroznaka; ed. and introductory article V. G. Gak. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 63–81. (In Russian)

5. Heinemann, W. Diskurse als Gegenstand des Deutschunterrichts? *Angewandte Textlinguistik: Perspektiven für den Deutsch- und Fremdsprachenunterricht*. Hrsg. von K. Adamzik, V. Dalmas, J. Engberg, W.-D. Krause, A. Zigler. Tübingen: Günter Narr, 2006. S. 37–46.

6. Busse, D. Diskurs — Sprache — Gesellschaftliches Wissen. Perspektiven einer Diskursanalyse nach Foucault im Rahmen einer Linguistischen Epistemologie. *Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven*. Hrsg. D. Busse, W. Teubert. Wiesbaden: Springer, 2013. S. 147–185.

7. Isidor Sevilskiy. *Etimologii, ili Nachala. V XX knigakh: Sem' svobodnykh iskusstv [The Etymology, or Beginnings. In XX books: The Seven Liberal Arts]*. Transl. from latin., article, notes and indexes L. A. Haritonov. St. Petersburg, Evrazia Publ., 2006. (In Russian)

8. Admoni, V. G. *Sistema form rechevogo vyskazyvaniia [The system of forms of a speech utterance]*. St. Petesburg, Nauka Publ., 1994. (In Russian)

9. Chebanov, S. V., Martynenko, G. Ya. *Semiotika opisatel'nykh tekstov: Tipologicheskii aspekt [Semiotics of descriptive texts: Typological aspect]*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999. (In Russian)

10. *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen; herausgegeben von einer Gesellschaften von Gelehrten.* Erster Band A — L. St. Petersburg, Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798.

11. *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen; herausgegeben von einer Gesellschaften von Gelehrten.* Zweyter Band M — Z. St. Petersburg, Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798.

12. Gottsched, J. Chr. *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst von Johann Christoph Gottscheden.* Leipzig, Bernhard Christoph Breitkopf, 1748.

13. Adelung J. Chr. *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen.* Erster Band. Leipzig, Johann Gottlob Immanuel Breitkopf, 1782.

14. Adelung, J. Chr. *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen.* Zweyter Band. Leipzig, Johann Gottlob Immanuel Breitkopf, 1782.

15. *Kleine Enzyklopädie — Deutsche Sprache.* Hrsg. W. Fleischer, G. Helbig, G. Lerchner. Frankfurt/M., Berlin, Bern, Bruxells u.a.: Lang, 2001.

16. Auer, P. Einleitung. *Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition.* Hrsg. von Peter Auer. Stuttgart, Weimar, Verlag J. B. Metzler, 2013. S. 1–41.

17. Adelung, J. Chr. *Deutsche Sprachlehre. Zum Gebrauche der Schulen in den Königlich Preußischen Landen.* Berlin, Christian Friedrich Voß und Sohn, 1781.

18. Gottsched, J. Chr. *Vollständigere und neuerläuterte Deutsche Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und itzigen Jahrhunderts abgefasst und bey dieser fünften Auflage merklich verbessert, von Johann Christoph Gottscheden.* Leipzig, Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn, 1762.

19. Gottsched, J. Chr. *Kern der Deutschen Sprachkunst, aus der ausführlichen Sprachkunst Herrn Professors Gottscheds, zum Gebrauche der Jugend von ihm selbst ins Kurze gezogen.* Leipzig: Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn, 1753. 256 S.

20. Adelung, J. Chr. *Auszug aus der Deutschen Sprachlehre für Schulen.* Berlin, Christian Friedrich Voß und Sohn, 1781.

21. Zhivov, V., Keipert, G. O meste grammatiki I.-V. Pausa v razvitii russkoi grammaticheskoi traditsii: interpretatsia vzaimootnosheniq russkogo i tserkovnoslavianskogo [On the place of I.-V. Paus's grammar in the development of the Russian grammatical tradition: interpretation of the relationship between Russian and Church Slavonic]. *Voprosyi iazykoznania* [Problems of Linguistics], 1996, no. 6, pp. 3–30. (In Russian)

22. Schwanwitz, M. *Die Teutsche Grammatica, aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio*. St. Petersburg, Academische Druckerey, 1730.

23. Hölterhof, Fr. *Nemetskaia grammatika, v kotoroi ne tokmo vse chasti rechi ili proizvedenie slov, no i sintaksis ili sochinenie slov, oba nadležashchimi primerami ob"iasneny, v pol'zu rossiiskogo iunoshestva izdana uchitelem nemetskogo iazyka v Moskovskom Imperatorskom universitete* [German grammar, in which not only all parts of speech or a word composition, but also the syntax or combination of words, both explained by proper examples, published by a German teacher at Moscow Imperial University in favor of the Russian youth]. 3rd ed. Moscow, Moscow University Publ., 1784. (In Russian)

24. Koch, K. *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts*. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin, New York, Walter de Gruiter, 2002.

25. Grech, I. M. *Gotshedova nemetskaia grammatika, vnov' ispravlennaia, i dlia pol'zy i upotrebleniia rossiiskogo blagorodnogo iunoshestva napechatannaia* [Gotshed's German grammar, newly corrected and printed for the benefit and use of the Russian noble youth]. 2nd ed. St. Petersburg, Morskoi shliakhetskii kadetskii korpus, 1769. (In Russian)

26. Keipert, H. Die Petersburger „Deutsche Grammatica“ und die Anfänge der Russistik in Russland. *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Festgabe zum 65. Geburtstag*. Hrsg. von G. Freidhof, P. Kosta und M. Schütrumpf. Teil 3: Lomonosov und Grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München, Otto Sagner, 1983. S. 77–140.

27. Lomonosov, M. V. *Otchet o zavershennykh i nezavershennykh nauchnykh i literaturnykh rabotakh* [Report on completed and unfinished scientific and literary work]. *Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. AN SSSR; [Eds S. I. Vavilov, T. P. Kravets; Redkol.: V. V. Vinogradov, B. A. I. Andreev, G. P. Blok, V. L. Chenakal]. Vol. 10. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1957. 396–411. (In Russian)

28. Lomonosov, M. V. *Rossiyskaia grammatika* [Russian grammar]. *Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. AN SSSR; [Eds S. I. Vavilov, T. P. Kravets; editorial board V. V. Vinogradov, B. D. Grekov, A. V. Topchiev, S. G. Barhudarov, A. I. Andreev, G. P. Blok, G. A. Knyazev, V. L. Chenakal], vol. 7. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1952, pp. 389–578. (In Russian)

29. Lomonosov, M. *Rußische Grammatick, verfaßet von Herrn Michael Lomonosow; aus dem Rußischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen*. St. Petersburg, Kayserliche Academie der Wissenschaften, 1764.

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук,
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Konstantin A. Filippov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.filippov@spbu.ru

II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТОВ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.112.2

А. В. МЕЛЬГУНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В СТРУКТУРЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ

Ключевые слова: синонимия, контекстуальная синонимия, научно-популярный стиль, метафора, заголовок.

В данной статье речь идет о контекстуальной синонимии, которая представляет собой характерное явление для текстов прессы и, в частности, также статей научно-популярного стиля. Представляет интерес вопрос о том, каким образом характеризуются и соотносятся между собой контекстуальные синонимы из разных составных частей статьи — заголовка, аннотации и основного текста. В статье рассмотрены особенности функционирования контекстуальных синонимов в научно-популярных статьях специализированного сайта www.wissenschaft.de.

A. V. MELGUNOVA

St. Petersburg State University

CONTEXTUAL SYNONYMY IN THE STRUCTURE OF THE POPULAR-SCIENCE ARTICLE

Keywords: synonymy, contextual synonymy, popular-science style, metaphor, heading.

This article deals with the contextual synonymy. This type of synonymy is characteristic for the press articles, including the popular-science articles. The features and the correlation of the contextual synonyms from the different parts of article — the heading, the lead and the main text are of interest. The characteristics of the contextual synonyms in the German popular-science articles are described. Research was done on the material collected from the popular-science site www.wissenschaft.de.

Синонимия присутствует в статьях немецких средств массовой информации практически всегда. Авторы статей стремятся разнообразить текст, сделать его более интересным для читателя — поэто-

му синонимы, важнейшей функцией которых является замещение, неизменно используются для выполнения этой задачи. В следующих друг за другом частях текста происходит замена семантически адекватных единиц, что позволяет избежать лексических повторов [1, с. 446].

Однако полная синонимия представляет собой редкий случай. В основном мы можем говорить об использовании контекстуальных синонимов или синонимов-заместителей. Такие синонимические пары или ряды могут состоять, например, из гиперонима и гипонима или включать метафорическую номинацию.

Предметом рассмотрения является контекстуальная синонимия в научно-популярных текстах СМИ. Источник примеров — специализированный немецкий сайт www.wissenschaft.de, содержащий научно-популярные статьи, посвященные исследованиям в различных областях науки. Было проанализировано 30 статей, посвященных исследованиям в области биологии, палеонтологии, астрономии и геологии.

Для статей сайта типична следующая структура: статья состоит из заголовка, «шапки» и основного текста, части которого могут иметь подзаголовки. «Шапка» представляет собой первый абзац, обычно из 3-5 предложений, который, как правило, выделен также графически жирным шрифтом и содержит краткую аннотацию статьи. Также в журналистике для обозначения этого абзаца используется понятие «лид» (от англ. lead «вести»). Аннотации статей на выше названном сайте имеют больший объем, например, по сравнению с научно-популярными статьями журнала *Spiegel*, где они состоят обычно из двух предложений.

Несмотря на немногочисленность полных синонимов, они всё же присутствуют в рассмотренном материале. Синонимы имеют разную словообразовательную структуру — например, субстантивированные части речи: *das Äußere* — *das Aussehen*, а также могут представлять собой композиты с синонимичными компонентами и одним совпадающим: *die Futtersuche* — *die Nahrungssuche*, пару из заимствованного и немецкого производного слова: *das Material* — *die Substanz*, *Aktionen* — *Handlungen*, *die Studie* — *die Untersuchung*. Синонимы фигурируют в разных частях статьи — например, в заголовке и аннотации: «Hummeln optimieren **Flugrouten**», а в тексте «Doch dann zeichnete sich ab, dass sie Variationen bei ihren **Flugwegen** einfügten (...)» [HOF].

В некоторых синонимах при более детальном анализе текста статьи можно обнаружить различия, например: die Ohren «уши» — das Hörorgan «орган слуха». На первый взгляд, данные слова представляют собой полные синонимы, однако орган слуха — не всегда «уши» в привычном понимании. В статье идёт речь о рыбах, а у них присутствует только внутреннее ухо, и нет ушных раковин:

- (1) *„Die Ohren der Fische sind den unseren sogar prinzipiell ähnlich“, erklärt Ladich, „nur Ohrmuscheln haben sie eben keine“. Die brauchen sie aber auch nicht, denn im Wasser überträgt sich der Schall direkt auf das Hörorgan* [SWF].

Для научно-популярного стиля характерно использование выразительных средств — образной лексики, сравнений, фразеологизмов.

В рассмотренном материале синонимия, в том числе контекстуальная, проявляется в первую очередь между именами существительными, и большинство выразительных средств — например, метафор, также представлены в форме имён существительных.

Следует отметить, что в рассмотренном материале отсутствуют выразительные средства при обозначении людей. Здесь типичны либо синонимы с близким предметно-логическим содержанием, либо контекстуальные синонимы. Хотя известно, что в прессе часто используется большое количество номинаций лиц, что иногда становится предметом иронии [3, S. 77]. Однако так как выше названные сферы науки изучают объекты живой и неживой природы, единственные номинации лиц в статьях относятся к исследователям. Типичной является синонимическая пара Forscher — Wissenschaftler. Акцент смещается на объект исследования, которому и посвящены метафоры и другие средства языковой выразительности. В тех статьях, где объектом исследования является сам человек (психология, медицина), примеры из которых не приводятся в данной статье, номинации лиц также не столь разнообразны, как в публикациях, не относящихся к научно-популярному стилю, и представляют собой в основном обозначения по профессии, полу, возрасту либо релятивные номинации.

Контекстуальная синонимия при обозначении лиц представляет собой пары из гиперонима со значением «учёные, исследователи» и гипонима, обозначающего исследователя по принадлежности к конкретной науке. В заголовке данные номинации присутствуют

редко — как правило, они используются в аннотации и в тексте и могут чередоваться в любом порядке. Первой номинацией может быть как гипоним (что является типичным случаем и для лексических единиц другой семантики): *Astronomen — Forscher*, так и гипероним:

- (2) В аннотации: *Doch erst jetzt haben **Forscher** Beweise dafür entdeckt, dass die urzeitlichen Zecken auch das Blut der Dinosaurier saugten.*
В тексте: *Erst Anfang 2017 haben **Paläontologen** eine bereits 100 Millionen Jahre alte Zecke in Bernstein entdeckt [ZPD].*

Отдельно следует сказать о роли заголовка в научно-популярном тексте. Заголовок обычно более экспрессивно окрашен, чем сам текст. Содержание статьи не всегда становится ясно из заголовка, в некоторых случаях читатели только могут сделать предположение о содержании текста — например, в случае использования метафор. Так, в заголовке *Einzigartiger “Himmelsbote”* читатель, принимая во внимание то, что статья размещена в рубрике сайта «*Erde & Weltall*», может догадаться, что речь идёт о метеорите. В подзаголовке и тексте смысл метафоры раскрывается при помощи контекстуальных синонимов — *der Meteorit, der Gesteinsbrocken* — обломок породы, *der Brocken* — обломок.

Контекстуальная синонимия также реализуется среди других частей речи — например, глаголов: *fressen* — есть (о животных), *sich ernähren* — питаться, *optimieren* — оптимизировать, *verändern* — изменить, *verkürzen* — сократить, *wegblasen/verblasen* — сдувать, *ausdünnen* — истончить, *durchbrechen* — прорвать, *zerstören* — разрушить», *enträtseln* — разгадать, *enthüllen* — раскрыть, *sich wehren* — обороняться, *sich schützen* — защищаться и др.:

- (3) Заголовок: *Gammastrahlenausbruch “**ertappt**”*
В аннотации: *Sie konnten einen solchen Gammablitz von Beginn an **erfassen** und seine frühe, helle Phase mit gleich mehreren Teleskopen **verfolgen**.*
В тексте: *Jetzt jedoch ist es den Astronomen gelungen, einen solchen Gammastrahlenausbruch sozusagen “**auf frischer Tat**” zu **ertappen**. Am 25. Juni 2016 **registrierte** das Fermi-Teleskop um 22:40 Uhr Weltzeit einen ersten, nur eine Sekunde anhaltenden Gammastrahlenpuls und identifizierte ihn als beginnenden Gammastrahlenausbruch [GSE].*

Приведённый пример представляет собой типичный случай использования контекстуальных синонимов, среди которых при-

сутствуют выразительные средства. В заголовке использована метафора «застукать», в аннотации ей соответствуют глаголы «зарегистрировать, проследить», а в тексте наряду с заимствованным глаголом «регистрировать» использована также развёрнутая метафора — «застукать на месте преступления».

На третьем месте по частоте — контекстуальная синонимия между прилагательными и наречиями, которая представлена в основном парами лексических единиц: *clever* «умно» — *bedacht* «предусмотрительно», *geheim* «тайный» — *unklar* «неясный», *selt-sam* «странный» — *einzigartig* «уникальный». Присутствуют также синонимы с разной степенью выраженности признака, например, *winzig* «крохотный» и *klein* «маленький».

- (4) Подзаголовок внутри статьи: *Einzigartig unter allen bekannten Meteoriten*

В тексте: *Doch der seltsame Brocken unterscheidet sich nicht nur von den fossilen, sondern auch von allen anderen bekannten Meteoriten* [ЕНВ].

В статьях имеет место использование в качестве контекстуальных синонимов терминологии, не известной широкому кругу читателей (обычно латинского происхождения). Термин используется либо в скобках после употребительного названия, либо в качестве самостоятельной номинации:

- (5) *Eselspinguine (Pygoscelis papua) sind ziemlich mitteilungsfreudig* (...) [ULP].
(6) *Macrauchenia patachonica war ein seltsames Mischwesen: Es besaß ähnlich wie Kamele und Lamas einen relativ langen Hals und war auch ungefähr so groß wie ein Kamel* [DRE].

Терминологическая лексика чередуется с другими обозначениями. Наряду с латинским термином из последнего примера в тексте присутствуют и немецкие — можно назвать их терминологическими гиперонимами, так как они имеют более общее значение — *das Hufttier* «копытное животное», *das Säugetier* «млекопитающее».

Традиционно в пары контекстуальных синонимов входят гиперонимы и гипонимы, например, гипероним *das Experiment* — гипоним *der Kooperationstest* — конкретный вид с уточнением цели эксперимента. Считается, что родовидовые отношения препятствуют возникновению полной синонимии между лексическими единица-

ми. Подобные единицы можно причислить к так называемым псевдосинонимам, которые в одном контексте являются взаимозаменяемыми, в другом — нет [2, S. 124].

В статье могут присутствовать сразу несколько гиперонимов с разной степенью обобщённости: *Blauwale* «синие киты» (гипоним) — *Meeresäuger* «морские млекопитающие» (гипероним с наибольшей степенью обобщённости) — *Wale* «киты»; *Hummeln* (гипоним) «шмели» — *Insekten* «насекомые» — *Tiere* «животные» (гипероним с наибольшей степенью обобщённости). Как правило, первое упоминание предмета изучения в статье является гипонимом, а за ним уже следуют варианты обобщённых названий.

Релятивные номинации, то есть основанные на отношении обозначаемого объекта к другим, также занимают место в ряду контекстуальных синонимов. Особенностью является то, что такие номинации, в иных случаях типичные для обозначений людей (*der Ehemann, die Kollegin, der Gast* и прочие), в рассмотренных статьях относятся к животным или даже неживым объектам, которые определённым образом связаны с другими: *Saturnmond* — спутник Сатурна, *Himmelskörper* — небесное тело — (sein) *Trabant* — спутник по отношению к Сатурну; *Dinosaurier* — динозавр — (sein) *Wirtstier, Wirt* — животное-хозяин» — по отношению к клещу *Zecke*; *Spitzmäuse* — землеройки» — *Probanden* — испытуемые» — по отношению к исследователям; *der Wolf* — волк» — (sein) *Vorfahre* — предок, (sein) *Verwandter* — родственник» — по отношению к собаке; *Hunde* — собаки, *die Nachfahren* — потомки» — по отношению к волкам.

- (7) Somit stellt sich die Frage, wer der bessere Teamplayer ist: **Wolf** oder Hund? (...) Die Domestikation sorgte zwar dafür, dass der Hund sich besser an den Menschen anpasste und ihm gegenüber sehr viel kooperativer wurde. Aber seinen Artgenossen gegenüber ist der Hund eher weniger kooperativ als sein wilder **Vorfahre** [WBT].

Релятивные номинации чаще всего выступают в сопровождении притяжательных местоимений.

Метафора благодаря своим выразительным свойствам выделяется в ряду прочих контекстуальных синонимов. Среди метафор можно также отметить наличие общепринятых. *Das Kamel* — верблюд, *das Wüstenschiff* — корабль пустыни» является примером такой традиционной метафоры.

При выборе метафоры играют роль разные факторы, например, в заголовке *die Nachbarin* — соседка (одновременно и релятивная, и метафорическая номинация) соответствует обозначению *der Planet* — планета в тексте. Женский род метафорической номинации — *cocedka*, а не *coced*, хотя слово *планета* в немецком языке мужского рода, выбран с опорой на имя собственное — название планеты *die Venus* — Венера.

Следует отметить, что во многих случаях метафора заключается в кавычки. Метафора может также повторяться в тексте — как правило, если она была использована в заголовке.

(8) Заголовок: *Getarnter Dino mit „Banditenmaske“*

В тексте: *Das zeigen Forscher am Beispiel der markanten Zeichnung eines kleinen gefiederten Raubsauriers. Ähnlich wie ein Waschbär besaß er im Gesicht einen dunklen Streifen, (...) [DMB].*

«Бандитская маска», о которой говорится в заголовке, в дальнейшем обозначается как полоса, рисунок, узор, пигментация на морде животного.

Контекстуальные синонимы могут иметь в составе метафорический компонент — например, часть композита: *der Goliath-Otter* — *der Riesenotter*. В данном случае таким компонентом при обозначении гигантской выдры является имя мифического великана Голиафа.

Самая оригинальная, на наш взгляд, метафора в рассмотренном материале — *Brexit 1.0* интересна своей точностью и тем, что материал для неё заимствован из политических событий последнего времени. Как известно, под неологизмом «брексит» понимается планируемый выход Великобритании из Евросоюза. Цифровая часть метафоры происходит из сферы компьютерных технологий и относится к старому дизайну сайтов в сети интернет *Web 1.0* и *Web 2.0*.

(9) Заголовок: *Brexit 1.0 begann vor 450.000 Jahren*

В аннотации: *Großbritannien nimmt wegen seiner Insellage eine Sonderstellung in Europa ein. Doch wie genau das Land zur Insel wurde, war bisher nur in Teilen geklärt. Jetzt zeigt sich: Die Trennung verlief weitaus dramatischer als bisher angenommen.*

В тексте статьи: *„Der Bruch dieser Landbrücke zwischen Dover und Calais war unzweifelhaft eines der wichtigsten Ereignisse in der britischen Geschichte — und eines, das die Identität unseres Landes bis*

*heute prägt“; sagt Gupta. „Ohne diesen dramatischen **Durchbruch** wäre Großbritannien noch immer Teil Europas. Dies ist **der Brexit 1.0 — der Brexit, für den damals niemand abgestimmt hat.**“ [BBJ].*

При помощи слова Brexit в статье обозначен геологический разлом, который произошел много тысяч лет назад и привёл к тому, что Великобритания, имевшая изначально связь с материком, отделилась и превратилась в остров.

При этом автором данной метафоры является не журналист, а сам исследователь, интервью с которым цитируется в конце статьи: «Это Брексит 1.0 — брексит, за который тогда никто не голосовал». В аннотации используется обозначение «отделение», а в статье также «разлом, пролом».

Следует подчеркнуть наличие в рядах синонимов лексических единиц с усилительными префиксами и полупрефиксами, типичными для разговорной речи, как *super-*, *mega-*, *top-* и др.: *die Schwerewelle — die Megawelle; der Supergebiss-Kiefer — das Maul*. Обычно усилительное значение приставки дублируется также за счет других лексических единиц в тексте, выступающих в роли определения: *eine größere Version des Gebisses, außergewöhnlich mächtiges Maul*.

В статьях по зоологии в ряду контекстуальных синонимов присутствуют обозначения животных, которые также могут относиться и к человеку, например, *der Raubsaurier* — динозавр-хищник, *der Zweibeiner* — двуногое существо (обычно употребляется как обозначение человека, но также может относиться к двуногим животным типа хамелеона, саламандры); *der Käfer — der Krabblер* (ползунок, то есть маленький ребёнок, сокращённый вариант слова — *das Krabbelkind*).

- (10) *Sie enthalten markant aussehende Käfer: Diese Krabblер lassen sich bereits eindeutig heutigen Arten zuordnen, von denen bekannt ist, dass sie sich von Pilzen ernähren* [PLB].

В случае наличия в статье фразеологизма обычно присутствует и синоним нефразеологического характера, например, *Zähne zeigen «оказывать сопротивление (дословно: показывать зубы)» — sich wehren «обороняться»*. Однако особенность использования фразеологизмов в заголовке состоит в том, что часто происходит контекстуальная транспозиция, т. е. они могут пониматься буквально. В данном случае под обозначением *Zähne* понимаются колючие во-

лоски растений, которые служат для защиты от вредителей. Можно сказать, что здесь совмещаются основное значение фразеологизма и его буквальное понимание.

Внутристатейные подзаголовки представляют собой словосочетания, кратко характеризующие содержание следующей части статьи. Типичным для статей сайта является наличие двух подзаголовков. По сравнению с заголовками они менее яркие, так как не выполняют задачу привлечения внимания к статье, а способствуют удобству при беглом просмотре. Однако лексика подзаголовков также может участвовать в контекстуальной синонимии, в том числе иногда содержит метафоры, повторение которых возможно и в тексте:

(11) Подзаголовок: *Mit „Spionage-Paket“ auf Tauchgang*

В тексте: *Sie haben deshalb zu einem Trick gegriffen: Sie rüsteten 26 Eselspinguine einer Kolonie auf dem antarktischen King George Island mit **Miniatur-Videokameras sowie Sensoren** für die Beschleunigung und Wassertiefe aus. Dieses „Spionage-Paket“ befestigten die Forscher mit wasserfestem Klebeband auf Kopf und Rücken der Pinguine [ULP].*

Таким образом, можно считать контекстуальную синонимию неотъемлемым элементом научно-популярного текста прессы, который связывает между собой разные части статей. В качестве контекстуальных синонимов выступают различные части речи, в первую очередь имена существительные. Широко распространено использование гиперонимов и гипонимов в таком качестве. Стилистически окрашенные контекстуальные синонимы наиболее характерны для заголовка. Определённые особенности в составе рядов контекстуальных синонимов могут быть связаны с областью знаний, которой посвящены статьи, что может стать предметом отдельного рассмотрения.

Источники и сокращения

URL: <http://www.wissenschaft.de>

[BBJ] — http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/geowissenschaften/-/journal_content/56/12054/17020431/Brexit-1.0-begann-vor-450.000-Jahren/ (дата обращения: 11.11.2017)

[DMB] — http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/palaeontologie/-/journal_content/56/12054/20583305/Getarnter-Dino-mit-Banditenmaske/ (дата обращения: 21.11.2017)

[DRE] — http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/palaeontologie/-/journal_content/56/12054/18427350/Darwins-R%C3%A4tselfter-entr%C3%A4tselfter (дата обращения: 20.12.2017)

[EHB] — http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/geowissenschaften/-/journal_content/56/12054/12048564/Einzigartiger-Himmelsbote/ (дата обращения: 20.12.2017)

[GSE] — http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/astronomie/-/journal_content/56/12054/18927403/Gammastrahlenausbruch-ertappt/ (дата обращения: 25.12.2017)

[HOF] — http://www.wissenschaft.de/web/wissenschaft.de/leben-umwelt/biologie/-/journal_content/56/12054/21529183/Clever%21-Hummeln-optimieren-Flugrouten/ (дата обращения: 28.12.2017)

[PLB] — http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/palaeontologie/-/journal_content/56/12054/16688013/Ur-Pilze-und-ihre-Liebhaber-in-Bernstein/ (дата обращения: 28.12.2017)

[ULP] — http://www.wissenschaft.de/leben-umwelt/biologie/-/journal_content/56/12054/19302311/Das-geheime-Unterwasser-Leben-der-Pinguine/ (дата обращения: 20.01.2018)

[SWF] — http://www.wissenschaft.de/leben-umwelt/biologie/-/journal_content/56/12054/20516426/Stumm-wie-ein-Fisch%3F/ (дата обращения: 10.01.2018)

[WBT] — http://www.wissenschaft.de/leben-umwelt/biologie/-/journal_content/56/12054/20405836/W%C3%B6lfe-sind-die-besseren-Teamplayer/ (дата обращения: 10.01.2018)

[ZPD] — http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/palaeontologie/-/journal_content/56/12054/21549546/Zecken-parasitierten-schon-die-Dinosaurier/ (дата обращения: 15.01.2018)

Литература

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
2. *Schippan, Th.* Einführung in die Semasiologie. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975.
3. *Sick, B.* Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Köln, Hamburg: Verlag Kiepenheuer & Witsch, Spiegel Online GmbH, 2006.

References

1. *Iazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Linguistics. The big encyclopedic dictionary]*. Ed. by V. N. Jarcev. Moscow, "Bol'shaia Rossiiskaia jenciklopediia", 2000. (In Russian)

2. Schippan, Th. *Einführung in die Semasiologie* [Introduction to the semasiology]. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1975.

3. Sick, B. *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod* [The dative is to the genitive its death]. Köln, Hamburg, Verlag Kiepenheuer & Witsch, Spiegel Online GmbH, 2006.

Мельгунова Анна Владиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук,
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anna V. Melgunova

Associate Professor of German Philology Department,

St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.melgunova@spbu.ru

ЖАНРОВЫЙ ПРОТОТИП НАУЧНОЙ ГЕРМАНИСТИЧЕСКОЙ РЕЦЕНЗИИ

Ключевые слова: научная коммуникация, экспертный текст, научная рецензия, лингвистика экспертного дискурса, тип научного текста, коммуникативная макроструктура текста.

В статье обобщены результаты анализа интенционально-коммуникативной структуры научных рецензий по германистике. Методом членения на коммуникативно-смысловые блоки установлена прототипическая модель построения данного типа текстов. Описаны основные параметры экспертно-оценочной ситуации и их влияние на характер оценочных коммуникативно-речевых действий.

S. T. NEFEDOV

St. Petersburg State University

GENRE PROTOTYPE OF THE SCIENTIFIC REVIEW ON GERMANISTICS

Keywords: scientific communication, expert text, scientific review, linguistics of expert discourse, type of scientific text, communicative macrostructure of the text.

The article summarizes the results of the analysis of the intentional-communicative structure of scientific reviews on Germanistics. The method of division into communicative-semantic blocks establishes a prototypical model for constructing this type of texts. The main parameters of the expert evaluation situation and their influence on the nature of evaluative communicative and speech actions are described.

1. Постановка проблемы исследования

Верификация научных результатов, их оценка экспертным сообществом и включение в систему знаний той или иной научной дисциплины составляют неотъемлемую часть научной-исследовательских коммуникативных практик. В ходе длительной истории развития научно-исследовательские практики выработали устойчивые в структурном и содержательном отношении текстовые формы не только для фиксации полученных результатов (монографии, научные статьи, доклады, диссертации и так далее), но и формы их экспертного оценивания. К последнему типу текстов относятся, среди прочего, научные рецензии — объект рассмотрения настоящей статьи.

Отечественная и зарубежная лингвистические традиции используют, как известно, отчасти разную терминологию в теории текста. Поэтому в отечественной функциональной стилистике научная рецензия чаще определяется в категориях «речевого жанра», а в зарубежной лингвистике текста — как тип научного текста. В силу коммуникативной значимости научная рецензия постоянно привлекает к себе внимание исследователей. Накопленные в функционально-стилистических и текстотипологических разработках сведения о данном типе текста обобщены в обзорных статьях отечественных и зарубежных авторов, вошедших в авторитетные академические издания; см. в этой связи: [1, с. 57–67; 2, S. 488–493; 3, S. 702–709]. Несмотря на этот стойкий интерес к научной рецензии некоторые ее аспекты как особого типа текста остаются недостаточно проясненными, а в ряде случаев истолковываются противоречиво. Следует также отметить, что научные рецензии германистических трудов, насколько мне известно, не становились объектом специального лингвистического изучения. Выявленные здесь особенности позволяют уточнить и конкретизировать имеющиеся общие сведения о рецензии как типе научного текста.

Цель настоящего исследования — описать типичную коммуникативно-смысловую организацию научной рецензии по германистике и, строго следуя данным эмпирического анализа, выявить варьирование прототипической модели в актах коммуникации. Реализация данной цели требует углубленного рассмотрения параметров самой коммуникативной ситуации экспертного оценивания. Это возможно только через контекстно-соотнесенный анализ лексического наполнения и грамматических структур научного текста. В этой связи вклад настоящей статьи в изучение текстотипа «научная рецензия» состоит в анализе дискурсивного профиля ключевых номинаций речевых субъектов и коммуникативных стратегий оценивания, в которых «кристаллизируются» и фиксируются социальные и профессиональные отношения в данном виде научной деятельности. Применяемый метод лингвистической реконструкции экстралингвистических ситуаций с их ведущими агентами и сопутствующими обстоятельствами представляет собой разновидность лингводискурсивного анализа текстов, позволяющего через язык моделировать межличностные профессиональные отношения и процессы, а через них социальные практики, в том числе научно-исследовательские.

2. Место научной рецензии в типологии жанров (текстов)

Классическое определение «речевого жанра» принадлежит, как известно, М. М. Бахтину. В своей работе «Проблема речевых жанров», не потерявшей актуальности и по сей день, М. М. Бахтин одним из первых связывает понятие «речевого жанра» с типами коммуникативной деятельности людей, то есть с устойчивыми социально-коммуникативными практиками употребления языка [4]. Определяя «речевые жанры» как «относительно устойчивые типы ... устных или письменных высказываний участников общения определенной области человеческой деятельности в тематическом, лексико-грамматическом и композиционном отношении» [4, с. 159], М. М. Бахтин, тем самым, указывает на основополагающие параметры при определении текстотипа: наличие единой макротемы, типичные лексические и грамматические средства и прототипическую модель построения. В настоящей статье мы в первую очередь обращаемся к последнему из указанных показателей — типичной схеме построения научной рецензии, но не в формально-структурном, а коммуникативно-смысловом понимании.

Что же касается места научной рецензии в типологии научных жанров (подстилей) и в классификации типов научных текстов, то оно определяется разными авторами по-разному. При этом следует отметить, что экспертный характер и принадлежность научной рецензии к специализированной профессиональной сфере чаще всего принимаются как бы «по умолчанию» или вообще выносятся «за скобки».

Так, представители Пермской школы функциональной стилистики Е. А. Баженова и Е. А. Котюрова выделяют собственно научный или академический, информационно-реферативный, научно-оценочный, научно-учебный, научно-методический и научно-деловой подстили научной литературы. В соответствии с предложенной классификацией они относят рецензию к научно-оценочному подстилю наряду с такими научными речевыми жанрами, как «отзыв, экспертное заключение, полемическое выступление, дискуссия» [1, с. 58]. Оставляя за рамками критического обсуждения вопрос о том, насколько целесообразно оперировать при выделении речевых жанров (типов текста) предельно широкими, а потому аморфными категориями «выступление» и «дискус-

сия», следует согласиться с общим классификационным определением рецензии как научно-оценочного типа текста.

Немецкая исследовательница Маргот Хайнеманн исходно предлагает выделять три категории научных текстов: 1) сугубо теоретические, в которых формулируется научное знание («theoriebezogene, wissenskonstituierende Textsorten»); 2) дидактические, нацеленные на передачу знаний («didaktische, wissenstransmittende Textsorten») и 3) регулирующие и управляющие сферой науки («wissensverwaltende Textsorten») [3, S.705-708]. Научная рецензия относится данным автором к первой категории типов текста, точнее — к выделяемым на второй ступени классификации «вторичным» теоретическим научным текстам. «Вторичный» характер рецензии, как отмечает М. Хайнеманн, проявляется в том, что «рецензии только на вторых ролях подхватывают соответствующую релевантную проблему и соотносены всегда, хотя и при выражении собственных идей автором рецензии, с предзаданной проблематикой и путями её решения»¹ [3, S. 705]. Таким образом, при текстотипологической характеристике рецензии М. Хайнеманн фокусирует интертекстуальные связи данного типа текста с некоторым исходным текстом, в идейно-концептуальном смысле послужившим стимулом для создания «обслуживающего оригинал» рецензирующего текста.

Специфика научной профессиональной коммуникации, своеобразие языка науки и центральные типы научных текстов рассматриваются в целом ряде работ известного немецкого лингвиста Харальда Вайнриха [5; 6; 7]. В частности, в монографии «Язык означает языки» (оригинальное название: «Sprache, das heißt Sprachen»), само название которой актуализирует идею о социально-групповой (профессиональной, возрастной, гендерной и так далее) дифференциации общенационального языка, Х. Вайнрих каталогизирует все типы научных текстов в трех широких объединениях: 1) письменные публичные тексты («die öffentlichen schriftlichen Textsorten»), такие как профильная научная статья, монография, учебник, справочник, научно-исследовательский отчет, словарь и другие; 2) устные публичные тексты («die öffentlichen mündlichen Textsorten»), такие как лекция, доклад, подиумная дискуссия, ин-

¹ «Die Rezensionen greifen das je relevante Problem nur sekundär auf und beziehen damit — wenn auch mit eigenem Ideengut — zu dem jeweils vorgegebenen Problem und dessen Lösung» [3, S. 705].

тервью и прочие; 3) типы текста «для внутреннего пользования» («die internen Textsorten»), такие как заявка на финансирование научного исследования, отчет о научной командировке, аттестат или сертификат об окончании образовательной программы / курса, научная рекомендация и другие. Все виды рецензий Х. Вайнрих относит в последнюю из указанных групп научных текстов, подчеркивая, что они обеспечивают, как и другие тексты этой группы, коммуникацию внутри академического учреждения и между академическими институтами («...der Kommunikationen innerhalb der akademischen Institutionen und zwischen ihnen dienen») [7, S. 240].

Обобщая представленные точки зрения на место рецензии среди других типов научных текстов, следует отметить, что отнесение рецензии то к «научно-оценочному» [1], то к «сугубо теоретическому» [3], то к «внутриинституциональному» типу [7] отражает разные критериальные основания рассмотренных типологий. В результате в фокус внимания попадают разные функциональные свойства научных рецензий, которые ни в коей мере не исключают друг друга, но в известном смысле «растаскивают» объект и затрудняют его сущностное восприятие.

3. Основные параметры экспертно-оценочной ситуации

Коммуникативная ситуация рецензирования со всеми её внешними актерами и обстоятельствами отражена в текстовой структуре научной рецензии. Это и понятно, потому что язык — это не изолированная система «в себе и для себя» (Ф. де Соссюр), а естественная часть социальных практик. Языковые средства, отобранные речевым субъектом сообразно ситуации общения, интегрированы в соответствующую коммуникативно-речевую деятельность и обеспечивают её успешную реализацию. Поэтому текстовые высказывания, их лексическое наполнение и грамматический состав, «живут» не сами по себе в изоляции, а в социальных практиках, для которых они отобраны говорящим и отражают, в конечном итоге, его позицию в акте коммуникации [8, S. 13–14].

Лежащие в основе текстовых высказываний коммуникативные акты внутренне структурированы, а их составляющие образуют, по И. П. Сусову, «коммуникативно-социальное поле» интеракции [9, с. 95]. В нем связаны «воедино четыре основных компонента»: говорящий, адресат, референт (тема сообщения) и текст [9, с. 95].

Взаимная обусловленность этих компонентов является следствием тесной корреляции между социальной практикой и языком. С одной стороны, конкретная коммуникативная практика, такая как, например, экспертная оценка научной работы, требует для своей вербализации особых средств, функционально и прагматически адекватных её целям и задачам. С другой стороны, отобранные с учетом функционального потенциала языковые средства контекстуализируют и вербально материализуют соответствующую коммуникативную практику; о контекстуализации и важности контекстуальных факторов при коммуникативно-прагматическом подходе в лингвистическом анализе см., например: [10, с. 188–190].

Поддерживая в целом идею лингвистического конструктивизма о возможности моделировать социально-коммуникативные структуры деятельности через язык и языковые номинации, остановимся кратко на особенностях рецензента (актуального автора), адресата (рецензируемого автора) и коммуникативно-речевом акте оценивания, как они вербализованы в научных рецензиях по германистике.

3.1 Рецензент и рецензируемый автор

В научной рецензии взаимодействующие субъекты — рецензент и рецензируемый автор — всегда обозначены эксплицитно, через имя собственное личное: *Ulla Fix*, *Karin Pittner* и т. д. Такие идентифицирующие номинации содержатся в библиографическом описании рецензируемой работы и в следующем за ним указании на автора рецензии. Библиографическое описание предваряет рецензию и функционально выполняет роль заглавия. Данные о рецензенте (полное имя, научно-образовательное учреждение, адрес) либо непосредственно следуют за названием рецензируемой работы и составляют своего рода подзаголовочную часть, либо — чаще — представлены как подстрочное примечание. Например:

- (1) **Hagen Hirschmann**. 2015. *Modifikatoren im Deutschen. Ihre Klassifizierung und varietätenspezifische Verwendung (Studien zur deutschen Grammatik 89)*. Tübingen: Staufenburg. 304 S. *Besprochen von Sebastian Bücking*: Universität Tübingen, Sonderforschungsbereich 833, Nauklerstr. 35, D-72074 Tübingen, E-Mail: sebastian.bueckling@uni-tuebingen.de (IV, S. 203).

С коммуникативно-прагматической точки зрения языковой способ обозначения непосредственно или опосредованно взаимодействующих субъектов сигнализирует о складывающихся / моделируемых интересубъектных отношениях между ними в актах коммуникации. При этом выявляется следующая общая закономерность: более прямой способ обозначения себя и своего адресата соответствует большей личной вовлеченности в социальную, в том числе профессиональную, интеракцию, а косвенный, а тем более имплицитный, способ номинации, напротив, сигнализирует об отстраненности и соблюдении коммуникативной дистанции [11].

Следует отметить, что способы обозначения рецензируемого автора в научной рецензии по германистике не отличаются особым разнообразием. Они сводятся к следующим трем эксплицитным типам номинации:

- 1) субстантивные номинации через имя собственное личное: *Peter Eisenberg*;
- 2) субстантивные номинации через имя нарицательное, называющее лицо по его функциональной роли: *der Autor — die Autorin — die AutorInnen; der Herausgeber — die Herausgeberin — die HerausgeberInnen*;
- 3) местоименные повторные номинации при помощи личных местоимений 3-го лица: *er — sie*.

Так, в процитированной выше рецензии Себастьяна Бюкинга (IV), содержащей 162 предикации², рецензируемый автор семь раз обозначен словом *Autor* и шесть раз по фамилии *Hirschmann*. С точки зрения прагматики все перечисленные способы номинации соответствуют коммуникативной стратегии дистанцирования, стратегии обозначения «от 3-его лица», при которой автор позиционирует себя как наблюдатель, а не как партнер по общению, если он выбирает языковые номинации при помощи местоимений 1-го или 2-го лица.

По сравнению с обозначениями рецензируемого автора самообозначения рецензента характеризуются большей вариативностью.

² Под предикацией, как и в других работах автора по языку научной письменной коммуникации, понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предикативного признака (предиката).

По степени авторизации их можно поделить, вслед за Н. С. Супоницкой, на прямые эксплицитные, косвенно-эксплицитные и имплицитные авторизирующие номинации [12].

В научных рецензиях по германистике рецензент обозначает себя прямо при помощи личного местоимения 1-го лица ед. числа *ich* (*mir*, *mich*); соответствующего ему притяжательного местоимения *mein*, представленного чаще всего в составе так называемых «маркеров мнения» типа *aus meiner Sicht*, *m.E. (meines Erachtens)*. Всего в обследованных 10 рецензиях обнаружено 25 предикаций с включением указанных средств, что составляет 1, 55 % от общего количества в 1611 текстовых предикаций. Например:

- (2) *Im Folgenden möchte ich zur näheren Betrachtung zwei Beiträge ... herausgreifen: Zum einen betrachte ich den Beitrag ...* (VIII, S. 46).

Косвенно-эксплицитные способы авторизации представлены в анализируемых рецензиях следующими типами:

- 1) личным местоимением 1-го лица мн. числа *wir* (*uns*) в функции совместного обозначения рецензента и адресата; ср. меткое метафоричное именование данной функции у Рональда Кресты как «партнерского *wir*» (*das «Teamwork-Wir»*) [13, S. 294]; например:

(3) *Blicken wir genauer auf die Struktur des Bandes. Der historische Teil ...* (VIII, S. 45);

- 2) личным местоимением 1-го лица множественного числа *wir* (*uns*) в функции обозначения рецензентом себя как представителя профессионального сообщества; такое употребление *wir* (*uns*) именуется в германистике как «профессиональное *wir*»; см. термин *das Fachkreis-Wir* у Рольфа Штайнхоффа [14, S. 223]; например:

(4) *Sollen und können wir SprachwissenschaftlerInnen uns aus aktuellen Problemen heraushalten, obwohl wir dazu doch etwas zu sagen hätten? Diese Frage beantwortet das vorliegende Buch ...* (Fix, S. 137);

- 3) неопределенно-личным местоимением *man* в функции самообозначения на фоне контекстуально заданного профессионального сообщества (*das Fachkreis-Man* у Р. Штайнхоффа [14, S. 207]; например:

- (5) ... *was folgerichtig die Anwendung der Kategorie der Angemessenheit anspruchsvoll macht. Man erfährt im Folgenden Aufschlussreiches über Schreibprozesse, Schreibprobleme und deren Hintergründe* (II, S. 142).

Что касается имплицитных средств авторизации, то в текстах научных рецензий главным образом представлены скрытые сигналы «присутствия в тексте» рецензента посредством модально-эпистемических слов, таких как *selbstverständlich* (VI, S. 158), *natürlich* (VII, S. 72), *tatsächlich* (X, S. 40), *offensichtlich* (VI, S. 155), *zweifellos* (VII, S. 73). О дискурсивных функциях модальных слов и коммуникативных стратегиях их применения в научных текстах см. [15].

Можно указать также на то, что три из проанализированных рецензий (I, V и X) характеризуются полностью «деагентивированным» характером изложения, которое создается доминированием пассивных структур и их функциональных аналогов; об «деагентивированности» (*die «Deagentivierung»*) в научном дискурсе см. [16, S. 105].

Обобщая обзор типичных языковых способов обозначения речевых субъектов в научных рецензиях по германистике, следует отметить их одно общее свойство в семантико-прагматическом плане. В контексте экспертно-оценочной ситуации они всегда актуализируют две смысловые перспективы в восприятии рецензента и рецензируемого автора. Обозначения автора оригинала одновременно «прочитываются» как опосредованные косвенные номинации главного и «особого» адресата рецензии, ожидающего отклик экспертного сообщества. В проекции на фоновые контекстуальные знания самообозначения рецензента как актуального автора, в свою очередь, воспринимаются как номинации прежнего «особого» адресата, обратившего внимание на данный научный текст и сделавшего последний объектом своего экспертного рассмотрения.

3.2. Экспертное оценивание в научной рецензии

Коммуникативно-речевые акты оценивания и соответствующие им оценочные средства и стратегии являются главными жанрообразующими (текстотипологическими) признаками научной рецензии. При этом оценочные элементы в данном типе текста имеют двойную по референции и многовекторную по содержанию направленность. В плане референции они представляют собой прямые оценочные номинации разных аспектов структуры

и содержания рецензируемого текста и одновременно выступают как косвенные, опосредованные оценки, которые рикошетом затрагивают профессиональную компетенцию рецензируемого автора-исследователя. Их содержательная многовекторность вытекает из объективно заданного, многоакурсного спектра оценки. В сферу экспертного оценивания попадают прежде всего так называемые «абсолютные критерии научности». Последние соответствуют общепринятым дискурсивным стандартам ведения научной деятельности и представления научному сообществу результатов проведенного исследования: актуальность поставленных проблем, новизна предложенных решений, верифицируемость полученных результатов, адекватность применения методов поставленным целям, логичность и непротиворечивость аргументации и так далее. При этом основным средством оценки выступают адъективы рационально-оценочной семантики, нередко во взаимодействии с другими средствами, например, отрицанием. Примеры:

- (6) ... *sich der Sammelband durch **sehr ausführliche und detaillierte** Analysen auszeichnet (Walczak, S. 109);... Aspekte von Angemessenheit, deren Behandlung zusammen ein **aussagekräftiges** Bild ergibt (Fix, S. 137); ... ein ausgesprochen ambitioniertes Vorhaben... Leider gelingt dies **nicht in überzeugender Weise** (IV, S. 205).*

Помимо многочисленных прямых оценок, буквально рассыпанных по всем частям научной рецензии, довольно часто авторы рецензий прибегают к непрямым, скрытым коммуникативным стратегиям оценивания. Такие контекстуальные оценки — чаще негативные — формируются у реципиента «от обратного» на фоне общих знаний о нормах представления научной информации по схеме «этого нет, но это должно быть в профессиональном научном дискурсе». Например:

- (7) *Höflichkeit wird ... als Mittel (oder Ressource) zur Konstruktion eines Konsenses verstanden. In den theoretischen Ausführungen **bleibt aber unklar**, welchen Stellenwert Höflichkeit ... Wie auch daraus ersichtlich ist, **fehlt dem Buch** ... die Anknüpfung an die breite und differenzierte Diskussion zur sprachlichen Höflichkeit. In der Bibliographie werden zwar viele einschlägige Arbeiten aufgelistet, im Text werden sie aber so gut wie gar **nicht diskutiert** ... (VII, S. 74).*

Таким образом, экспертно-оценочная ситуация, вербализуемая в тексте научной рецензии, характеризуется двойной направленностью оценочной деятельности на содержание рецензируемого оригинала и на его автора и многовекторностью самой оценки. Более подробное рассмотрение языковых способов и типов оценок, в том числе с учетом применяемых рецензентом коммуникативных стратегий, требует специального исследования и привлечения более значительного эмпирического материала.

4. Макроструктура научной рецензии по германистике

Типичная схема коммуникативно-речевых действий, вербализуемых в научных рецензиях, описана в статье М. Рипфель [2, S. 490]. Полный цикл экспертного оценивания включает, по М. Рифель, следующие, последовательно реализуемые рецензентом коммуникативно-речевые действия: (1) описание определенного элемента содержания или структуры рецензируемого оригинала («Beschreiben») → (2) их экспертная оценка («Bewerten») → (3) обоснование оценки («Begründen») → (4) рекомендация / нерекомендация к использованию («Empfehlen/Abraten») [там же]. Данный экспертно-оценочный цикл многократно повторяется в тексте научной рецензии, формируя единую оценочную матрицу конкретной рецензии. Как показывает проведенное исследование, схема М. Рипфель является идеализированным прототипом. В ряде случаев, особенно при рецензировании коллективных монографий и тематических сборников научных работ, обоснование оценки отсутствует. Что касается рекомендаций к использованию рецензируемой работы, то треть проанализированных рецензий их вообще не содержит, а в остальных случаях они носят имплицитный характер и являются результатом взаимодействия лексического наполнения текстовых высказываний с ситуативным контекстом; например:

- (8) *Zusammenfassend muss festgestellt werden, dass das Buch nicht wenige begriffliche, methodische und stilistische **Schwächen** aufweist und insgesamt **eine anstrengende Lektüre** darstellt (VII, S. 77).*
- (9) *Imos Buch liefert einen wichtigen Beitrag zu diesem Diskurs. Es ist **ein gut lesbares, umfassendes Werk**, das theoretische, empirische und anwendungsbezogene Aspekte **überzeugend** miteinander vereint (IX, S. 101).*

Более полное представление об интенционально-коммуникативной организации научной рецензии может дать последовательное применение метода членения целостного текста на коммуникативно-смысловые блоки; о понятии «коммуникативного блока» см. [17]. Данный метод уже был ранее апробирован автором настоящей статьи применительно к другому типу текста — авторским предисловиям к научным монографиям [18].

Коммуникативно-смысловое членение проанализированных рецензий по германистике схематично представлено в нижеследующей таблице.

Рецензия / блок	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Блок идентификации рецензируемого автора	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Блок идентификации рецензента	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Блок обоснования выбора рецензируемой работы	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Блок описания целей и задач рецензируемой работы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Блок комментирования рецензентом исследовательской ситуации	+	-	-	+	+	+	+	-	-	+
локи представления элементов содержания рецензируемой работы	+	+	+	+	+	(+)	+	+	+	+
Блоки экспертной оценки	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Блок рекомендации / не рекомендации к использованию	+	+	-	+	+	+	+	-	-	+
Количество текстовых предикаций	151	248	110	162	123	338	154	89	102	134

Как видно из приведенной таблицы, обязательными коммуникативно-смысловыми блоками в научной германистической рецензии являются: блок идентификации рецензируемого автора, блок идентификации рецензента, блок описания целей и задач рецензируемой работы, блоки экспертной оценки, блоки представления элементов содержания рецензируемой работы. В одной из рецензий (VI) представление содержания рецензируемого оригинала осуществляется на чисто теоретическом уровне, без отсылок к предметно-фактуальной информации, то есть на уровне идей, подходов, концепции в целом, поэтому в таблице наличие соответствующих блоков маркировано в скобках. Все остальные выделенные текстовые блоки характеризуются факультативностью, которая проявляется в обследованном корпусе текстов с разной степенью частотности.

5. Обобщающие выводы

Научная германистическая рецензия представляет собой тип публичного письменного текста, в котором дается экспертная оценка поставленной научной проблеме и предложенным способам её решения в ориентации на сложившиеся в научном сообществе дискурсивные нормы в данной профессиональной сфере социальной деятельности. Оценка содержания рецензируемой работы одновременно является оценкой профессиональной компетентности ее автора. Поэтому типичные для рецензии коммуникативные акты оценивания и соответствующие им оценочные элементы текста приобретают двойную направленность: они обращены не только к тематике, методике, научному подходу и так далее рецензируемого текста, но и отраженно к рецензируемому автору. Специфика экспертно-оценочной ситуации (публичность речевых субъектов, доминирование коммуникативных актов оценивания, институциональный характер профессиональной коммуникации) обуславливает общую модель построения научной рецензии. Обязательными коммуникативно-смысловыми блоками данного типа текста выступают блоки идентификации рецензента и автора рецензируемого оригинала, а также блоки представления (описания) и блоки оценки элементов содержания и структуры профессионально оцениваемой работы.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

Все рецензии взяты из онлайн-журнала «Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft» (ZRS) и доступны по ссылке <https://www.deepdyve.com/browse/journals/zeitschrift-f-r-rezensionen-zur-germanistisch-en-sprachwissenschaft/>

I. Walczak, Georg // ZRS 2014; 6 (1–2): 106–110 — **Sven Staffeldt & Jörg Hagemann (Hg.)**. 2014. *Pragmatiktheorien. Analysen im Vergleich*. (Stauffenburg Einführungen 27). Tübingen: Stauffenburg Verlag. 294 S.

II. Fix, Ulla // ZRS 2017; 9 (1–2): 136–143 — **Jürgen Schiewe (Hg.)**. 2016. *Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche* (Valerio 18). Göttingen: Wallstein. 180 S.

III. Szurawitzki, Michael // ZRS 2017; 9 (1–2): 221–224 — **Jürgen Mittelstraß, Jürgen Trabant & Peter Fröhlicher**. 2016. *Wissenschaftssprache. Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft*. Stuttgart: J. B. Metzler. 50 S.

IV. Bücking, Sebastian // ZRS 2017; 9 (1–2): 203–208 — **Hagen Hirschmann**. 2015. *Modifikatoren im Deutschen. Ihre Klassifizierung und varietätenspezifische Verwendung* (Studien zur deutschen Grammatik 89). Tübingen: Stauffenburg. 304 S.

V. Pittner, Karin // ZRS 2017; 9 (1–2): 35–39 — **Mathilde Hennig (Hg.)**. 2016. *Komplexe Attribution. Ein Nominalstilphänomen aus sprachhistorischer, grammatischer, typologischer und funktionalstilistischer Perspektive* (Linguistik — Impulse & Tendenzen 63). Berlin; Boston: de Gruyter Mouton. vii 447 S.

VI. Maas, Utz // ZRS 2017; 9 (1–2): 152–162 — **Peter Eisenberg**. 2017. *Deutsche Orthografie. Regelwerk und Kommentar. Im Auftrag von Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung*. Berlin; Boston: de Gruyter Mouton. vi 117 S.

VII. Ehrhardt, Claus // ZRS 2017; 9 (1–2): 72–77 — **Tatsuhiko Zoshido**. 2016. *Höflichkeit als Ressource zur interkulturellen Kommunikation. Theorie und Praxis zur gesprächsanalytischen Höflichkeitsforschung*. München: Iudicium. 289 S.

VIII. Szurawitzki, Michael // ZRS 2017; 9 (1–2): 45–49 — **Albert Busch & Thomas Spranz-Fogasy (Hg.)**. 2015. *Handbuch Sprache in der Medizin* (Handbücher Sprachwissen 11). Berlin; Boston: de Gruyter Mouton. x, 476 S.

IX. Schneider, Jan Georg // ZRS 2014; 6 (1–2): 97–101 — **Wolfgang Imo**. 2013. *Sprache in Interaktion. Analysemethoden und Untersuchungsfelder* (Linguistik — Impulse & Tendenzen 49). Berlin; Boston: de Gruyter. 355 S.

X. Frick, Karina // ZRS 2014; 6 (1–2): 39–44 — **Mathilde Hennig (Hg.)**. 2013. *Die Ellipse. Neue Perspektiven auf ein altes Phänomen* (Linguistik — Impulse & Tendenzen 52). Berlin; Boston: de Gruyter. 465 S.

Литература

1. Баженова, Е. А., Котюрова, М. П. Жанры научной литературы // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2011. С. 58–67.

2. *Ripfel, M.* Fachtextsorten der Wissenschaftssprachen II: die wissenschaftliche Rezension // *Steger, H., Wiegand, H. E.* (Hrsg.). Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft). Vol. 14, Bd. 1. 1998. S. 488–493.

3. *Heinemann, M.* Textsorten des Bereichs Hochschule und Wissenschaft // *Brinker, K., Antos, G., Heinemann W., Sager S. F.* (Hrsg.). Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft). Bd. 16. 1. Halbband. Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. S. 702–709.

4. *Бахтин, М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.

5. *Weinrich, H.* Formen der Wissenschaftssprache // *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin.* 1989. S. 119–158.

6. *Weinrich, H.* Sprache und Wissenschaft // *Kretzenbacher H. L., Weinrich, H.* (Hgg.). Linguistik der Wissenschaftssprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. S. 3–13.

7. *Weinrich, H.* Sprache, das heißt Sprachen. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 2006.

8. *Schiewe, J.* Zur Einführung: Sprache, Sprachgebrauch und Angemessenheit // *Schiewe J.* (Hrsg.). Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche (Valerio 18). Göttingen: Wallstein, 2016. S. 7–23.

9. *Сусов, И. П.* О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований. Межвузовский тематический сборник. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1979. С. 90–103.

10. *Нефёдов, С. Т.* Zur Typologie von 'Kontext' // Германистика в современном научном пространстве: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 184–191.

11. *Нефёдов, С. Т.* Имплицитная авторизованность научного текста // Научное мнение. 2013. № 10. С. 51–57.

12. *Супоницкая, Н. С.* Скрытая эгореферентность научного текста (на материале немецкоязычных лингвистических статей и монографий): дис... канд. филол. наук. СПб., 2016. 195 с.

13. *Kresta, R.* Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen. Frankfurt a/M. et al.: Lang, 1995.

14. *Steinhoff, T.* Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und

Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen: Niemeyer, 2007.

15. Нефёдов, С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Вып. 4. С. 599–610.

16. Polenz, von P. Über die Jargonisierung von Wissenschaftssprache und wider die Deagentivierung // Bungarten, Th. (Hrsg.). Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription. München: Fink, 1981. S. 85–110.

17. Крижановская, Е. М. Коммуникативный блок // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 163–167.

18. Нефёдов, С. Т. Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на примере авторского предисловия к научной монографии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 3. С. 197–203.

References

1. Bazhenova, E. A., Kotyurova, M. P. Zhanry nauchnoi literatury [Scientific genres] *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Stylistic *encyclopedic dictionary*]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, 2011, pp. 58–67. (In Russian)

2. Ripfel M. Fachtextsorten der Wissenschaftssprachen II: die wissenschaftliche Rezension. In: Steger, H., Wiegand, H. E. (Hrsg.). *Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft)*. Vol. 14, Bd. 1. 1998, S. 488–493.

3. Heinemann, M. Textsorten des Bereichs Hochschule und Wissenschaft. In: Brinker, K., Antos, G., Heinemann W., Sager S. F. (Hrsg.). *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft)*. Bd. 16. 1. Halbband. Vol. 1. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2000. S. 702–709.

4. Bahtin, M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin, M. M. Sobranie sochinenii v semi tomakh. T. 5: Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* [Bakhtin, M. M. *Collected Works in seven Volumes. Vol. 5*]. Moscow, Russkie slovari, 1997, pp. 159–206. (In Russian)

5. Weinrich, H. Formen der Wissenschaftssprache. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1989. S. 119–158.

6. Weinrich, H. Sprache und Wissenschaft. Kretzenbacher, H. L., Weinrich, H. (Hrsg.). *Linguistik der Wissenschaftssprache*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1994. S. 3–13.

7. Weinrich, H. *Sprache, das heißt Sprachen*. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 2006.
8. Schiewe, J. Zur Einführung: Sprache, Sprachgebrauch und Angemessenheit. Schiewe J. (Hrsg.). *Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche* (Valerio 18). Göttingen, Wallstein, 2016, S.7–23.
9. Susov, I.P. O dvukh putiakh issledovaniia sodержaniia teksta [On two ways to study the content of the text]. *Znachenie i smysl rechevykh obrazovani. Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik [Meaning and meaning of speech formations. Interuniversity thematic collection]*. Kalinin, Kalininsk. gos. un-t, 1979, pp.90–103. (In Russian)
10. Nefyodov, S. T. Zur Typologie von ‘Kontext’ [About context typology]. *Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve: Materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Germanistika in the modern scientific space: Proceedings of the V intern. scientific-practical conf.]*. Krasnodar, Kubanskii gos. un-t, 2017, pp. 184–191. (In Russian)
11. Nefyodov, S. T. Implitsitnaia avtorizovannost’ nauchnogo teksta [Implicit authorization of the scientific text]. *Nauchnoe mnenie. [Scientific opinion]*, 2013, no. 10, pp. 51–57. (In Russian)
12. Suponickaya, N. S. *Skrytaia egoreferentnost’ nauchnogo teksta (na materiale nemetskoiazychnykh lingvisticheskikh statei i monografii)*. Diss. kand. filol. nauk [The hidden Ego-Reference of a scientific text (based on the material of German linguistic articles and monographs. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2016. 195 p. (In Russian)
13. Kresta, R. *Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen*. Frankfurt a/M. et al.: Lang, 1995.
14. Steinhoff, T. *Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten*. Tübingen, Niemeyer, 2007. 470 S.
15. Nefyodov, S. T. Restriktivnaia argumentatsiia: modal’nye slova somneniia i obshcheznachimosti (na materiale nemetskoiazychnykh lingvisticheskikh statei) [Restrictive argumentation: modal words of doubt and shared knowledge in academic linguistic writings]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and literature*, 2017, issue 4, pp. 599–610. (In Russian)
16. Polenz, von P. Über die Jargonisierung von Wissenschaftssprache und wider die Deagentivierung. Bungarten, Th. (Hrsg.). *Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription*. München: Fink, 1981. S.85–110.
17. Krizhanovskaya E. M. Kommunikativnyi blok [Communicative block]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar’ russkogo iazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]*. Ed. by M. N. Kozhina. 2nd ed. Moscow. Flinta, Nauka Publ., 2006, pp. 163–167. (In Russian)
18. Nefyodov, S. T. Prototipicheskaia model’ teksta kak osnova tekstotipologicheskogo znaniia (na primere avtorskogo predisloviia k nauchnoi monografii)

[The prototypical text model as the basis of the text topological knowledge (based on the author's preface to scientific monograph)]. *Vestnik of Saint Peterburg University. Series 9. Philology. Orient study. Journalism*, 2013, no. 3, pp. 197–203. (In Russian)

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Sergej T. Nefedov

Professor, Head of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.nefedov@spbu.ru

ЭТИКЕТ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: немецкоязычный научный текст, коммуникативно-прагматическая информация, этикетные блоки, реализация речевого этикета в научной письменной речи.

В любом профессиональном сообществе возникают свои правила поведения, свой этикет. То же самое существует и в научном тексте, в монографиях и статьях. На наш взгляд, этикет проявляется в наличии в тексте эпитафий, посвящений, благодарностей, самоназвания автора и обращении к читателям, в сносках, расшифровке терминов, точном указании источников цитат и источников, указанных в списке литературы, отсылка к предшественникам. Средств выражения речевого этикета посвящается данная статья.

T. V. PONOMAREVA

St. Petersburg State University

ETIQUETTE IN GERMAN LANGUAGE SCIENTIFIC TEXTS

Keywords: German-language scientific text, communicative and pragmatic information, etiquette blocks, implementation of speech etiquette in scientific written speech.

In any professional community, there are certain rules of behavior, etiquette. The same thing exists in the scientific text, in monographs and articles. In our opinion, etiquette is manifested in the presence in the text of epigraphs, dedications, gratitude, the author's self-name and address to readers, in footnotes, the interpretation of terms, the precise indication of sources of citations and sources listed in the list of references, reference to predecessors. It is the means of expressing speech etiquette that this article is devoted to.

Научные лингвистические тексты (статьи и монографии) предназначены для обмена информацией с коллегами, представителями той же профессии или с людьми, интересующимися вопросами науки. Их основная задача — обмен новой информацией по интересующим автора и научную общественность вопросам, изложение своей гипотезы, своего мнения, своих выводов, а также предоставление доказательств логичности своих выводов по интересующему вопросу. Но кроме ментальной и научной информации такие тексты содержат и коммуникативно-прагматическую информацию, в том числе и этикетные блоки, типичные для научной письменной речи.

Хотя известная исследовательница русского речевого этикета Н. И. Формановская в своей книге «Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты» и отмечает, что «с точки зрения функционально-стилевой прикрепленности речевой этикет менее характерен для научного стиля в его письменной форме в связи с отсутствием необходимости “этикетным” образом включаться в контакт с обобщенным читателем» [1, с. 108], это еще не значит, что соблюдение этических норм необязательно в научном тексте. Напротив, научный текст отвечает строгим правилам его написания, оформления, аргументации и ссылок, самоназвания автора, совершения автором текста перформативных речевых действий, предписанных этикетом.

Исследователи немецкоязычных научных текстов С. Т. Нефедов, И. А. Вороновская, В. Флейшер и Г. Михель [2; 3; 4] отмечают, что подобные тексты содержат не только собственно научную, но и прагматическую информацию. Они констатируют, что научный функциональный стиль не гомогенен, и что ни один научный текст не состоит только из терминов и логической информации, он содержит также и личный эмоциональный компонент, так называемые этикетные блоки.

Рассмотрим особенности научного письменного текста, которые накладывают свои ограничения на соблюдение этикетных норм поведения:

1. Кроме частных и деловых писем, в любых письменных текстах отсутствуют формулы приветствия и прощания, как обозначение вступления в контакт и завершения контакта. Дело в том, что при написании текста автор вступает в контакт с читателем только в своем представлении, так как непосредственный контакт между автором и читателем ограничен в силу того, что в данной ситуации условие использования этикетных формул «здесь и сейчас» нарушено. Написанный текст может быть прочитан любым интересующимся читателем в любое удобное для него время, иногда через десятки и даже сотни лет.
2. Научный текст является средством общения внутри гомогенной социальной группы ученых, представителей среднего и старшего поколения, для которых характерна коллегиальность и общение в симметричной ситуации «на равных».

3. Для представителей науки характерны сдержанные, подчеркнуто вежливые отношения в общении не только в письменной, но и в устной речи, уважительное отношение к учителям, коллегам, ученикам.
4. В современном мире наука становится все в большей степени интернациональной, возникают международные научные сообщества, в которых национально-культурная специфика этикета несколько нивелируется, приобретает общие черты, характерные для научного общения, независимо от национальной принадлежности участников коммуникации.
5. Общение в рамках письменного научного текста в некоторой степени ограничивает и использование тематических групп, свойственных этикетному общению в сфере науки. Из примерно 18 тематических групп, выделенных Н.И.Формановской в научном письменном тексте, используются группы «Благодарность», «Посвящение», «Поздравление», «Одобрение», «Комплимент» и некоторые другие [1, с. 11].

В некоторых научных монографиях, а также в сборниках статей авторы предпосылают собственно тексту этикетный блок, состоящий из эпиграфа (*das Motto*). «Эпиграф — это изречение, краткая цитата откуда-либо, помещаемые перед произведением или его частью и поясняющие его основную идею, замысел автора» [5, с. 952]. Обычно это цитаты из трудов известных, маститых ученых и литераторов-классиков, помещение высказываний которых является одновременно и данью уважения и почитания этих людей, демонстрацией своей мысленной солидарности с ними. Так, Теа Шиппан размещает в своей монографии «Лексикология современного немецкого языка» („*Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*“) после оглавления и перед началом собственно текста в качестве эпиграфа довольно пространную цитату из работы всемирно известного немецкого лингвиста В. фон Гумбольдта «О сравнительном изучении языков» („*Über das vergleichende Sprachstudium*“):

- (1) *Die Sprache aber ist, als ein Werk der Nation und der Vorzeit, für den Menschen etwas Fremdes; er ist auf der einen Seite gebunden, aber auf der andern durch das von allen früheren Geschlechtern in sie Gelegte bereichert, erkräftigt und angeregt. Indem sie dem Erkennbaren als subjektiv, entgegensteht, tritt sie dem Menschen, als objektiv, gegenüber* [6, S. 10].

Данная цитата настраивает читателя на восприятие текста в определенном ключе, а также показывает, на кого ориентируется автор при создании своей монографии.

Харальд Вайнрих использует в качестве эпиграфа слова не ученого, а известного писателя Франца Кафки:

(2) *Ein Käfig ging einen Vogel suchen* [7, S. 17].

Этот эпиграф он также размещает между оглавлением в начале своей монографии, но перед собственно текстом. Эти слова показывают, как трудно в рамках одной книги уловить и описать все оттенки языка.

Нередко авторы посвящают свою работу родным (жене, матери, отцу, сестре, брату, детям) и учителям в знак уважения и благодарности, возможно, за их поддержку, за предложенную идею, за душевное участие. Такой этикетный блок можно назвать «Посвящением». Нам встретилось одно такое посвящение детям в грамматике В. Руга и А. Томашевского „Grammatik mit Sinn und Verstand:

(3) *Für Johannes und Luka, aus deren Kinderbibliothek dem Buch Flügel gewachsen sind* [8, S. 2].

Здесь важно отметить, что «Посвящение» не сопровождается словами: *widmen*, *Widmung* и подобными. Посвящение является перформативным этикетным действием в составе монографии или сборника статей.

Другим вариантом этикетного блока «Посвящение» является издание юбилейных сборников статей, коллективных монографий, посвященных заслуженным ученым, учителям в знак глубокого уважения, почтения и высокой оценки их научного творчества. Здесь этикетный блок «Посвящение» смыкается с другим этикетным блоком «Поздравление». Само посвящение и поздравление содержатся в специальном предисловии, предвосхищающем собственно научную часть. Таким, например, является предисловие к сборнику трудов преподавателей МГЛУ, учеников И. И. Чернышевой, посвященному празднованию ее 100-летнего юбилея. Особенно важно отметить, что празднование состоялось при ее жизни, а сам сборник явился подарком юбиляру ко Дню рождения от ее благодарных учеников. Такие сборники носят специальное название *Festschrift*: „Aktuelle Probleme der modernen

Lexikologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I. I. Černyševa zum 100. Geburtstag.“ Юбилейный сборник открывается большим портретом юбиляра. Посвящение в этом сборнике занимает целых 3,5 страницы, в нем дается высочайшая оценка научных заслуг юбиляра, перечисляются ее наиболее важные научные труды и монографии, дается высокая оценка ее работе в качестве заведующей кафедрой лексикологии и фразеологии немецкого языка МГПИИЯ им. Мориса Тореза (теперь МГЛУ). Здесь отмечается, что в 1991 году И.И. Чернышева была награждена знаком «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В посвящении приводится поздравление президента Аннелиз Хекки Бухофер и президента-основателя Европейского общества фразеологии Харальда Бургера, составленное ими к 95-летнему юбилею И.И. Чернышевой в 2006 году, в котором дается высокая оценка заслуг юбиляра перед мировой наукой как основоположника научной немецкой фразеологии:

- (4) *Heute wie vor 30 Jahren, als die Phraseologie in Westeuropa nicht zuletzt durch Übersetzungen der russischen Arbeiten begründet wurde, zehrt die scientific community der Phraseologinnen und Phraseologen von Frau Prof. Černyševas massgeblichen und schulbildenden Arbeiten zur Phraseologie, insbesondere dem phraseologischen System und seinen semantischen Kategorien [9, S. 8].*

В заключительной части предисловия авторы говорят об огромной радости, которые испытывали создатели сборника при его составлении, а также приводятся слова благодарности в адрес юбиляра:

- (5) *Es war für den Lehrstuhl für Lexikologie und Stilistik der deutschen Sprache (MGLU) eine große Freude, den vorliegenden Jubiläumsband anlässlich des 100. Geburtstags von Irina Ivanovna Černyševa am 14. März 2011 vorzubereiten. Wir danken Irina Ivanovna für all das, was sie uns in einem langen und arbeitsreichen Leben an Forschung und Unterricht geschenkt hat. Durch Ihr Vorbild hat Irina Ivanovna Černyševa mehrere Generationen von Germanisten zu hohen Leistungen motiviert. Die Festschrift dokumentiert die nachhaltige Wirkung ihrer fruchtbaren Ideen und ihren Beitrag zur internationalen Phraseologie- und Lexikologieforschung [9, S. 11].*

О том, что научные монографии часто содержат в предисловии этикетный блок «Благодарность», пишут такие исследователи как С. Т. Нефедов, И. А. Вороновская, G. Genette [2; 3; 10]. Так, И. А. Вороновская пишет: «Второй блок («Выражение признательности, благодарности». — Т. II.) содержит выраженную в разнообразных формах признательность за совместную работу, консультирование, техническую помощь, корректуру, прочтение и отзыв, а также за моральную поддержку» [3, с.15]. В последнее время в этикетный блок «Благодарность» стали включать и благодарность разным благотворительным фондам за финансовую поддержку автора при написании работы. Если монография не содержит предисловия, то этикетный блок «Благодарность» может быть размещен в конце монографии, после основного текста, но перед библиографическим списком. Так сделал Харальд Вайнрих в своей книге: „Textgrammatik der deutschen Sprache“ [7, S.1089]. Исследователь назвал эту часть монографии, занимающую полторы страницы текста, описательно „Danksagung“, которое наглядно показывает, что в этом разделе содержится благодарность. Интересно отметить, что Харальд Вайнрих в первых строках раздела «Благодарность» выражает признательность своему коллеге из России В. Г. Адмони:

- (6) *Stellvertretend für viele andere Wissenschaftler, denen diese Grammatik zahlreiche Anregungen verdankt, will ich aber den 1909 in Sankt-Petersburg geborenen Linguisten Wladimir Admoni nennen, der im Jahre 1934 als erster auf die Klammerstruktur der deutschen Sprache aufmerksam gemacht hat. Ich, und vielen anderen gebührt Respekt und Dank für alle Forschungsleistungen, die als „Vorarbeiten“ in diese Grammatik eingegangen sind* [7, S. 1089].

Признание немецкими германистами заслуг зарубежных, в частности наших отечественных, исследователей-лингвистов наглядно свидетельствует об интернациональном характере науки и о значительном вкладе русских германистов в изучение немецкого языка.

Важной составляющей научного текста является «категория лица». Это не только самоназвание автора, но и название воображаемого читателя. Поскольку о подчеркнутой вежливости, принятой в среде научных работников, уже говорилось выше, неудивительно, что автор обращается к своему читателю всегда

только на «Вы». При помощи местоимения „Sie“ сохраняется определенная социальная дистанция, оно может использоваться среди знакомых и даже долго работающих вместе коллег. Конечно, к анонимному незнакомому читателю автор всегда обращается на «Вы». А вот самого себя автор научного текста может называть по-разному. Харальд Вайнрих в своей монографии „Textgrammatik der deutschen Sprache“ отмечает, что еще в начале XX века не было принято называть самого себя местоимением „ich“, особенно в начале письма, автобиографии или другого текста. Х. Вайнрих признает, что в современном обиходе вежливое избегание местоимения «я» соблюдается уже не так строго. Однако ученый замечает:

(7) *Doch sind auch heute noch manche Autoren, VOR ALLEM WISSENSCHAFTLER (выделено мной. — Т.П.), ziemlich zurückhaltend in der Verwendung des Pronomens ich und ersetzen es durch unpersönlichere Ausdrücke wie der Autor, die Verfasserin, der Rezensent* [7, S. 107].

В такой же функции, как и эксклюзивное местоимение „wir“ используется и местоимение „man“. В современных научных работах можно встретить и личное местоимение «я», которое стало употребляться в последнее время молодыми учеными, по-видимому, под влиянием американской манеры общения. Так, они подчеркивают собственные заслуги в исследовании, что представляется известным проявлением антропоцентричности современной речи, в том числе научной. Х. Вайнрих отмечает, что множественное число говорящего как раньше, так и по сей день используется для подчеркнутого выражения собственной скромности (*pluralis auctoris, pluralis modestiae*), так как при использовании инклюзивного местоимения „wir“ автор включает в число своих единомышленников и читателя тоже (*Inklusiv-Plural*) [7, S. 108]. Н. С. Супоницкая в диссертации на тему: «Скрытая эгореферентность научного текста» приводит показательные статистические данные: местоимение „man“ используется в 74,2 % случаев, в то время как местоимение „wir“ всего лишь в 16,6 % [11, с. 11]. Данные по использованию прямой номинации автора при помощи местоимения „ich“ в данной диссертации, к сожалению, не приводятся.

Таким образом, можно констатировать, что немецкий речевой этикет в научной письменной речи используется достаточно ши-

роко. Конечно, письменная форма изложения накладывает свои ограничения на использование этикетных формул и этикетных действий, но ученым свойственно проявление подчеркнутой вежливости в общении, как в устной, так и в письменной форме. При общении с потенциальным читателем отмечается официальность, дистантность во времени и в пространстве. В немецкой научной письменной речи встречаются следующие прагматические этикетные блоки: «эпиграф», «посвящение», «поздравление», «благодарность». Обычно они размещаются перед собственно научным текстом; «эпиграф», «посвящение» в самом начале, еще до введения, если оно есть, а такие группы как «поздравление», «благодарность» встречаются в предисловии к тексту; в редких случаях этикетный блок «благодарность» может встретиться после основного текста. В основном тексте монографии речевой этикет проявляется в виде эгореферентности автора в форме косвенной номинации при помощи местоимений „wir“ и „man“, реже при помощи прямой номинации „ich“. Обращение к читателю всегда выражается вежливым „Sie“ или инклюзивным местоимением „wir“.

Литература

1. *Формановская, Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987.
2. *Нефедов, С. Т.* Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 9. Вып. 3. 2013. С. 163–167.
3. *Вороновская И. А.* Авторское предисловие: функции и структура (на материале немецкоязычных монографий по лингвистике) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. Вып. IV. Текст и текстовые единицы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2014. С. 9–19.
4. *Fleischer, W., Michel, G.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB „Bibliographisches Institut“, 1975.
5. Современный толковый словарь русского языка. М.: Ридерс Дайджест, 2004.
6. *Thea Schippan.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig. VEB „Bibliographisches Institut“, 1987.
7. *Harald Weinrich.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993.
8. *Rug, W., Tomaszewski A.* Grammatik mit Sinn und Verstand. S.l.: Klett Edition Deutsch., 1997.

9. Aktuelle Probleme der modernen Lexikologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I. I. Černyševa zum 100. Geburtstag. M.: ИПК «Рема», 2011.
10. Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt/M., Suhrkamp. 2001. 179 S.
11. Супоницкая, Н. С. Скрытая эгоферентность научного текста (на материале немецкоязычных лингвистических статей и монографий): автореф. дис... канд филол. наук. СПб., 2016. 19 с.

References

1. Formanovskaya, N. I. *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodical aspects]. Moscow, “Russkii iazyk”, 1987. (In Russian)
2. Nefedov, S. T. Prototipicheskaja model' teksta kak osnova tekstotipologičeskogo znaniia (na materiale avtorskogo predisloviia k nauchnoi monografii) [The prototypical model of the text as the basis of text-type knowledge (based on the author's preface to the scientific monograph)]. *Vestnik of Saint Petersburg. Series 9. Phylology. Orient study. Journalism*, 2013, issue 3, pp. 163–167. (In Russian)
3. Voronovskaia, I. A. Avtorskoe predislovie: funktsii i struktura (na materiale nemetskoiazychnyh monografii po lingvistike) [The author's preface: functions and structure (on the basis of German-language monographs on linguistics)]. *Nemetskaia filologija v Sankt-Peterburgskom universitete. IV. Tekst i tekstovye edinitsy* [German pyology in St. Petersburg State university. Iss. IV. Text and text units]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014, pp. 9–19. (In Russian)
4. Fleischer, W, Michel, G *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig. VEB „Bibliographisches Institut“. 1975.
5. *Sovremennii tolkovii slovar' russkogo iazyka* [The modern definition dictionary of the Russian language]. Moscow, Readers Digest Publ., 2004. (In Russian)
6. Schippan, Th.. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig. VEB „Bibliographisches Institut“, 1987.
7. Weinrich, H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag, 1993.
8. Rug, W, Tomaszewski, A. *Grammatik mit Sinn und Verstand*. Klett Edition Deutsch, 1997.
9. Aktuelle Probleme der modernen Lexikologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I. I. Černyševa zum 100. Geburtstag. Moscow, ИПК „Рема“ Publ., 2011.
10. Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt/M., Suhrkamp, 2001.
11. Suponitskaia N. S. *Skrytaia egoreferentnost' nauchnogo teksta (na materiale nemetskoiazychnyh lingvisticheskikh statei i monografii)*. Authoref. diss. kand.

phylol. nauk [*The latent ego-referentiality of the scientific text (on the basis of German-language linguistic articles and monographs)*]. Thesis of PhD]. St. Petersburg, 2016. 19 p. (In Russian)

Пономарева Татьяна Витальевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Tatyana V. Ponomareva

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University

Doctor of Philological Science

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: t.ponomareva@spbu.ru

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

УДК 803.0(075.8)

Е. А. ГОНЧАРОВА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНОГО ИНТЕРВЬЮ

Ключевые слова: текст, тип текста, дискурс, интервью, интервьюер, интервьюируемый, читатель, диалог, диалогические отношения, коммуникативная функция, дискурсивная фаза текста, композиционная часть текста.

В статье освещаются прототипические черты текста печатного интервью, обусловленные характером эксплицитного и имплицитного выражения в нем диалогических отношений. Проводится сопоставительный коммуникативно-прагматический и стилистический анализ дискурсивных фаз создания интервью и его разных композиционно-структурных частей.

E. GONCHAROVA

Herzen State Pedagogical University of Russia

FORM AND CONTENT OF DIALOGIC RELATIONS IN THE TEXTS OF PUBLISHED INTERVIEW

Keywords: text, text type, discourse, interview, interviewer, interviewee, reader, dialogue, dialogical relations, communicative function, discursive phase of the text, composite-structural components.

The article dwells on the prototypical features of published interview determined by the explicit or implicit character of expressing dialogical relations in it. A comparative communicative-pragmatic and stylistic analysis of the discursive phases of creation interview and the composite-structural components are suggested.

Несмотря на достаточно большое число исследований, в которых интервью изучается как один из универсальных методов получения информации в массмедийной коммуникации и публицистический диалогический жанр, вопросы, связанные с особенностями содержания и выражения диалогических отношений в интервью, продолжают оставаться актуальными. Объясняется это, прежде

всего, тем, что для самого терминологического словосочетания «диалогические отношения» в современной филологии существует целый пучок различных толкований, вытекающих из широкого или узкого понимания диалога как такового и, далее, признания или непризнания за цепью диалогически связанных между собой отдельных высказываний статуса текста.

Непрекращающиеся дискуссии по проблемам диалога были инициированы в свое время трудами М. М. Бахтина, в которых они вынесены на глубокий философский уровень, что позволило ученому придать диалогическим отношениям всеохватывающий гуманитарный характер и утверждать не только по отношению к поэтике изучаемой им полифонической прозы Ф. М. Достоевского: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [1, с. 294].

По-прежнему своевременны сегодня и соображения М. М. Бахтина о сущности диалогических отношений в антиномии языка и речи: «Язык и речь можно отождествлять, поскольку в речи стерты диалогические рубежи высказываний. Но язык и речевое общение (как диалогический обмен высказываниями) никогда нельзя отождествлять. Возможно абсолютное тождество двух и более предложений (при накладывании друг на друга, как две геометрические фигуры, они совпадут), более того, мы должны допустить, что любое предложение, даже сложное, в неограниченном речевом потоке может повторяться неограниченное число раз в совершенно тождественной форме, но как высказывание (или часть высказывания) ни одно предложение, даже однословное, никогда не может повторяться: это всегда новое высказывание (хотя бы цитата)» [2, с. 286].

Похожие мысли выражают немецкие исследователи разговорной речи, когда отмечают диалогический характер любого конкретного использования языка человеком: „Eine der Grundannahmen pragmalinguistischer Forschung, dass nämlich Äusserungen grundsätzlich intentional und partnerorientiert sind, setzt immer schon die Vorstellung gesprächsweiser Sprachproduktion voraus“ (курсив мой. — Е. Г.) [9: 261]. Авторы говорят и об онтологической неестественности состояния человека, лишенного возможности диалогического общения с другими: „[Der] Entzug der Möglichkeit zum Gespräch [ist] für uns unangenehm bis unerträglich und [kommt] in systematischer Form

eigentlich nur als Teil schwerer Strafmaßnahmen (Einzelhaft) oder als selbstauferlegte Entbehrung (Schweigepflicht oder Schweigegeflübe in religiösen Zusammenhängen) [vor]“ [ebenda].

М. М. Бахтин считал, что «диалогические отношения (курсив мой. — Е. Г.) „<...> не могут быть сведены ни к чисто логическим (хотя бы и диалектическим), ни к чисто лингвистическим (композиционно-синтаксическим). Они возможны только между целыми высказываниями разных речевых субъектов. <...> Там, где нет слова, нет языка, не может быть диалогических отношений. <...> Диалогические отношения — это отношения (смысловые) между всякими высказываниями в речевом общении. Любые два высказывания, если мы сопоставим их в смысловой плоскости (не как вещи и не как лингвистические примеры), окажутся в диалогическом отношении» [2, с. 296].

Согласно процитированным положениям, диалогические отношения присутствуют не только в речи, определяемой в лингвистике как «диалогическая форма (тип) речи», то есть в речи, «<...> состоящей из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [6, с. 135]. Они затрагивают и (протяженную) монологическую речь, произнесенную или написанную одним лицом, так как «<...> могут проникать внутрь высказывания, даже внутрь отдельного слова, если в нем диалогически сталкиваются два голоса» [1, с. 214] — собственно авторский и чужой.

Подобное понимание диалогических отношений и диалога нельзя считать, по мнению и самого М. М. Бахтина, чисто лингвистическим. Его можно отнести к «металингвистике», которая должна изучать «те стороны жизни слова, которые выходят — и совершенно правомерно — за пределы лингвистики» [1, с. 210]. Строго говоря, такие области современной лингвистики как лингвистика текста, дискурса и стиля — в силу характерных для их исследовательских приемов экспансионизма и междисциплинарного взаимодействия с иными гуманитарными науками, а также сложности изучаемых в них объектов (включая и особенности речевой актуализации диалогических отношений) — развиваются в логике «металингвистики».

При изучении диалогических отношений в печатном интервью как самостоятельном типе медиатекста также возможно выделе-

ние в исследовательских интересах «чисто» лингвистического (более подробно исследованного) и металингвистического аспектов. В лингвистическом плане для текста печатного интервью, как и для некоторых других видов текста, построенных на чередовании высказываний двух участников общения (философских диалогов, научных дискуссий, ток-шоу), характерна, например, утрата большинства типологических признаков «живой» разговорной речи: спонтанности, заботы о форме выражения, автоматизма и клишированности речи (ср. [8, с. 320]).

Это связано, во-первых, с тем, что текст интервью, бытуя в сфере массмедийной коммуникации, рассчитанной на оперативное предоставление информации массовому потребителю, имеет «усредненную», то есть понятную всем языковую форму. Во-вторых, интервью существует, как известно, в устном и письменном виде. Например, устное интервью на радио- или телевидении приобретает письменную форму в соответствующих дайджестах, а печатный текст интервью, с которым знакомится читатель газет и журналов, всегда предваряется его устной реализацией. Подобная конвертируемость устной и письменной форм текста вызывает снижение в его лингвостилистической ткани конструктивной роли элементов разговорности. И, наконец, в-третьих, любое интервью — и устное и печатное — принадлежит к сфере публичного дискурса, и в нем, как правило, затрагиваются темы не исключительно персонального, но и общественно значимого, социально-культурного свойства, что заставляет участников интервью прибегать к общепотребительной лексике и понятным для всех формулировкам.

Для металингвистического уровня изучения диалогических отношений в интервью в первую очередь имеет значение предписанный и взаимообусловленный характер коммуникативных ролей участников устного диалога. Журналисту — инициатору устного диалогического общения (интервью как *дискурс*) и продуценту опубликованного *текста* интервью — принадлежит институциональная коммуникативная роль организатора и ведущего диалога (нем. *bevorrechtigter Gesprächspartner* [9, S.290]). В соответствии с этой ролью он выполняет коммуникативные функции установления и поддержания контакта с персонажем интервью, вступления в диалог и его завершения, постановки вопросов, выбора обсуждаемой темы и ее изменения, оценки содержания высказываний собеседника и др. Функции интервьюируемого состоят в ответах

журналисту. Последовательность и содержание совершаемых им речевых действий-реакций, находятся в зависимости от стимулирующих коммуникативных функций интервьюера.

Специфика диалогических отношений в текстах печатного интервью определяется, далее, тем, что процесс его производства включает в себя следующие три тесно связанные между собой дискурсивные фазы:

- 1) стратегического и тактического (предтекстового) планирования хода беседы;
- 2) речевой реализации непосредственного живого диалога интервьюера с интервьюируемым;
- 3) компоновки печатного текста.

Следует отметить, что первая и третья фазы отличаются от второй большей автономностью и самостоятельностью ментально-речевой деятельности интервьюера по сравнению с участием в реализации диалогических отношений персонажа интервью. Контакт интервьюера с персонажем интервью после получения согласия последнего на участие в нем, предшествующий непосредственному диалогическому общению, устанавливается посредством (внутренних, мысленных) обращений/вопросов автора интервью к интервьюируемому, а также знакомства журналиста с источниками дополнительной персональной или социальной информации об интервьюируемом. Кроме того, журналист с помощью спорадических (устных или письменных) уточнений деталей предстоящего (в первой фазе дискурса интервью) или уже реализованного общения (в третьей фазе), а не в пространным речевом диалоге с партнером по интервью «оттачивает» окончательный текст — результат своих и чужих дискурсивно взаимообусловленных речевых и невербальных действий. Наряду с этим все три дискурсивных фазы интервью объединены между собой и характерной для этого типа текста коммуникативно-прагматической двуадресностью: как интервьюер, так и персонаж интервью учитывают в каждой из них наличие, помимо своего непосредственного партнера по коммуникации, потенциального массового читателя.

В структурно-языковом плане выпущенный в свет печатный текст интервью имеет, как правило, две композиционных части: монологическую (краткое сообщение журналиста, предваряющее

собственно диалог) и диалогическую (письменная репродукция диалога между участниками интервью). В монологическую часть текста, имплицитно и эксплицитно пронизанную диалогическими смыслами, входят: 1) заголовок; 2) подзаголовок; 3) экспозиция, или преамбула. Диалогическая часть представляет собой, как уже говорилось, письменную фиксацию устно реализованных иницилирующих реплик журналиста и реагирующих реплик его респондента. Каждая из композиционно-структурных частей текста, так или иначе, соотносится по содержанию и форме выражения с тремя дискурсивными фазами интервью.

Так, в первой фазе, наименее доступной наблюдениям интерпретатора текста и разгадываемых на основе текстовых актуализаций определенных композиционно-смысловых элементов опубликованного интервью, интервьюер разрабатывает систему предполагаемых коммуникативно-речевых шагов в общении с избранным собеседником. Можно предположить, что добросовестный журналист, до того, как он вступит в непосредственный диалог со своим партнером, ознакомится, с одной стороны, с определенными фактами из его частной и / или публично-общественной жизни, с какими-то высказываниями своего адресата, с мнениями о нем других, с другой — с вопросами, которые могут быть интересны для собеседника.

Речевые следы подобных действий содержатся, как правило, во-первых, в монологической части печатного интервью. Анализ языкового материала¹ показал, что в своей наиболее типичной форме заголовок печатного интервью (обязательная композиционно-структурная часть текста) представляет собой цитату — выдержку из высказывания интервьюируемого, заключаемую в кавычки. Интервьюер, выбирая именно эту цитату, выражает средствами чужой прямой речи собственную точку зрения и свое понимание сути вопросов, поднимаемых в разговоре с персонажем интервью, за счет чего усиливается роль заголовка как значимого «двуголосого» (по М. М. Бахтину) речевого сигнала для осмысления читателем «содержательно-фактуальной» и «содержательно-концептуальной информации» текста [4, с. 27–28; 133–134].

¹ В качестве языкового материала в статье используются номера журнала „Der Spiegel“ за 2016 год.

Например, интервью с зоологом Йозефом Рейхгольфом о причинах внезапно охватившего Германию в 2016 году птичьего гриппа озаглавлено: „Die Stallpflicht ist schädlich“ (Spiegel. Nr. 50 / 10.12. 2016, S. 119), а с бургомистром Кельна Генриеттой Рекер по поводу драматичной новогодней ночи в этом городе в наступившем 2016 году — „Wir dürfen es nicht hinnehmen“ (Spiegel. Nr. 2 / 9. 1. 2016, S. 22–25). И в том и в другом случаях заголовок содержит «двуголосую» оценку обсуждаемых в интервью событий — эксплицитную со стороны автора процитированных слов и имплицитную со стороны интервьюера, выбравшего соответствующие слова в качестве начального «сильного» знака текста. Вынося какую-то реплику персонажа интервью в название текста, журналист реализует собственную концептуально-тематическую установку: он, если перефразировать Л. С. Выготского, акцентирует самую важную тему текста и намечает ту доминанту, которая определяет собой тематическое развертывание и все построение текста [3, с. 152]. Тем самым журналист активизирует и потенциальную деятельность читателя по пониманию и собственной интерпретации содержания интервью.

Подзаголовок и экспозиция (преамбула), находясь между заголовком и репродуцированным диалогом интервью, связываются смысловым и прагматическим диалогическим отношением с заголовком и со всем текстом. Они могут иметь больший или меньший количественный объем в структуре текста печатного интервью и иногда либо заменяют друг друга, либо совмещаются в одной текстовой позиции.

Так, первое интервью имеет только подзаголовок, представляющий собой краткую аннотацию текста:

- (1) *Der Zoologe Josef Reichholf über die wahren Verursacher der Vogelgrippe, verseuchte Äcker und den Verbot der Entenjagd.* (Spiegel. Nr. 50 / 10.12. 2016, S. 119)

Подзаголовок второго интервью также выполняет функцию аннотации текста, в которой, однако, содержится и свернутая по форме сюжетная экспозиция двух драматических событий в жизни самой госпожи Г. Рекер и всей Германии:

- (2) *Die Kölner Oberbürgermeisterin Henriette Reker, 59, sucht nach Erklärungen für die sexuellen Übergriffe in der Silvesternacht — und*

den Anschlag auf ihr Leben im Herbst. (Spiegel. Nr. 2/ 9. 1. 2016, S. 22)

При этом следует учитывать, что сам факт появления интервью в устной коммуникации (на радио или телевидении) или в печати обусловлен генеральной интенцией журналиста: познакомить слушателей / читателей с какой-то известной личностью, которая интересна ему или массмедийному органу, который интервьюер представляет. По его предположениям, эта личность и ее точка зрения могут быть интересными для массового адресата из-за личностных черт или поступков, а также социально значимого положения в обществе. Речевые отсылки к биографии персонажа, указывающие на неслучайный интерес к нему интервьюера и выступающие одновременно в функции текстовых элементов аттракции, присутствуют обычно в подзаголовке или преамбуле к тексту:

Например:

(3) **„Bum, bum, bum“**

Rafael Nadal hat 14 Grand-Slam-Turniere gewonnen, jetzt will er in seiner Heimat aus Talenten neue Stars formen. Ein Treffen in seiner Nachwuchsakademie auf Mallorca. (Spiegel. Nr. 42 / 15.10.2016, S. 98–100)

(4) **„Wer sagt, dass er nicht will?“**

SPD-Vize Olaf Scholz, 57, entwirft ein Regierungsprogramm für die Sozialdemokratie: Die Partei muss für Weltoffenheit stehen und Angebote für die bedrängte Mittelschicht machen. (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016, S. 26–28)

Приведенные монологические композиционные части двух печатных интервью демонстрируют двойственную функционально-прагматическую природу этих «сильных позиций» текста, обладающих внутренними диалогическими свойствами и проспекции и ретроспекции. С одной стороны, они соотносятся ретроспективно не только с заголовком текста, но и с определенными «объективными» сведениями о герое интервью, а с другой — проспективно проецируются на тематическое содержание дальнейшего диалога.

В заголовке первого интервью журналистом имитируются звуки удара ракетки Рафаэля Надаля (испанской звезды тенниса) во время тренировки, которые он слышит, наблюдая своего героя пе-

ред интервью. Звуковую метафору можно рассматривать как своеобразный символ неустанной деятельности персонажа интервью. Вопрос, вынесенный в заголовок второго интервью, представляет собой дословную эмоциональную реакцию политика Олафа Шольца на вопрос журналиста в ходе интервью: „Stehen Sie als Kandidat zur Verfügung, falls Gabriel nicht will?“. Как видим, смысловая и прагматическая диалогическая «расщепленность» в обоих случаях присуща практически всем монологическим композиционным компонентам текста, предворяющим собственно диалог.

Начальная реплика диалога в интервью всегда исходит от интервьюера. Она является для интервьюируемого стимулом для вступления в диалог, а для читателя — высказыванием, содержащим, как правило, дополнительную информацию о личности и социальной позиции персонажа интервью. Например, в разговоре журналистов «Шпигеля» с представителем партии «Зеленых» Фолькером Бекком, не выдвинутым партией на последние выборы в Бундестаг, первая и последующие реплики интервьюера соотнесены посредством дейктических элементов речи с определенными (внеязыковыми) ситуациями из жизни интервьюируемого, которые служат выражению в тексте *ситуативного дейксиса* (ср. [9, S. 220–221]). Параллельно с этим в тексте интервью содержатся указания на прежние речевые высказывания персонажа интервью, а также на высказывания о нем других, за счет чего создается *коммуникативно-прагматический дейксис* — как сигнал подключения к интенциональности говорящего чужих голосов. И тот и другой виды дейксиса играют роль дополнительного стимулятора диалогических отношений между интервьюером и интервьюируемым, с одной стороны, и знаком прагматической открытости текста интервью мнениям массового потенциального читателя — с другой:

- (5) SPIEGEL: *Die Grünen haben Sie nach 22 Jahren nicht mehr für die nächste Bundestagswahl aufgestellt. Schmerzt Sie das?*
- (6) SPIEGEL: *Wenn man mit Leuten aus Ihrer Partei spricht, dann hört man immer wieder: der Volker legt bei anderen gern die Finger in die Wunde, aber bei seinen eigenen Fehlern ist er ziemlich nachsichtig.*
- (7) SPIEGEL: *Die Kritik bezog sich damals gar nicht so sehr auf das Kapitel an sich, sondern dass Sie mehrfach gesagt hatten, der Herausgeber hätte Ihren Text verfälscht.* (Spiegel. Nr. 50 / 10.12. 2016, S. 48)

Интервью с председателем правления известного в Германии концерна „Unilever“ Паулем Польманом открывается следующей репликой:

- (8) **SPIEGEL:** *Herr Polmann, Sie gelten als Weltverbesserer unter den Konzernchefs. Glaubt man Ihnen, hilft Unilever mit seinen Brühwürfeln, die Frauenrechte weltweit zu stärken. Meinen Sie das ernst?* (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016.; S. 76)

Выделенные жирным шрифтом речевые сигналы внутреннего диалогического «расщепления» начальных инициальных реплик свидетельствуют о том, что интервьюер знает как содержательные подробности публичного дискурса, связанного с концерном, так и детали коммерческой политики его руководства. Одновременно с этим автор текста своим первым «двуголосым» вопросом, отмеченным имплицитной субъективной модальностью, не только открывает полемику с собеседником, но и развивает контекст упомянутого публичного дискурса.

В дальнейшем ходе интервью реплики-стимулы интервьюера, сами по себе являющиеся структурно-композиционной частью (репродуцированного) диалога, неоднократно содержат свернутые цитаты из прежних высказываний П. Польмана, которые также придают этим репликам характер «двуголосого слова»:

- (9) **SPIEGEL:** *Sie haben deren Hunger (den Hunger der Aktionäre — E. G.) nach kurzfristigen Ergebnissen einst mit dem Lechzen eines Junkers nach dem nächsten Schuss verglichen — und deshalb Ihre ausführlichen Quartalsberichte abgeschafft.* (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016: 76)

Помимо регулярной смены коммуникативных ролей говорящего и слушающего, реализуемых в репликах-стимулах и репликах-реакциях, во второй (диалогической) фазе дискурса интервью могут быть актуализированы и другие оттенки прагматических и смысловых проекций собеседников друг на друга. Отметим здесь, прежде всего, обоюдное прерывание реплик говорящего (как интервьюируемого — пример (10), так и интервьюера — пример (11)), которое можно рассматривать как эксплицитное риторическое выражение в поверхностной структуре синтаксического диалогического единства голосов обоих участников беседы. Подобный прием, являясь помехой для реализации «иллокутивной силы» ди-

алогического высказывания непосредственного коммуникативно-го партнера, сообщает в то же время дополнительную информацию третьему участнику дискурса интервью — читателю и персуазивно воздействует на него.

(10) **Polman:** *Ich bin auch mit dem Europa-Geschäft zufrieden. Wir wachsen zwar nicht überall und nicht in allen Sparten, aber 2015 hatten wir zum Beispiel einen Rekordumsatz bei Langnese ...*

SPIEGEL: *... was vor allem am guten Wetter lag!*

Polman: *Natürlich, aber auch daran, dass wir bei Eiscreme ebenfalls Neues ausprobieren.* (Spiegel. Nr. 23 / 4.6.2016, S. 79)

(11) **SPIEGEL:** *Sie haben Frauen geraten, bei Großveranstaltungen mindestens eine Armlänge Abstand zu Fremden zu halten ...*

Reker (die Kölner Bürgermeisterin. — E. Г.): *... und dafür eine Menge Spott und Kritik kassiert.* (Spiegel. Nr. 2 / 9.1.2016, S. 24)

Уточняющие вопросы интервьюера, вопросы-перебивки, вопросы-переформулировки, вопросы-корректировки (см. [5, с. 146–152; 7, с. 174]) достаточно часто используются в текстах интервью как средство углубления диалогически расщепленного информационно-смыслового плана целостного текстового сообщения. К ним относятся, например, такие вопросительные реплики как: *Wie meinen Sie das? Welche meinen Sie? Was meinen Sie damit? Geht es nicht auch um ...? Wie kommen Sie darauf? Nämlich? Können wir festhalten, dass...? Gilt das auch für ...? Haben Sie eine Erklärung dafür? Wie realistisch ist das überhaupt? Also lässt man alles einfach weiterlaufen wie bisher? Entschuldigung, was ist?...was heißt? Was heißt das konkret? Woher wissen Sie, dass ...? Glauben Sie wirklich, dass ...?*

Завершая рассмотрение видов диалогических отношений в печатных текстах интервью, отметим, что прагматическая «двунаправленность» ментально-речевых действий двух сторон осуществляемой их посредством коммуникации (интервьюера и интервьюируемого) лежит в основе планов содержания и выражения не только в письменно репродуцированной диалогической части текста. Принцип «двуголосия» высказывания пронизывает как некое подводное течение и подготовительную, и завершающую (условно монологические) фазы создания и формулирования текста, обеспечивая большую открытость и глубину разных аспектов текстовой информации для потенциального читателя.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Выготский, Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005.
5. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. 4-е изд. М.: Кранд, 2013.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. Смелкова, З. С. Риторические основы журналистики / З. С. Смелкова, Л. В. Ассиурова, М. Р. Савова, О. А. Сальникова. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003.
9. Linke, A. Studienbuch Linguistik / A. Linke, M. Nussbauer, P. R. Portmann. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1994.

References

1. Bahtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. 4th ed. Moscow, Sovetskaia Rossia Publ., 1979. (In Russian)
2. Bahtin, M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The aesthetics of verbal art*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. (In Russian)
3. Vygotskij, L. S. *Psihologia iskusstva* [*The psychology of art*]. Ed. by M. G. Iaroshevskii. Moscow, Pedagogika Publ., 1987. (In Russian)
4. Gal'perin, I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovania* [*Text as an object of linguistic research*]. 3th ed., stereotip. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. (In Russian)
5. Dobrosklonskaya, T. G. *Voprosy izuchenia mediatekstv: Opyt issledovania sovremennoi angliiskoi mediarechi* [*The issues of media texts: The experimental study of the modern English media speech*]. 4th ed. Moscow, Krasand Publ., 2013. (In Russian)
6. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [*Linguistic encyclopedic dictionary*]. Ed. by V. N. Iarcev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1990. (In Russian)
7. Smelkova, Z. S., Assuirova, L. V., Savova, M. R., Saľnikova, O. A. *Ritoricheskie osnovy zhurnalistiki* [*Rhetorical basic of journalism*]. 6th ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. (In Russian)

8. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. (In Russian)

9. Linke, A. *Studienbuch Linguistik* / A. Linke, M. Nussbauer, P. R. Portmann. 2. Aufl. Tübingen, Niemeyer, 1994.

Гончарова Евгения Александровна

профессор кафедры немецкой филологии
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Мойка, 48

Evgenia A. Goncharova

Professor, German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Doctor of Philological Sciences
48, Moika, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

E-Mail: eagon@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ АВСТРИИ И ШВЕЙЦАРИИ

Ключевые слова: фразеология национальных вариантов немецкого языка, обиходно-разговорный уровень, заголовок, модификация фразеологизма, газетный жанр.

В данной статье представлены результаты анализа употребления национально-маркированных фразеологических единиц в текстах австрийской и швейцарской прессы, который позволил выявить социолингвистические и стилистические свойства фразеологизмов разных типов, а также особенности характера их функционирования в текстах различных газетных жанров.

L. B. KOPCHUK

Herzen State Pedagogical University of Russia

FEATURES OF THE USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TEXTS OF THE GERMAN-SPEAKING PRESS IN AUSTRIA AND SWITZERLAND

Keywords: phraseology of national variants of the German language, colloquial level, headline, modification of phraseology, newspaper genre.

This article presents the results of the analysis of the use of nationally-labeled phraseological units in the texts of the Austrian and Swiss press, which made it possible to reveal the sociolinguistic and stylistic modification of phraseological units of the different types, as well as the features of their functioning in the texts of different newspaper genres.

Исследовательский интерес к проблеме функционирования фразеологизмов в тексте неслучаен и обусловлен, в первую очередь, особым семантическим и структурным потенциалом, который отличает фразеологические единицы от лексических. К основным направлениям изучения употребления фразеологизмов в текстах в современной лингвистике относятся:

- 1) определение роли фразеологизмов в текстовом целом, прежде всего, выявление их так называемых текстообразующих потенциалов;

- 2) использование фразеологизмов в различных типах текстов, из которых наиболее привлекательными для лингвистического анализа являются рекламные, художественные тексты и тексты СМИ.

Известный швейцарский фразеолог Х. Бургер высказывает сомнения в необходимости и целесообразности разработки общей функциональной типологии фразеологизмов в тексте, справедливо обращая внимание на то, что определение и описание этих функций невозможно без учета типа текста или коммуникативной ситуации [1, с. 156]. На первый план, по мнению лингвиста, должны выйти исследования способа употребления и функций фразеологизмов в конкретных текстах и жанрах (Textsorten). Именно такой подход позволяет, с одной стороны, избежать предвзятости при функциональной интерпретации фразеологизмов, а с другой, соотнести употребительность определенных типов фразеологизмов с соответствующими типами текстов.

Весьма важно в рассуждениях Х. Бургера также указание на возможность использования фразеологизмов с большей или меньшей степенью осознанности, что также находит отражение в тексте.

В задачи исследования взаимодействия фразеологизмов и текстов, результаты которого представлены в настоящей статье, входили:

- а) выявление фразеологизмов в австрийских и швейцарских газетных текстах;
- б) характеристика выявленных фразеологизмов с точки зрения их национальной отмеченности и стилистических свойств;
- в) установление соотношения общенемецкой и национально маркированной фразеологии в газетных текстах и соотношения типов фразеологизмов и жанра публикации.

Материалом для анализа и выявления фразеологизмов послужили тексты крупноформатных газетных жанров: редакционных статей (Leitartikel), интервью, комментариев, новостных статей, отражающих наиболее актуальные события и вопросы внутриполитической жизни Австрии и Швейцарии. В целях получения более объективных данных выборка производилась как из крупных надрегиональных изданий, разных по политической направленности и читательской аудитории, в том числе таких, как австрий-

ские „Die Presse“, „Der Standard“, „Kronen Zeitung“, швейцарские „Neue Zürcher Zeitung“, „Tages-Anzeiger“, „Blick“ (швейцарский аналог немецкой „Bild“) и другие, так и из отдельных региональных газет.

В целом анализ материала подтвердил высказанную еще 10 лет назад Х. Бургером оценку ситуации с национально маркированной лексикой и фразеологией в средствах массовой информации обоих ареалов, а именно, отчетливое ее вытеснение („Überschichtung“, по Х. Бургеру) собственно немецким языковым материалом [1, с. 217]. Казалось бы, такая ситуация имеет под собой основание в немецкоязычной Швейцарии, в которой место литературного стандарта ограничено именно печатными СМИ, в то время как в большинстве остальных сфер языковой действительности господствуют диалектные формы, получившие обобщающее наименование Schwyzerdütsch [2, с. 63-70]. Именно этим обусловлена значительная ориентация швейцарских изданий, в том числе в языковом отношении, на прессу Германии. Но и в Австрии ситуация оказывается очень сходной. Даже в бульварной австрийской прессе фразеологические и лексические австрицизмы можно отнести к исключительным явлениям.

Немногочисленные национально отмеченные фразеологические единицы, обнаруженные в проанализированных текстах, дают основание для выделения следующих основных разновидностей их функционирования:

1. Использование австрийски и швейцарски маркированных фразеологизмов в заголовках статей.

В сильной позиции заголовка фразеологические австрицизмы и гельвецизмы в модифицированной или в своей исходной форме используются относительно часто. При этом лишь в немногих случаях можно предположить намеренный выбор национально отмеченной единицы. Так, статья в газете „Die Presse“ от 07.07.2012, посвященная вопросу использования молодежью Австрии специфически австрийских выражений, озаглавлена:

- (1) *Der Jugend ist das österreichische Deutsch **powidl**. Die junge Generation verwendet zu einem Drittel bundesdeutsche Bezeichnungen. Typisch österreichische Ausdrücke werden wenn, dann nur mündlich verwendet. Auch Präpositionen ändern sich* (Die Presse. 07.07.2012).

Употребление фразеологического австрицизма *jmdm. ist etwas (von) Powidl (jmdm. ist etwas egal)* призвано привлечь внимание общества к проблеме языкового самосознания молодых австрийцев. Выбор обиходно-разговорного выражения с негативной семантикой, безусловно, заостряет вопрос и усиливает воздействие на читателя.

Более характерно для газетных заголовков эксплуатирование не национально специфических, а именно фразеологических свойств выбранных выражений, их наглядного (яркого) образа, фокусирующего тему и создающего игровую интригу. Самобытное австрийское выражение *zum Handkuss kommen*, которое метафоризирует унижительную практику целования руки в знак поклонения и подчинения и означает 'draufzahlen, für andere einstehen müssen, die negativen Folgen tragen', используется в заголовке статьи „Einzelne Unternehmen werden *zum Handkuss kommen*“ из газеты „Die Presse“, посвященной последствиям брексита Великобритании для экономики Австрии. В заголовок вынесена цитата представителя австрийской бизнес-делегации в Лондоне, которая в полном варианте приводится и в основном тексте статьи:

- (2) *Christian Kesberg, Österreichs Wirtschaftsdelegierter in London, sagt: „Einzelne Unternehmen, die stark auf Großbritannien spezialisiert sind, werden zum Handkuss kommen“ (Die Presse 24.06.2016).*

В заголовке статьи в швейцарской NZZ от 7.1.2018 «Sie leben zwischen Stuhl und Bank», посвященной проблеме беженцев, статус которых не дает возможности найти достойную работу, использован характерный для Швейцарии фразеологизм, который наглядно и убедительно создает представление о положении этих отчаявшихся людей. Благодаря своей образности данное выражение, являющееся усеченным модификатом фразеологической единицы *zwischen Stuhl und Bank sein / kommen / fallen / geraten / sitzen* ('sich in einer ungünstigen Lage befinden'), по всей видимости, является весьма популярным у швейцарских журналистов в качестве заголовка разнообразных по тематике и жанровой принадлежности публикаций:

- (3) *“Die Lebensmittelhersteller sitzen zwischen Stuhl und Bank“ (Der Bund 22.01.2015)
„Das Tram zwischen Stuhl und Bank“ (NZZ 30.7.2014)
„Kanada droht zwischen Stuhl und Bank zu fallen“ (NZZ 10.8.2016)*

Своеобразием менталитета швейцарцев, их склонности к неторопливости и вдумчивости обусловлена употребительность фразеологизма *über die Bücher gehen* ('sich etw. gut überlegen, die Lage überdenken'), который можно обнаружить и в заголовках швейцарских газетных текстов. Этот фразеологический гельвецизм вынесен в заголовок интервью с экономистом Жераром Ветштайном «Der Kanton Schwyz sollte über die Bücher gehen» из газеты Tagesanzeiger, в котором обсуждалась экономическая ситуация в кантоне Швиц:

- (4) Welchen Schluss soll der Kanton Schwyz aus seinem Defizit ziehen?
*Für den Kanton Schwyz bietet sich jetzt eine gute Gelegenheit, **über die Bücher zu gehen**. Er könnte überprüfen, ob seine Strukturen noch zeitgemäss sind* (Tagesanzeiger. 10.04.2014).

По оценке лингвиста Кристиана Шмида, данное выражение обладает высокой частотностью в швейцарских СМИ и восходит к периоду, предшествующему появлению пишущих машинок, когда процесс составления бухгалтерских отчетов и ведения бухгалтерских книг требовал значительного времени [2]. Данный фразеологизм нередко встречается и в основных текстах газетных публикаций. В недавней аналитической статье газеты NZZ «In zwei Bereichen drängen sich neue Abkommen auf», посвященной переговорам Швейцарии с ЕС о заключении новых соглашений о доступе к европейским рынкам, в первом абзаце читаем:

- (5) *In den kommenden Wochen geht der Bundesrat jetzt **über die Bücher**: Er wird unter Einbezug der betroffenen Branchen klären, in welchen Sektoren er neue Abkommen mit der EU abschliessen will* (NZZ. 31.1.2018).

2. Намеренное использование фразеологизмов с национальной отмеченностью для создания эффекта самоидентификации.

Материал из газеты “Die Presse“, который можно отнести к жанру комментария, посвящен проблеме влияния языковой компетенции на самосознание и восприятие окружающего мира. Автор статьи Köksal Baltacı обращается к этому вопросу в связи с решением вновь избранного правительства Австрии о создании в школах специальных «немецких классов», призванных довести уровень владения немецким языком школьников из семей мигрантов

до необходимого для получения образования. Свою статью автор начинает с размышлений о том, как чувствуют себя люди, попавшие в страну, языком которой не владеют:

- (6) *Jeder kennt das: Man ist auf Urlaub oder Geschäftsreise in einem Land, dessen Sprache man zwar nicht perfekt, aber doch einigermaßen fließend spricht. Verständigung ist nicht das Problem, nur **läuft der Schmä**h nicht so, wie er sonst laufen würde. <...>. Der Urlaub geht schließlich irgendwann zu Ende, und man kehrt zurück nach Hause — in die eigene Sprache, in der man sich wohlfühlt und sich gewählt, eloquent und sicher ausdrücken kann. Und schon **läuft der Schmä**h wieder* (Die Presse. 04.01.2018).

Ключевую роль в этих размышлениях играет выражение *der Schmä*h *läuft*, стержневым компонентом которого является австрицизм венского происхождения *der Schmä*h, означающий специфически венскую разновидность юмора. Фразеологизм *Der Schmä*h *läuft* / *rennt* интерпретируется в словаре «Variantenwörterbuch des Deutschen» [3, с. 675] как обозначение хорошего настроения: „Es ist gute Stimmung, ein Scherz, eine Pointe folgt dem / der anderen“. Именно такое комфортное самоощущение в любой чужой стране обеспечивает человеку владение языком.

3. Употребление фразеологизмов для сатирического изображения поведения политиков и медийных лиц.

Фразеологизмы служат созданию образа, речевого портрета и эмоциональной оценке и нередко приводятся при цитировании высказываний данного лица, тем самым воспроизводятся особенности его устной речи:

В статье “I bin a Süßer“, oder: Mission Auffallen in Niederösterreich» из газеты “Die Presse“ речь идет о политике Франце Шнабле, который, пытаясь заручиться поддержкой своей партии (СДПА) на выборах в парламент земли Нижняя Австрия, прилагает все усилия, чтобы приобрести популярность, в том числе раздает пакеты с вафлями и со своим изображением.

- (7) „**Küss die Hand**“, sagt er zu der einen Verkäuferin. „Der Fesche am Sackerl da bin ich“, zur anderen. Drinnen gebe es Schnitten, „weil i bin a Süßer“ (Die Presse. 24.01.2018).

Использование фразеологического австрицизма *Küss die Hand* в качестве приветствия демонстрирует попытку «заигрывания» политика с простым народом.

В тексте сатирического комментария к прошедшим теледебатам по вопросу об отмене платежей за радио и телевидение в Швейцарии “*Flasche leer bei «No Billag»*” автор применил швейцарский вариант фразеологизма *sich / jemanden zum Kasper machen* ‘*sich / jemanden lächerlich machen*’ в отношении одного из участников передачи:

- (8) *Mit einer peinlichen Zehnerntli-Nummer machte sich Kessler gegen Ende der Sendung unumstösslich zum Kasperli* (<http://www.persoendlich.com>).

В данном случае использование в одном предложении двух слов с диминутивным суффиксом *-li* не столько придает национальный колорит, сколько способствует усилению уничижительного эффекта.

4. Семантическая модификация национально отмеченных фразеологизмов и экспликация их внутренней формы в контексте газетной публикации.

К сравнительно редким случаям такого рода можно отнести примеры использования фразеологических гельвецизмов *am Hag sein* и *jetzt ist genug Heu unten*. Оба фразеологизма являются письменной адаптацией диалектных выражений и обнаруживают в швейцарской прессе весьма частую употребительность.

Критическая статья в газете “*Tages-Anzeiger*” о судьбе территории бывшего аэродрома в местечке Дюбендорф имеет заголовок “*Am Hag*”, который состоит из эллиптированной формы исходного фразеологизма *am Hag sein* (‘*nicht weiter wissen, ratlos sein*’). Использование данного фразеологизма дает возможность двойной актуализации значения — прямого (‘*am Zaun*’) и фразеологического, подчеркивающей безысходность ситуации, сложившейся на ороженной территории:

- (9) *Am Hag*
Der Flugplatz Dübendorf ist eine Projektionsfläche für alle und alles: Er soll Flughafen, Innovationspark, Freizeitareal, Expogelände sein. Wir sind einmal rundherum spaziert (*Tages-Anzeiger*. 28.05.2017).

Интересно, что в самом тексте статьи данное выражение не повторяется, а в самом первом предложении автор предпочел использовать собственно немецкое *am Zaun*:

- (10) *Man wird ja gewarnt, wenn man am Zaun des Flugplatzes Dübendorf steht.*

К скандалу, вызванному обнаружением конины в продуктах фирмы Нестле, обращается журналист швейцарской «желтой» газеты „Blick“ и использует в подзаголовке статьи „Schweizer Bauern fordern ein Umdenken“ фразеологизм *es ist genug Heu unten* (‘jetzt ist es aber genug’), пришедший из дискурса крестьянского быта. Автор обыгрывает образную основу фразеологизма, включая при этом метаязыковую подсказку — вводное *sozusagen*:

- (11) Schweizer Bauern fordern ein Umdenken
BERN — Jetzt wurde auch in Nestlé-Produkten Pferdefleisch entdeckt. Für den Bauernverband ist nun sozusagen genug Heu unten. Er fordert die Konsumenten zum Nachdenken auf (Blick. 19.02.2013).

Заголовок комментария на тему домов престарелых в газете NZZ обнаруживает игру слов с использованием фразеологического гельвецизма (*zu jmdm., etw. Sorge tragen* (‘sich um jmdn., etw. kümmern’))

- (12) **Sorge tragen** zur privaten Altersvorsorge
Harte Regulierung, harte Kapitalvorschriften, tiefe Zinsen: Die Lebensversicherer haben Probleme, im BVG-Geschäft auf einen grünen Zweig zu kommen. Die Berset-Vorlage macht es noch schwieriger (NZZ. 25.5.2017).

Еще Х. Бургер обратил внимание на то, что данное выражение состоит из общенемецких лексических компонентов и, скорее всего, не осознается швейцарцами как гельвецизм [1, с. 221]. Это косвенно подтверждается достаточно частым употреблением данного фразеологизма как в заголовках, так и в интервью политиков. В частности, материал под рубрикой „Gedanken“, в котором автор выражает озабоченность по поводу состояния окружающей среды и изменения климата, озаглавлен «Mehr *Sorge tragen* zur Natur!». В заключительном абзаце данной статьи автор еще раз использует это выражение, тем самым усиливая аргументацию и воздействие на читателя:

- (13) *Es ist unsere Pflicht, **Sorge zur Umwelt zu tragen**. Nach uns sollen schliesslich hier auch noch Menschen angenehm leben können* (Landanzeiger. 11.01.2018).

Данный фразеологизм нынешний мэр города Цюрих Корин Маух применяет в интервью, опубликованном в газете NZZ под заголовком «Unsere Bevölkerung will kein Spektakel» в связи с предстоящими выборами в городской парламент. В ответ на упрек в том, что она и ее партия занимаются только управленческой деятельностью, она говорит:

- (14) *Wer etwas verwalten will, muss zuerst etwas haben. Wenn also «verwalten» heisst, den Errungenschaften und dem Erreichten in dieser Stadt **Sorge zu tragen**, es für die Zukunft zu sichern und weiterzuentwickeln, kann ich das akzeptieren* (NZZ. 15.1.2018).

5. Использование устойчивых словосочетаний терминологического характера, отражающих особенности общественного устройства в Австрии и Швейцарии, в новостных текстах официальной прессы.

Такого рода выражения, например, швейцарские *eine Motion einreichen / annehmen, den Vorstoss annehmen / gutheissen* и др., не обладают образной основой и представляют собой преимущественно фразеологические термины разной структуры, необходимые для адекватного изложения информации внутривосточного характера, в том числе для информирования о законодательных, управленческих, юридических, экономических мерах и событиях. При необходимости они могут неоднократно использоваться даже в пределах одного и того же газетного сообщения:

- (15) *Die Staatspolitische Kommission des Nationalrats **reichte** im April **eine Motion ein**, welche die vorläufige Aufnahme durch einen neuen Status ersetzen wollte. <...>. Während der Nationalrat **den Vorstoss annahm**, wies der Ständerat ihn an seine Kommission zurück* (NZZ/ 7.1.2018).

В швейцарских газетах обращает на себя внимание употребительность в текстах прессы, в том числе в заголовках, гельвецизма *bachab schicken* ('verwerfen, ablehnen') в связи с отрицательным решением вопроса о принятии многочисленных инициатив, что отражает особенности так называемой прямой демократии в Швейцарии:

- (16) *Neues Wassergesetz: Bürgerliche **schicken** Fonds für Renaturierungen **bachab*** (Limmattaler Zeitung, 6.2.2018)
- (17) *Die Stadtpolizei überlebt: Solothurner **schicken** Vorstoss **bachab*** (Solothurner Zeitung 27.6.2017)
- (18) *Bündner und Tessiner Gemeinden **schicken** Nationalparkprojekt **bachab*** (Aargauer Zeitung, 27.11.2016)

Из самых свежих примеров можно привести сообщение в NZZ под заголовком «Das ist ein Mittelfinger in Richtung Bern» об отклонении парламентом Лихтенштейна соглашения о возможности обращения жителей княжества к швейцарским врачам. В подзаголовке читаем:

- (19) *Die Liechtensteiner Bevölkerung sollte in der Schweiz zum Arzt gehen können. So wollten es Alain Berset und die Regierung in Vaduz. Aber das liechtensteinische Parlament **schickte** die Vereinbarung **bachab**. Es handelte sich damit viel Kritik ein* (NZZ, 8.1.2018).

Швейцарское словосочетание *auf der Traktandenliste stehen*, соответствующее собственно немецкому *auf der Tagesordnung stehen*, также встречается на страницах швейцарской прессы, например, в статье «Kantone wollen Gewalt-Demonstranten zur Kasse bitten» о возможном введении платы за погромы во время демонстраций:

- (20) *Auch im Kanton Zürich **steht** das Thema **auf der Traktandenliste**. Der Regierungsrat muss zu einer parlamentarischen Initiative Stellung nehmen <...>* (NZZ, 24.1.2018)

Для австрийского административно-правового дискурса характерно использование терминологического словосочетания *ein Bescheid erlassen*, национальная маркированность которого обусловлена особенным понятийным содержанием компонента *Bescheid*. В Германии этот термин используется в отношении уведомления, то есть служебного письма специальной формы, содержащего один или несколько административных актов. В Австрии же он служит для номинации решений и распоряжений, принятых административными органами в отношении конкретных лиц, компаний и так далее и выражающих определенное официальное намерение властей. Именно в этом значении фразеологизм обнаруживается в газетных публикациях, содержащих официальную информацию о принятых различными органами решениях. Например, в статье под заголовком “Doppel-Staatsbürgerschaft: Kaum

Verfahren gegen Austro-Türken“ в газете “Die Presse“ речь идет о проверке наличия двойного австрийско-турецкого гражданства и принятии решений в отношении установленных граждан:

(21) *Bisher seien zwei **Bescheide erlassen** worden, sagte Peter Anerinhof, Leiter der Abteilung Staatsbürgerschaft und Wahlen beim Land Niederösterreich (...).*

*In Tirol wurde in Zusammenhang mit der türkischen Wählerevidenz, die seitens der FPÖ im Mai 2017 dem BMI übermittelt worden war, ein Musterverfahren eingeleitet und **ein Bescheid erlassen**, teilte das Land mit (Die Presse. 21.01.2018)*

Специфически австрийское словосочетание *in Karenz gehen* (*Karenz –Karenzurlaub — unbezahlter Urlaub*) [4, с.388] приобрело в определенном мере символический характер в период предвыборной кампании в земле Нижняя Австрия. Представительницы партии NEOS — Новая Австрия и Либеральный форум в очередной раз выдвинули лозунг равноправия мужчин и женщин в вопросе отпуска по уходу за ребенком, который вынесен в заголовок статьи “Neos an Männer: Nicht «du musst *in Karenz gehen*, sondern du darfst”. Завершается данная новостная статья газеты “Die Presse“ повторным цитированием высказывания одной из лидеров партии, которое уже было представлено в заголовке, что обеспечивает рамочную структуру текста и тем самым направляет фокус внимания читателя:

(22) *In diesem Zusammenhang merkte sie auch an, dass Männer nicht gesagt werden solle, „du musst **in Karenz gehen**, sondern du darfst“ (Die Presse. 24.01.2018).*

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Подавляющее большинство обнаруженных в текстах прессы Австрии и Швейцарии национально специфических фразеологизмов обладают яркой образностью и служат усилению аргументации и эмоционального акцентирования внимания читателя. Использование образных фразеологизмов в большей мере характерно для аналитических и диалогических жанров (комментарий, интервью), в несколько меньшей — для новостных. Журналисты тщательно выбирают языковые средства, не стремятся приукрасить текст ради его внешней привлекательности, а уделяют основное внимание смыслу, заложенному во фразеологической единице.

Специфически австрийские и швейцарские фразеологизмы в большинстве случаев имеют общенемецкий компонентный состав и используются авторами текстов наряду с общенемецкими без намерения подчеркнуть национальную самобытность, которая, по всей видимости, ими не всегда осознается. В целом собранный материал подтверждает упомянутую выше оценку ситуации в СМИ, высказанную Х. Бургером, о «подавлении» национально специфического языкового материала общенемецким в письменном регистре, о стремлении авторов публикаций в австрийских и швейцарских печатных изданиях к использованию языковых средств по образцу собственно немецкого стандарта. Весьма заметно желание редакций газет Австрии и Швейцарии ничем не отличаться в языковом отношении от аналогичных изданий в Германии. Такая тенденция наблюдается не только в крупных надрегиональных газетах, но и в региональных изданиях.

Немногочисленные фразеологические австрицизмы и гельветцизмы обнаруживаются, прежде всего, в текстах интервью и других жанров при цитировании прямой речи, которая во многих случаях первоначально, вероятно, имела диалектное оформление. Такие фразеологизмы крайне редко подвергаются формальной и/или семантической модификации. При этом обращает на себя внимание достаточно частое использование фразеологических единиц, отмеченных в словарях как обиходно-разговорные (*umgangssprachlich*) или даже грубоватые, фамильярные (*salopp*), в текстах официальных интервью, в том числе политиков высокого ранга, и в новостных сообщениях, цитирующих слова высокопоставленных лиц.

Также необходимо отметить преобладание национально отмеченных фразеологизмов в заголовках и подзаголовках разнообразных по жанру публикаций, в то время как в основном массиве текста чаще используется общенемецкая фразеология.

Литература

1. *Burger, H.* Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 3., neu bearb. Aufl.. Berlin: Schmidt, 2007 (Grundlagen der Germanistik, 36).
2. *Schmid, Chr.* Schweizer gehen gerne über die Bücher [Электронный ресурс] URL: <https://www.srf.ch/sendungen/mailbox/schweizer-gehen-gerne-ueber-die-buecher> (дата обращения: 29.01.2018)

3. Домашнев, А. И., Копчук, Л. Б. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи. СПб.: Наука, 2001.
4. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol / U. Ammon. Berlin; New York: De Gruyter, 2004.

References

1. Burger, H. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. 3., neu bearb. Aufl. Berlin: Schmidt, 2007 (Grundlagen der Germanistik, 36).
2. Schmid, Chr. *Schweizer gehen gerne über die Bücher*. Available at: <https://www.srf.ch/sendungen/mailbox/schweizer-gehen-gerne-ueber-die-buecher>
3. Domashnev, A. I., Kopychuk, L. B. *Tipologiya skhodstv i razlichii iazykovykh sostoianii i iazykovykh situatsii v stranakh nemetskoi rechi* [Typology of similarities and differences in linguistic states and language situation in German speaking countries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001 (in Russian).
4. *Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol* / U. Ammon. Berlin, New York, "De Gruyter", 2004.

Копчук Любовь Борисовна

заведующая кафедрой немецкой филологии РГПУ им. А. И. Герцена,
доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Kopchuk Liubov B.

Professor, Head of the German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Doctor of Philological Sciences
Address: 48, Moika emb., 191186, St. Petersburg, Russian Federation

E-Mail: lkopchuk@herzen.spb.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АВСТРИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-ГАЗЕТЫ «HEUTE»

Ключевые слова: Heute, австрийская пресса, газетный язык, немецкоязычные газеты.

Газета «Heute» является ежедневной бесплатной частной и при этом самой тиражной газетой в Австрии. Распространяется в федеральных землях Вена, Нижняя Австрия, Верхняя Австрия и Бургенланд через специальные боксы самообслуживания на станциях метро, остановках общественного транспорта, общественных местах. Целевой группой являются люди, ежедневно пользующиеся общественным транспортом для поездки на работу или учебу. Возрастной ценз этой группы составляет меньше 30 лет. Основными темами газеты являются политика, спорт и хроника. Газета классифицируется как бульварная. Ее характер и целевая группа определяет не только внешнюю форму, но и явно язык — незамысловатую, общеупотребительную лексику и простую структуру предложений.

V. B. REBIKOV

St. Petersburg State University

LANGUAGE FEATURES OF THE AUSTRIAN INTERNET NEWSPAPER “HEUTE”

Keywords: Heute, Austrian press, newspaper language, German language newspapers.

“Heute” is a daily free private newspaper in Austria. It circulates in federal lands of Vienna, Low Austria, Upper Austria and Burgerland. It is spread through special self-service boxes in metro stations, at public transport stops and other widely used places. The target audience is people, who use public transport daily to get to their place of work or study. The average age of the target audience is up to thirty. The main topics of the newspaper are politics, sport and current events. The newspaper is classified as tabloid. It's appearance, easy language and sentence structure are defined by it's target readers.

Газета «Хойте» (“Heute“) является самой распространенной дневной газетой в Австрии. Печатный тираж газеты достигает 605526 экземпляров (по данным 2017 года). Газета распространяется в столице Австрии Вене, в федеральных землях Нижняя Австрия, Верхняя Австрия и Бургенланд, а также в некоторых городах в других федеральных землях. Число читателей газеты достигает почти миллиона человек, при этом только в одной Вене почти пол-

миллиона читателей (31,6%). Газета выходит с понедельника по пятницу и распространяется бесплатно через специальные боксы самообслуживания, которые размещаются прежде всего на станциях метро, на вокзалах городской железной дороги, на автобусных и трамвайных остановках, в общественных местах, больницах, торговых центрах и даже в сетевых булочных. Данная газета конкурирует с газетами «Остеррейх» (“Österreich”) и «Кронен Цайтунг» (“Kronen Zeitung”), которые также распространяют часть тиража бесплатно.

Основной особенностью газеты является ее целевая группа газеты. В отличие от большинства «покупных» газет, “Neute” адресуется людям, которые едут на общественном транспорте на работу или в высшие учебные заведения и даже школы. Основными читателями газеты являются молодые люди до 30 лет (42,7%).

Что стало главной причиной такой популярности газеты? Несомненно, тот факт, что газета бесплатная, или, возможно, еще какие-то внутренние особенности, например, необычный стиль, языковые особенности?

Газета “Neute” имеет формат примерно А3 и объем в 32 страницы. Газета многоцветная с большим количеством цветных иллюстраций, в основном фотографий. Материалом для анализа в данной статье послужили номера газеты с октября 2017 года по январь 2018.

Основными темами, освещаемыми в газете, являются Австрия, мир, политика, экономика, цифровой мир, спорт, сообщество, сцена, люди, жизнь, выигрыши и развлечения, представленные в озаглавленных вышеперечисленным образом рубриках. Большое место в газете уделяется также рекламе, так как эта бесплатно распространяемая газета существует за счет рекламы. Газета «Neute» считается бульварной газетой, то есть газетой с «ограниченной серьезностью» [4], хотя в самом начале бульварные газеты распространялись через розницу и на них не было подписки. Наряду с печатной газетой существует также ее электронная версия в формате ПДФ.

В отношении языка эта газета приспособляется к уровню знаний и интересов целевой группы, то есть людей, которые пользуются общественным транспортом, значит не самыми состоятельными, не обязательно образованными или только стремящимися к высшему образованию. В этом можно видеть полное подтверж-

дение того факта, что «публицистические речевые жанры характеризуются функционально-прагматической многофакторностью, обусловленной необходимостью отражать факты из любой сферы жизни» [2, с. 89].

Принципиальным, бросающимся в глаза отличием этой газеты является крайне простое построение предложения, что, разумеется, не означает, что там не встречаются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения.

От такого рода газеты можно было бы также ожидать большого количества слов из южных или «австрийских» диалектов немецкого языка. Однако их, вопреки ожиданиям, оказалось мало. Один из немногих примеров слово *jausnen*, имеющее в словаре помету «австр.» и значение перекусывать, полдничать, пить кофе (между обедом и ужином).

Также встречается южно-немецкое и швейцарский вариант *heuer*:

(1) **Heuer** einen Seiten-Sprung schenken (Heute. 25.11.2017, S. 22).

В данном примере речь идет не о любовной интрижке, а о рекламе книг для отвлечения и для отдыха.

Встречается и знаменитая форма существительного «помидор» в своем «австрийском» проявлении „Paradeiser“:

(2) *Steirisches Projekt: Therme heizt **Paradeiser** ein. Geheizt wird mit Thermalwasser aus 3500 Metern Tiefe! In Bad Blumau (Stmk.) reifen nun auch im Winter **Paradeiser**. Exklusiv-Partner der Frutura Thermal-Gemüswelt ist Spar (im Bild l.: Boss Gerhard Drexel (29.1.2018, S. 10).*

Австрийский вариант названия месяца январь *Jänner* полностью вытеснил немецкое название данного месяца:

(3) *Der Deutsche (44) war am 15. **Jänner** von St. Martin bei Lofer (Pinzgau) aus zur „Prax Biwakhütte“ (Bild) aufgebrochen... (24.01.2018, S. 8)*

И еще один пример на использование сразу английского слова и местной формы немецкого языка:

(4) *Häupl über Nachfolger Ludwig: **Entertainer** ist er **kaner!** (29.01.2018, S. 15).*

Речь в данном случае идет об уходящем бургомистре столицы Австрии Вены, который говорит о своем преемнике на этом посту, давая ему положительную характеристику.

Объяснением такого редкого употребления «австрийских» слов в газете, вероятно, является тот факт, что газета, распространяемая в столице страны, даже мировой столице, где много иностранцев, ориентирована на более широкий круг читателей и не может себе позволить, чтобы кто-то не понимал каких-то отдельных слов.

Вопреки ожиданиям в газете оказалось не очень много и английских слов. Их большая концентрация не в самом тексте материалов, а в аппарате газеты, например, в меню рубрик: Digital, Community, People, Life, Timeout. Однако они встречаются и в тексте:

(4) *First Lady verlässt den Grünen Parlamentsclub* (24.01.2018, S. 4).

В данном случае речь идет о супруге президента Австрийской Республики Александра ван дер Беллена.

В каждом номере газеты размещается много коротких заметок до 300 печатных знаков, чаще по верху каждой полосы. Некоторые из них можно рассматривать и как подписи под иллюстрациями, если они есть. Часто они носят несколько скандальный характер, что, вероятно, служит для того, чтобы заинтересовать или даже завлечь читателя:

(5) *100 Folgen im TV analysiert. Schmutzig: TV-Köche waschen Hände nicht. Laut deutschem „Bundesinstitut für Risikobewertung“ machen TV-Köche im Schnitt alle 50 Sekunden einen Hygienefehler — dreckige Hände am Geschirrtuch abwischen, mit den Fingern salzen, nach Kratzen, Niesen, Husten nicht die Hände waschen. Igitt!* (22.01.2018, S. 3)

Это может быть и совершенно серьезная и важная информация для всей страны, например, короткий обзор безработицы в различных федеральных землях Австрийской Республики:

(6) *Starke Unterschiede nach Bundesländern. Arbeitslosenzahlen: 5,3 % in Salzburg, aber 13 % in Wien. Die Arbeitslosigkeit lag 2017 in Österreich bei 8,5 %. Negative Rekordhalter: Wien (13 %) vor Kärnten (10,2 %). An der Spitze die Westbundesländer Salzburg (5,3 %), Vorarlberg (5,8 %) und Tirol sowie Oberösterreich (je 5,8 %). Niedrigste Quote aller Bezirke: Rohrbach (OÖ, 3 %) (22.01.2018, S. 4)*

Как уже было сказано выше, это могут быть расширенные подписи к иллюстрациям, как например, фотография микроавтобуса, который съехал прямо в подземный переход и торчит из него,

перегородив весь проход, что, разумеется, создает серьезные проблемы для пешеходов. В данном случае интересно то, что данная информация помещена в столичной газете, а произошло это происшествие в небольшом городке в Каринтии, в федеральной земле к северу от столицы:

- (7) *Kleinbus blieb stecken. Oha! Das ist doch keine Tiefgarage. Dieser weiße Kleinbus „verirrte“ sich bei Althofen (Ktn.) in eine Fußgängerunterführung. Der Lenker kam von der Straße ab und schlitterte den schmalen Gang herunter. Dabei wurden der Fahrer und zwei Beifahrer verletzt. Zwei weitere Mitreisende blieben unverletzt.* (24.1.2018, S. 8).

В таких небольших заметках часто встречаются английские слова, которые не имеют эквивалентов в немецком языке и являются терминами во многих языках, заполняя таким образом соответствующие денотативные лакуны:

- (8) *14- und 18-karätiges Gold. Rückkehr: Ringe aus Dell-Computern. In den **Motherboards** von **Computern** steckt eine Menge Gold: Dell **recycelt** jetzt das Edelmetall alter Geräte und macht daraus Ringe, Ohringe und Manschettenknöpfe. Schauspielerin Nikki („Twilight“) bewirbt den Schmuck.* (24.1.2018, S. 2).

Слова «материнская плата» и «перерабатывать» существуют и в других языках, а вот конкурентоспособных форм для слова «компьютер», кроме известного французского «ordinateur» вряд ли можно вспомнить.

Еще один пример на использование английских слов в газете — слово «чат», которое тоже вошло во многие языки мира:

- (9) *Online-Chat zur Häufl-Nachfolge. Schieder: SPÖ-Befragung vor Koalitionen vorstellbar. Die Befragung der Mitglieder nach deutschem Vorbild sei für ihn denkbar, erklärt Bürgermeister-Anwärter Andreas Schieder im SPÖ-Chat. Ein klares Nein sagt er zu Sammellagern für Flüchtlinge, ein Ja zum S-Bahn-Ausbau und zum Lobautunnel.* (24.1.2018, S. 11).

Речь идет о возможности опроса избирателей по важным политическим вопросам жизни страны, дискуссии о беженцах, о необходимости принимать их в стране или других насущных потребностях города или даже всей страны.

Следующий пример также очень примечателен не только своим несколько забавным предметом обсуждения, но и тем, что здесь использовано целых три английских заимствованных слова, которые легко могли бы быть заменены немецкими. Может быть, выбор именно этих трех иностранных слов должен выражать иронию по поводу надуманности, бесполезности предмета, который выражен как раз немецким словом “Halter“. Кроме того, слово «гаджет» в современном языке обозначает чаще какие-то электронные приборы, хотя в словаре указано, что это может быть и механический прибор, как и в данном случае просто механический держатель для банана. В этой связи возникает важный вопрос, это держатель для одного банана или для нескольких:

- (10) *Gadget für Obst-Freaks. Ganz neu: Halter für die Rad-Banane. Darauf hat die Welt gewartet: Wer beim Radeln nicht auf die Banane verzichten kann — jetzt gibt's einen Bananen-Halter für das Bike. Preis: 49 €, zu haben bei biken.us (29.1.2018, S. 3).*

Особого внимания заслуживают также заголовки, встречающиеся в анализируемой газете. Иногда в заголовке совсем небольшой заметки заключается главная информация, и сама заметка, собственно говоря, уже и не нужна. Пример, когда мать хочет получить от своей пятилетней дочки плату за квартиру, уже не требует особых комментариев, читателю уже и так все понятно. Даже возраст указан не словами, а просто цифрой в скобках:

- (11) *US-Mutter verlangt von ihrer Tochter (5) Miete. (19.01.2018, S. 3).*

Следующий пример такого же типа. Совсем простое по своей внешней синтаксической структуре предложение, сложное существительное для обозначения преступника, указание на возраст и закономерный результат — лишение свободы:

- (12) *Messerstecher ist 12 Jahre alt — Haft. (19.01.2018, S. 3).*

В следующем предложении информация носит, скорее, ироничный характер, хотя речь тоже идет о преступлении, только неудавшемся:

- (13) *Einbrecher schlief am Boden in Lokal (1.02.2018, S. 15).*

Еще одно, совсем короткое заглавие: *Daddy cool!* Это заглавие по существу является подписью к иллюстрации, которая изображает

изобретение находчивого молодого отца: некий гибрид самоката, скейтборда и детской коляски, которая позволяет родителю одновременно и везти детскую коляску, и ехать самому как на самокате:

- (14) *Daddy cool! Wer sagt, dass Eltern beim Transport ihrer Kinder auf Spaß verzichten müssen? Quinny hat einen Weg gefunden, Longboards und Buggys miteinander zu verbinden — dank „Lomgboardstroller“ (599 €) bleiben Papa und Mama fit.* (24.01.2018, S. 2).

Обращают на себя внимание и некоторые другие английские заимствования, обозначающие модные транспортные средства.

Таким образом, целевая направленность газеты *Heute* на молодых людей (до 30 лет), ежедневно пользующихся общественным транспортом для поездки на работу или учебу, является определяющим фактором для выбора внешней формы газеты, темы сообщения (политика, спорт, хроника), упрощенной лексики и синтаксически простого построения высказываний.

Литература

1. *Былинский, К. И.* Язык газеты. Избранные работы / сост. К. М. Накорякова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
2. *Провоторов, В. И.* Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка): учеб. пособие. 2-е изд. испр. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2013.
3. URL: <http://epaper.heute.at/> (дата обращения: 26.12.2017).
4. URL: <http://www.heute.at/> (дата обращения: 16.12.2017).
5. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Boulevardzeitung> (дата обращения: 23.11.2017).

References

1. *Bylinskij, K. I.* *Iazyk gazety. Izbrannye raboty* [Language of newspaper. Selected works]. Compil. K. M. Nakoryakova. Moscow, Izd-vo Mosk. univers., 1996. (In Russian)
2. *Provotorov, V. I.* *Oчерки по zhanrovoi stilistike teksta (na materiale nemetskogo yazyka): ucheb. posobie* [Esseys on texts genre style (based on the material in German language)]: Study guide. 2nd ed. Moscow, NVI-TEZAURUS, 2013. (In Russian)
3. Available at: <http://epaper.heute.at/> (accessed: 26.12.2017).
4. Available at: <http://www.heute.at/> (accessed: 16.12.2017).

5. Available at: <https://de.wikipedia.org/wiki/Boulevardzeitung> (accessed: 23.11.2017).

Ребиков Валерий Борисович

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ,

кандидат филологических наук,

Адрес: Российская Федерация,

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Valerij B. Rebikov

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: v.rebikov@spbu.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ СМИ

Ключевые слова: теория прецедентности, прецедентное имя, немецкие прецедентные имена, язык СМИ, когнитивная лингвистика.

Прецедентные имена как особый подвид прецедентных феноменов присутствуют в текстах СМИ различной жанровой принадлежности: их употребление зафиксировано как в информационных, так и в аналитических жанрах. При этом использование прецедентных имен в этих жанрах медиатекстов отмечено целым рядом специфических особенностей: в зависимости от жанра СМИ можно проследить определенные тенденции употребления прецедентных имен тех или иных тематических групп, отличающихся особыми морфологическими и синтаксическими характеристиками, а также выполняющих в тексте заданные адресантом данного жанра медиатекста функции.

E. S. STEPANOV

St. Petersburg State University

GENRE SPECIFICS OF THE USE OF PRECEDENT NAMES IN GERMAN MEDIA TEXTS

Keywords: theory of precedence, precedent name, German precedent names, language of mass media, cognitive linguistics.

Precedent names, a specific subtype of precedent phenomena, can be found in mass media texts of a broad spectrum of genres. Their use is noted in particular both in informational and analytical genres. The use of precedent names in media texts is marked by a row of specific peculiarities which examination is the subject of the present article. Depending on the mass media genre it is possible to trace the tendencies of the use of precedent names of particular thematic groups that are characterized by special morphological and syntactical features as well as fulfill specific functions intended by the author in text.

Введение

В современных СМИ наблюдается тенденция вводить прецедентные имена — один из подвидов прецедентных феноменов, заключающих в себе дополнительную внеязыковую информацию лингвокультурного толка, — в медиатексты для придания последним дополнительной эмотивности и образности, а также для привлечения внимания читателя и установления более доверительных отношений между ним и автором. При этом прецедентные имена

встречаются в различных жанрах текстов СМИ и характеризуются определенными особенностями в зависимости от того, в какой именно разновидности медиатекстов они используются.

Традиционно при классификации жанров СМИ выделяют две большие группы — информационные и аналитические жанры. К первой группе относятся новости, интервью, репортажи, комментарии, а к группе аналитических жанров — корреспонденции и статьи [1, с. 7].

В настоящее время деление жанров СМИ часто происходит на основе того, что является предметом их рассмотрения. Так, в трактовке Т. Репковой предметом журналистики могут выступать события, проблемы и люди, в связи с чем автор выделяет три класса современных жанров СМИ: новостные, аналитические и эмоциональные [2, с. 13]. Фокус новостных жанров нацелен на отражение событий, в этой группе как жанры выделяются различные типы новостных заметок, а также событийное интервью. Предметом аналитических жанров или «рациональной публицистики» является решение людьми проблем; среди аналитических жанров можно отметить статью, комментарий и экспертное интервью. «Эмоциональной публицистике» интересны сами люди и их характеры, поэтому к эмоциональным жанрам относятся репортаж, портрет, личностное интервью.

Для исследования жанровой специфики употребления прецедентных имен в немецких СМИ на базе системы автоматизированных корпусов текстов COSMAS II были отобраны и проанализированы 1013 случаев использования прецедентных имен в текстах различной жанровой принадлежности. Наибольшее количество контекстных реализаций прецедентных имен, а именно 547 реализаций, было зафиксировано в жанре аналитической статьи. В ин-

Рис. Количество контекстных реализаций прецедентных имен в текстах различных жанров СМИ

формационных жанрах, в частности в заметках и событийных статьях, обнаружено 319 случаев употребления прецедентных имен, а в личностных интервью и репортажах, то есть в «эмоциональной публицистике», — 147 (см. рисунок).

В зависимости от того, в тексты какого жанра вводятся прецедентные имена, эти онимы могут характеризоваться специфическими особенностями употребления.

Аналитические жанры

В аналитической статье производится анализ и обобщение фактов и явлений, а рассмотрение событий производится от общего к частному: автор статьи для получения научно обоснованных выводов исследует факты в глобальных масштабах [3]. То обстоятельство, что именно в аналитических статьях обнаружено наибольшее число случаев использования прецедентных имен, связано с тем, что автор прибегает к ним для придания своей статье большей степени образности и экспрессивности. Журналисты вставляют прецедентные имена в свои тексты, чтобы дать читателю повод для размышления и сравнения, чтобы навести его на мысль о сопоставлении приводимых в статье фактов с уже известными прецедентными ситуациями и таким образом подвести читателя к оценке этих фактов в том или ином ключе. В исследованиях из области журналистики утверждается, что личности представляют для читателей больший интерес, чем абстрактные, комплексные социальные процессы; данное явление в зарубежной литературе получило название “human interest” [4, S. 39]. От этого в коммерческом плане выигрывают и сами издания, так как имена придают статьям личностный характер, а «каждое напечатанное имя — это три проданных экземпляра» [5, S. 100]. Пользуясь этим правилом, журналисты часто прибегают к приему характеристики персонажа статьи при помощи прецедентного имени. В статье, анализирующей футбольный скандал на матче в Дании, автор обозначает нарушившего правила футболиста Луиса Адриано «вторым Хойцером», которого в Германии часто уличали в нечестной игре:

- (1) *Aber dieser Luiz Adriano steht wohl bald synonym für alles, was Fairplay ad absurdum führt. Der zweite Hoyzer des Weltfußballs* (Nürnberger Zeitung, 22.11.2012, S. 26).

Журналисты в этой связи говорят об особом явлении — персонализации публицистических текстов, приеме, когда на первый план выходит развлекательная функция текстов, а общественные процессы освещаются ограниченно через призму поведения отдельных личностей, включенных в эти процессы. В таком случае люди называются по имени, а иногда к имени добавляются ярко окрашенные метафоры и эпитеты, что приводит к интимизации и психологизации текста, как, например, в следующем примере, где автор называет биолога Жиль-Эри Сералини за его разоблачительные исследования ГМО «Эдвардом Сноуденом науки»:

- (2) *Ein Kleiner gegen die Großen, ein furchtloser Held, ein Edward Snowden der Wissenschaft: Gilles-Éric Séralini* (Die ZEIT, 24.09.2015, S.37).

Прием персонализации в качестве одной из техник «human interest» был перенят немецкими газетами и журналами как удачный опыт американских новостных журналов Time и Newsweek. В его рамках психологизация, интимизация, подчеркивание статуса описываемого персонажа, информация о его личных отношениях, семье или имуществе становятся средствами реальной характеристики личности. Этот же прием может быть, однако, направлен и на создание эффекта отстранения, причем для его достижения применяются особые стилистические элементы, например, перегрузка атрибутами и описанием, гиперболизация, аллитерация:

- (3) *Liebe Annette Schavan, Sie haben ein wunderbares, unverheiratetes Lehrerinnen-Gesicht. Sie sind wie eine Cousine, die keinen Mann bekommen hat. Ihre Frisur ist bubihaft. So kämmten sich Frauen vor 30 Jahren. Wahrscheinlich essen Sie gerne Ziegenkäse. Ich glaube nicht, dass Sie eine Betrügerin sind.* (URL:<http://www.bild.de/news/standards/franz-josef-wagner/liebe-annette-schavan-28228768.bild.html>)

В приведенном примере из-за чрезмерно пространного иронического описания Анnette Шаван, на которую после обнаружения плагиата в ее диссертации обрушилась волна критики, у читателя возникает чувство отстраненности и неприязни к ней.

Использование онимов влияет на сам тип и структуру текста. Некоторые варианты введения прецедентного имени в дискурс могут использоваться только в определенные временные перио-

ды или в конкретных типах текстов [6, S. 165]. Так, фамильярные обозначения политиков только по фамилии возможны, например, в статьях, содержащих критику или сатиру:

- (4) *Mit dem Neusprech **der Wulffs, Kochs und Merkels**, in dem Lügen zu „Dummheiten“ werden, „Konsequenzen“ in der Verweigerung derselben bestehen und politisches Versagen im Amt zu „handwerklichen Fehlern“ wird, kann man es nicht* (Süddeutsche Zeitung, 15.02.2000, S. 17).

В данном примере фамилии немецких политиков Кристиана Вульффа, Роланда Коха и Ангелы Меркель, употребленные к тому же во множественном числе, свидетельствуют о критическом отношении автора статьи к ним.

Изучение аналитических статей показало, что прецедентные имена являются их важным компонентом благодаря высокой степени выразительности и оценочности, заключенной в компактную форму имени.

Новостные жанры

Новостные заметки предлагают читателям краткое изложение последних событий и новостей. Они направлены на передачу конкретного фактического материала. Иногда заметки выходят в расширенном виде с более подробным описанием того или иного события или происшествия. Новостные жанры отражают речь и мысли персонажей, которые принимают участие в определенных событиях, таким образом, прецедентные имена вводятся в новостные заметки, как правило, в составе маркированных или немаркированных цитат, передающих слова участников новости:

- (5) *Wie der ukrainische Premier **Arseni Jazenjuk** im September geäußert hatte, soll es **eine Mauer nach dem Berliner Vorbild** sein. „Nur so wird eine echte Staatsgrenze entstehen“, betonte er damals* (Neue Zürcher Zeitung, 13.12.2013, S. 5).

Пример выше содержит выдержку из речи Арсения Яценюка о строительстве на границах Украины стены по немецкому образцу.

Иногда в виде новости издания предлагают прямую цитату вместе с именем человека, ее произнесшего. Так, например, поступила газета *die tageszeitung*, приведя слова адвоката С. Шармера о том,

что в деле группировки «Национал-социалистическое подполье» выступит свидетель-разоблачитель (такой, как Э. Сноуден):

- (6) *Scharmer: Es freut mich, dass ein Verfassungsschutzchef zu einem neuen Snowden im NSU-Komplex aufruft* (die tageszeitung, 05.11.2016, S. 8–9).

Эмоциональные жанры

Такой вид эмоционального жанра, как репортаж, представляет собой наглядное изображение событий с субъективно окрашенной точки зрения журналиста или другого действующего лица. Автор ведет прямой обзор с места событий и для описания ситуации часто применяет прецедентные имена, отличающиеся яркой семантикой, в большинстве случаев пейоративной. В репортажах встречаются, в основном, прецедентные имена из классов хремотонимов, хрононимов и праксонимов. В репортаже с фестиваля в Казантипе для обозначения входной зоны использовано прецедентное имя *Eiserner Vorhang*, намекающее читателю, что вход на мероприятие строго регулируется:

- (7) *Wenn man erst einmal drin ist in Kazantip. Ein „Eiserner Vorhang“ verwehrt die Einreise. Inmitten der Grenzbefestigungsanlagen aus Beton steht eine „Botschaft“, die gegen hohe Gebühr „Visa“ ausstellt* (FOCUS, 18.08.2003, S. 092–097).

Другая разновидность эмоциональных жанров — личностное интервью — определяется как изложение фактов от имени того, с кем ведется беседа, а его целью является раскрытие личности интервьюируемого, его целей, намерений и мотивации. При этом либо интервьюер, либо сам интервьюируемый могут сравнивать описываемую личность с какой-либо иной, употребляя для этого прецедентное имя. В такой ситуации используемые прецедентные имена обычно обладают мелиоративными коннотациями и служат для сравнения, в основном по неким положительным качествам. В этих случаях часто используются конструкции, где к прецедентному имени для уточнения его характеристики добавляются несогласованные атрибуты в постпозиции. Прецедентное имя при этом может стоять в позиции «семантического предиката». В интервью с певцом Samprino интервьюер, например, ссылается при сравне-

нии мастерства своего интервьюируемого на футболиста Ули Хенесса:

- (8) *Eigentlich sind Sie der Uli Hoeneß der deutschen Rockszene.*
(URL:http://www.focus.de/kultur/musik/tid-25970/interview-mit-saenger-campino-ich-brauchte-die-exzesse-und-den-kontrollverlust-ich-zolle-uli-hoeness-grossen-respekt_aid_760210.html)

При сопоставлении двух подвидов эмоциональных жанров — репортажа и личного интервью — было установлено, что прецедентные имена вводятся в тексты этих жанров с двумя противоположным целями: в первом случае, как правило, для негативной характеристики, во втором — для положительного сравнения.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что прецедентные имена встречаются во всех жанровых группах немецких СМИ. Особенно часто они употребляются в жанре аналитической статьи в качестве приема яркого образного и метафорического обозначения социальных процессов и событий. В статьях прецедентные имена выступают средством экспрессивной оценки, с помощью которого автор может выразить свое личное отношение к происходящему. Кроме того, прецедентные имена используются в информационных жанрах в качестве цитат из речей действующих лиц новостей. В связи с этим в новостных заметках они не передают личного мнения автора, а служат только для ознакомления читателя с позицией политиков и общественных деятелей. В «эмоциональной публицистике» прецедентные имена могут вводиться для характеристики интервьюируемых, которая в жанре репортажа является обычно отрицательной, а в жанре личного интервью — положительной.

Литература

1. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.
2. Репкова, Т. Новое время: как создать профессиональную газету в демократическом обществе. М.: IREX ПроМедиа, 2004.
3. Кадькова, И. Жанры журналистики. URL: <http://zhurnalistika.net/20110313845/teoriya-zhurnalistiki/osnovy-zhurnalistiki/irina-kadykova.-zhanry-zhurnalistiki.html> (дата обращения: 04.01.2018).

4. Robling, F.H. *Personendarstellung im Spiegel — erläutert an Titel-Stories aus der Zeit der Großen Koalition*. Tübingen: Niemeyer, 1983.
5. La Roche, W.von. *Einführung in den praktischen Journalismus*. Mit genauer Beschreibung aller Bildungswege. 10, Neubearb. Aufl. München: Springer, 1987.
6. Ittner, A. *Namen — Wissen — Textkonstitution // Nominalization, Nomination and Naming* / Hrsg. Chr. Todenhagen, W.Thiele. Tübingen, Stauffenburg, Verlag Brigitte Narr, 2007. S. 157–169.

References

1. Kolesnichenko, A. V. *Prakticheskaja zhurnalistika. Uchebnoe posobie [Practical journalistic. Study guide]*. Moscow, Izd-vo Mosk. univers., 2008. (In Russian)
2. Repkova, T. *Novoe vremia: kak sozdat' professional'nuiu gazetnu v demokraticeskoi obshchestve [The New Time: How to create a professional newspaper in democratic society]*. Moscow, IREX Promedia Publ., 2004. (In Russian)
3. Kadykova, I. *Zhanry zhurnalistiki [Genres of journalistic]*. Available at: <http://zhurnalistika.net/20110313845/teoriya-zhurnalistiki/osnovy-zhurnalistiki/irina-kadykova.-zhanry-zhurnalistiki.html> (accessed: 04.01.2018). (In Russian)
4. Robling, F.H. *Personendarstellung im Spiegel — erläutert an Titel-Stories aus der Zeit der Großen Koalition*. Tübingen, Niemeyer, 1983.
5. La Roche, W.von. *Einführung in den praktischen Journalismus*. Mit genauer Beschreibung aller Bildungswege. 10, Neubearb. Aufl. München, 1987.
6. Ittner, A. *Namen — Wissen — Textkonstitution. Nominalization, Nomination and Naming*. Chr. Todenhagen, W.Thiele (eds). Tübingen, Stauffenburg, Verlag Brigitte Narr, 2007. S. 157–169.

Степанов Евгений Сергеевич

Старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Evgenii S. Stepanov

Senior lecturer of German Philology Department,

St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-Mail: st0216@spbu.ru

IV. РЕЦЕНЗИИ

К. А. ФИЛИППОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

Рецензия на книгу: Anna Andreeva. *Metaphern im ethnischen Diskurs. Eine kognitiv-linguistische analyse anhand der modernen deutschen Presse.* — Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2016. — 336 S. (Reihe Stauffenburg Linguistik, Band 92)

К. А. FILIPPOV

St. Petersburg State University

Book review: Anna Andreeva. *Metaphern im ethnischen Diskurs. Eine kognitiv-linguistische Analyse anhand der modernen deutschen Presse.* — Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2016. — 336 S. (Reihe Stauffenburg Linguistik, Band 92)

Современное геополитическое положение и глобальные миграционные процессы обуславливают постоянно растущее внимание специалистов разных областей к этнической проблематике. Изучение сложных вопросов, связанных с разрешением этнических конфликтов, располагается в центре многих научных изысканий.

Рецензируемая книга представляет собой монографическое исследование, посвященное лингвистическому исследованию метафорического представления этнических конфликтов в прессе ФРГ. Это исследование было опубликовано в Германии и успешно защищено в виде докторской диссертации в университете г. Кёльна. Попутно следует отметить, что автор данной монографии А. В. Андреева свое высшее филологическое образование получила в Санкт-Петербургском государственном университете на кафедре немецкой филологии.

Содержание монографии можно представить в виде двух больших тематических и одного вспомогательного блоков. Первый тематический блок охватывает четыре начальные главы монографии (1. *Diskurs*, 2. *Ethnischer Diskurs*, 3. *Metapher*, 4. *Ethnischer Diskurs als*

Untersuchungsobjekt). В этой части содержится изложение некоторых теоретических и методологических моментов, положенных в основу авторского описания. Во втором тематическом блоке монографии, охватывающем три последующие главы (5. *Metaphorisch vermittelte Konzeptualisierungen im ethnischen Diskurs*, 6. *Funktionsweise der Metapher im ethnischen Diskurs*, 7. *Diskussion und Ausblick*), содержится описание авторских наблюдений над практическим материалом и обсуждение полученных результатов. В завершении монографии приводится библиографический список (8. *Literatur*), насчитывающий 230 наименований на немецком и английском языках и список источников практического материала (9. *Korpusquellen*) в виде ссылок на такие популярные немецкие издания, как *Süddeutsche Zeitung* (264 статей), *Die Welt* (167 статей), *Spiegel Online* (179 статей), *Bild* (124 статей).

При рассмотрении сложных теоретических вопросов речевой коммуникации автор придерживается универсального принципа изложения содержания, следуя от рассмотрения общих принципов построения дискурса к конкретному описанию одной из его разновидностей — к описанию этнического дискурса. Понимание дискурса как «совокупности текстов, объединенных определенной темой» (*als eine Gesamtheit von Texten zu einem bestimmten Thema*) (с. 26) с неизбежностью приводит автора к рабочему определению «этнического дискурса» как «совокупности всех существующих высказываний», посвященных теме этнических конфликтов (*der ethnische Konflikt*) в современном обществе (с. 36). При этом интегративная трактовка метафоры как когнитивного, лингвистического, эмоционального и дискурсивного феномена (с. 94) позволяет автору выявить основные метафорические модели, характеризующие состояние «этнического дискурса» в представлении современной немецкой прессы.

Метафорическое осмысление текстов, связанных с освещением темы этнических конфликтов, автор проводит по двум направлениям, разграничивая «дискриминационный этнический дискурс» (*diskriminierender ethnischer Diskurs*) и «антидискриминационный этнический дискурс» (*antidiskriminierender ethnischer Diskurs*). К сожалению, в монографии отсутствует подробное разъяснение того, по каким принципам происходит разграничение двух видов этнического дискурса. В результате приходится полагаться на собственное понимание семантики слов «дискриминационный» и «антиди-

скриминационный», чтобы уяснить, какой смысл автор вкладывает в понятия «дискриминационный этнический дискурс» и «антидискриминационный этнический дискурс». В отсутствие такого разъяснения читатель вынужден а priori верить автору в правомерность предпринимаемого разграничения, что свидетельствует о некоторой субъективности авторского подхода.

Авторские наблюдения показывают, что набор метафорических моделей различен в двух вышеназванных видах этнического дискурса. Основными метафорическими моделями, характерными для дискриминационного этнического дискурса, являются концепты, взятые из мира войны (KRIEGSWELT), растительного (PFLANZENWELT) и животного (TIERWELT) мира, природных катастроф (NATURKATASTROPHENWELT), семьи (FAMILIENWELT), телесного мира (KÖRPERWELT), мира спорта и иных игр (SPIEL-/SPORTWELT). Список этих моделей почти полностью повторяется при описании метафорических моделей, наблюдаемых в антидискриминационном этническом дискурсе, в него добавляются мир театра (THEATERWELT), музыки (MUSIKWELT), искусства (KUNSTWELT), техники (TECHNIKWELT), деловых отношений (GESCHÄFTSWELT). Кроме того, метафорическое осмысление природных катастроф заменено на мир природных феноменов (WELT DER NATURPHÄNOMENE).

При описании особенностей функционирования метафоры в этническом дискурсе А.В. Андреева опирается на трехчастную модель К. Бюлера, выделявшего, как известно, репрезентативную, апеллятивную и экспрессивную функции языкового знака. В рецензируемой книге эти функции получили название соответственно информативной, персуазивной и людической функций. При этом объектом внимания автор обращает внимание только на две последние функции, полностью исключая из рассмотрения информативную функцию метафоры.

В этом вопросе автор несколько расходится с авторитетным мнением К. Бюлера о необходимости интегративного подхода к рассмотрению языковых знаков в реальной коммуникации. Модель функций языкового знака К. Бюлера имплицитно подразумевает необходимость комплексного рассмотрения функций языкового знака без какого-либо изъятия. В то же самое время К. Бюлер прямо говорит о возможности доминирования одной из функций в конкретном акте коммуникации; см.: (Бюлер. К. Теория языка. Репрезентатив-

ная функция языка. М., 1993. С. 37). Поэтому исключение из рассмотрения информативной функции метафоры должно быть специально аргументировано.

Персуазивная метафора (*die persuasive Metapher*), получая многократное усиление на разных уровнях текстовой организации, встраивается, по мнению А. В. Андреевой, в общую стратегию воздействия. При этом прагматическое воздействие метафоры нередко сопровождается применением риторических приемов и средств экспрессивного синтаксиса, что усиливает эмоциональное воздействие метафоры. Людическая функция (*die ludische Funktion*), в основе которой лежит ориентация на эстетическое чувство реципиента (*mit dem ästhetischen Gefühl des Rezipienten*), выступает вторичной по сравнению с персуазивной функцией.

Таким образом, понимание метафоры как речевого феномена, аккумулирующего в себе особенности лингвистического, когнитивного и эмоционального аспектов, позволяет автору сделать любопытные наблюдения и наметить пути дальнейшего исследования метафорического осмысления этнических конфликтов на стыке разных дисциплин.

Данная монография предназначена не только для языковедов, но и для специалистов других областей, занимающихся вопросами разрешения этнических конфликтов, — политологии, социальной психологии, философии, журналистики.

Филиппов Константин Анатольевич

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ,

доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,

Университетская наб., 7–9.

Konstantin A. Filippov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.filippov@spbu.ru

Л. Н. ГРИГОРЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Рецензия на книгу: Zuzana Bohušová „Aspekte der Mündlichkeit. Ein Studienbuch“. Nümbrecht: Kirsch Verlag, 2016

L. N. GRIGORIEVA

St. Petersburg State University

Book review: Zuzana Bohušová „Aspekte der Mündlichkeit. Ein Studienbuch“. Nümbrecht: Kirsch Verlag, 2016

Es wurde aus zwei Gründen beschlossen, über dieses Buch hier zu erzählen. Erstens, damit sich die russischen Germanisten besser vorstellen können, womit sich unsere Kollegen aus Osteuropa befassen. Und zweitens, da die Germanisten von der Matej-Bel-Universität Banská Bystrica in ihrer Arbeit die Aufmerksamkeit auf nicht schriftlich fixierte sondern auf mündliche Sprache lenken, wird dadurch eine bestimmte Lücke in unserem Sammelband gefüllt.

Das Buch „Aspekte der Mündlichkeit. Ein Studienbuch“ (Hrsg. Zuzana Bohušová) umfasst mündliche Aspekte der deutschen Sprache (der sogenannten gesprochenen Sprache), die für verschiedene menschliche, incl. berufliche Tätigkeiten von besonderer Wichtigkeit sind. Die Besonderheit dieses Studienbuchs besteht darin, dass die Probleme der Mündlichkeit unter dem didaktischen Blickwinkel Deutsch als Fremdsprache betrachtet werden und dass in diesem Buch viele wertvolle, praktisch orientierte Hinweise vorhanden sind. Dieser Blickwinkel bestimmt auch einen vergleichend-kontrastiven Zugang zu den behandelnden linguistischen Fragen. Im Vergleich zu den anderen Studienbüchern dieser Art kennzeichnet dieses Buch ein breites Spektrum der darin dargestellten linguistischen Themen.

Das Studienbuch ist für ein breites Fachpublikum bestimmt, in erster Linie für Lehrer und Hochschullehrer, Lernende und Studierende, die mit Deutsch als Fremdsprache zu tun haben und deren Muttersprache eine der slawischen Sprachen ist. Interessant könnte es aber auch für alle Germanisten sein.

Das Buch besteht aus 12 einzelnen Kapiteln, die miteinander logisch zusammenhängen und einander fortsetzen. Zu den thematischen Schwerpunkten, die in diesem Studienbuch fundiert behandelt werden, gehören folgende:

- die Besonderheiten der gesprochenen Sprache,
- die Besonderheiten der deutschen Aussprache,
- die Ursachen des vorhandenen Akzents in der Fremdsprache,
- Zusammenwirken der gesprochenen und geschriebenen Sprache,
- Hintergründe der Assimilationsprozesse der Germanismen in den slawischen Sprachen,
- die Rolle der Mündlichkeit beim Dolmetschen, in der Rhetorik und Didaktik,
- der Begriff des Standards (der Norm) und des Substandards in der deutschen Sprache, Vielfältigkeit der deutschen Aussprache,
- Verwendung der modernen technischen Mittel im Prozess der gesprochenen Sprache.

Diese facettenreiche Vielfalt verleiht dem Buch ein individuelles Flair und unterscheidet es von den anderen Studienbüchern dieser Art. Jedes Kapitel erscheint dabei auch als inhaltlich abgeschlossen und kann darum getrennt von den anderen als Ergänzung zu den im Unterricht behandelnden Problemen empfohlen werden.

So bei der Behandlung der Besonderheiten der gesprochenen Sprache wird deren Primat hervorgehoben. Das lässt besser die Dichotomie der Mündlichkeit und Schriftlichkeit verstehen.

Die Beschreibung der deutschen Aussprache erlaubt, die Aufmerksamkeit darauf zu konzentrieren, was besonders schwer den Studierenden beim praktischen Erwerb der deutschen Phoneme fällt, besonders im Kontrast mit ihrer eigenen Muttersprache, wie es oben erwähnt wurde, in erster Linie einer slawischen Sprache. Dieser Versuch scheint gerade der Punkt zu sein, was dieses Studienbuch für alle Slawistik-Spezialisten, die sich mit komparativen Studien befassen, so attraktiv macht. Die Darstellung, welche Rolle die mündlichen Aspekte in der Rhetorik und zwar auch beim Dolmetschen sprechen, scheint besonders innovativ zu sein.

Die Wahrnehmbarkeit und das Verstehen werden dadurch erleichtert, dass dieses Buch mit Tabellen, Abbildungen, die den dargelegten Stoff veranschaulichen, und mit Übungsmustern, die die Fremdsprachenlehrer im Unterricht gebrauchen können, reich versehen ist. Außerdem gibt es am Ende jedes Kapitels eine Zusammenfassung und ein Literaturverzeichnis, was diesen obenerwähnten selbstständigen Charakter der einzelnen Abschnitte noch zusätzlich betont. Resümee auf Englisch und Slowakisch am Ende des Buches lässt auch ein breiteres linguisti-

schες Publikum, den Inhalt kennen lernen. Das Sachregister trägt dazu bei, dass das Lesen mehr rezipientenfreundlich wird und die Suche nach den bestimmten Begriffen erleichtert. Dieser gut durchgedachte didaktische Apparat gehört auch zu den Vorteilen dieses Studienbuches. Als besondere Verzierung erscheinen noch die fast jedem Kapitel hinzugefügt, sorgfältig ausgewählten, passenden Epigraphen.

Dieses Studienbuch kann als Lehrbuch sowohl im Seminar-Unterricht für Deutsch als Fremdsprache zur Veranschaulichung einiger sprachlichen Erscheinungen als auch eine Art Ergänzung zu den Vorlesungskursen für allgemeine Sprachwissenschaft, Phonetik, Übersetzungswissenschaft etc. empfohlen werden.

Григорьева Любовь Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ,

кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,

Университетская наб., 7–9

Liubov N. Grigorieva

Associate Professor of German Philology Department,

St. Petersburg. State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-Mail: l.grigoreva@spbu.ru

V. ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

К. В. МАНЕРОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Конференция общества «Europhras»: «Фразеология и грамматика конструкций» (Стокгольм, 22 — 24 августа 2017 г.)

K. V. MANEROVA

St. Petersburg State University

Europhras conference: “Phraseology and grammar of constructions” (Stokholm, 22 — 24.08.2017)

В августе 2017 года на базе университета Стокгольма состоялась конференция «Фразеология и грамматика конструкций» (Phraseologie und Konstruktionsgrammatik), проводимая Европейским обществом фразеологов «Еврофраз» (Europhras).

Научное общество «Еврофраз» было создано в 1999 году в немецком городе Билефельде, имеет статус некоммерческой организации. Штаб-квартира общества находится в Цюрихе. Рабочие языки, на которых пишут и проводят конференции члены Europhras — немецкий, французский, итальянский, испанский, английский. В задачи Европейского общества фразеологов входит объединение в своих рядах лингвистов, занимающихся исследованием фразеологии языков мира, информирование мирового научного сообщества фразеологов о новых направлениях и тенденциях в исследовании этой области языкознания, о новых работах, посвященных изучению устойчивых сверхсловных единиц, содействие и информационная поддержка разнообразных исследовательских проектов, объектом которых являются идиомы и фраземы (подробная информация на сайте www.europhras.org). Президентом общества на период 2016–2018 годы выбрана Катрин Штайер, сотрудник Отдела лексики Института немецкого языка (IDS Mannheim), вице-президентом — лексиколог и фразеолог, лингвист с мировым именем Д. О. Добровольский.

Важную часть деятельности Европейского общества фразеологов составляет организация и проведение многочисленных конференций, тематика которых тем или иным образом затрагивает исследования фразеологии языка и связанных с ней областей: грамматики, лингвистики текста и дискурса, корпусной лингвистики, фразеографии, метафорики, методики преподавания. Раз в три года под эгидой Европейского общества фразеологов проводится конгресс исследователей фразеологии. Традиционно конгресс включает общее, пленарные и секционные заседания. На пленарных заседаниях с докладами в разные годы выступали известные лингвисты, авторы авторитетных трудов по исследованию идиоматики и фразеологии: В.М.Мокиенко, Ярмо Корхонен, Элизабет Пиирайнен, Харальд Бургер, Александр Бирих, Наталья Филаткина, Петер Дурчо. Конгрессы Европейского общества фразеологов проходят под определенным девизом, например, в 2016 году в Трире прошел конгресс под названием «Wortverbindungen im Sprachsystem und in der Sprachverwendung: theoretisch, methodisch, integrativ», посвященный изучению устойчивых словосочетаний в системе языка и в речи, а также методике преподавания фразеологии. В 2018 году намечено проведение конгресса под общим названием “Reproduzierbarkeit aus phraseologischer Sicht: Strukturelle, funktionale und kulturelle Aspekte” в университете Белостока, основной темой которого станет представление воспроизводимости фразем как одного из их существенных свойств, в структурном, функциональном и лингвокультурном аспектах. Заявки, подаваемые на участие в конгрессах, проходят строгий отбор и экспертизу организационного комитета. Преимущественное право участия в конгрессах предоставляется членам общества «Еврофраз» (членство поддерживается на основе годовых взносов), избранные доклады участников публикуются в сборниках материалов конгресса и в ежегоднике Европейского общества фразеологов “Yearbook of Phraseology”, издаваемом международным издательством «Де Гройтер» и индексируемом в наукометрической базе «Веб оф Сайнз». Организаторы привлекают к участию в конгрессах и исследователей, не являющихся членами Европейского общества фразеологов: преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов, аспирантов, занимающихся фразеологической проблематикой. Партнерской организацией при проведении конгрессов Европейского общества фразеологов выступает Немецкое исследовательское общество (Deutsche Forschungsgesellschaft).

Но научные встречи членов Европейского общества фразеологов не так редки: несколько раз в год при поддержке научного общества «Еврофраз» проходят конференции, посвященные избранной тематике исследований устойчивых словосочетаний. Для международной конференции, научной платформой которой послужил гостеприимный Институт славянских и балтийских, финского, нидерландского и немецкого языков Университета Стокгольма в августе 2017 г., была избрана взаимосвязь фразеологии и грамматики конструкций. Тематика конференции определена не случайно: известно, что основоположник грамматики конструкций американский лингвист Чарльз Филлмор вывел основные положения своей грамматической теории из анализа регулярной структуры английских устойчивых словосочетаний, ср. его известную работу “Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone” (1988, в соавторстве с П. Кэйем и М. О’Коннор).

В течение трех дней на десяти секциях конференции «Фразеология и грамматика конструкций» были прочитаны, заслушаны, обсуждены более 50 докладов на немецком и английском языках. Каждый из трех дней конференции начинался с пленарного заседания. Так, первое пленарное заседание открыл сотрудник Института проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН И. М. Богуславский с приглашенным докладом о композициональности значения сочетания и значений его компонентов. Вслед за ним выступила признанный швейцарский фразеолог А. Хэки Бухофер с докладом о когнитивном аспекте немецких коллокаций. К. Штайер, президент Европейского общества фразеологов, посвятила свое содержательное сообщение функциональным ограничениям лексикализованных конструкций в немецком языке. А. Цим, известный немецкий лингвист, профессор университета Дюссельдорфа, предложил научному сообществу фразеологов свои наблюдения над немецкой биграмматической конструкцией *nach Belieben* (как угодно, по желанию), а также представил масштабный исследовательский проект, посвященный анализу семантики и прагматики немецких синтаксических фразеологизмов под названием “German Constructicon-Projekt”.

Все доклады на проходящих параллельных секциях конференции были поделены по принципу анализа фразеологии славянских и германских языков, что оказалось в полной мере оправданным решением. Отрадно, что в конференции участвовали многие от-

ечественные лингвисты, проводящие исследования в области не только германистики, но русистики, славистики, корпусной лингвистики: Д. О. Добровольский, И. М. Богуславский, О. В. Богуславская, Л. А. Нефедова. Убеждающей новизной и нестандартным подходом к анализу лингвистических явлений отличались доклады выпускников и сотрудников СПбГУ М. В. Хохловой, М. Копотева, И. Малаксос, К. В. Манеровой. Так, доклад К. В. Манеровой о немецких и русских фразеологизмах-конструкциях с компонентом *Gott/бог* в сравнительном аспекте вызвал живую научную дискуссию среди интернациональных участников, одобрение и пожелания продолжения исследования означенной тематики. Пристальный интерес участников конференции вызвал совместный доклад Д. О. Добровольского и Л. Пёппель, представляющий результаты исследования на основе анализа корпуса русских фразем со слотом «*возьми и Vimpr*».

В докладах зарубежных коллег (среди стран-участниц конференции были Швеция, Германия, Испания, Финляндия, Чехия) трактовались понятия фразеологических конструкций, синтаксических фразем, других не вполне регулярных языковых явлений в европейских языках. Обсуждались как общезнаменитые проблемы: соматизмы в идиоматике, коллокации, опорные компоненты фразем как носители культурных кодов, проблемы кодификации устойчивых конструкций во фразеографии, так и вопросы, входящие в узкоспециальную область исследования грамматики конструкций: комбинаторика компонентов в слотах устойчивых конструкций, анализ связи семантики и синтаксиса во фразеологизмах-конструкциях, диахронический аспект изучения синтаксических фразеологизмов.

Хочется отметить прекрасную организацию и насыщенную научную программу конференции «Фразеология и грамматика конструкций», прошедшей в Стокгольме при поддержке Европейского общества фразеологов «Еврофраз». Конференции Европейского общества «Еврофраз» предоставляют фразеологам всего мира прекрасную возможность для встреч, разнообразного сотрудничества и научных контактов.

Манерова Кристина Валерьевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ,

кандидат филологических наук,

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Kristina V. Manerova

Associate Professor of German Philology Department,
St. Peterburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7-9, Universitetskaya emb., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

E-Mail: k.manerova@spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть I. ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

<i>Л. Ф. Бирр-Цуркан</i> ЭТИКЕТНОСТЬ КАК ЖАНРОВАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ	9
<i>Л. Н. Григорьева</i> СТАТУС И ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПРЕДИСЛОВИЙ	26
<i>Д. Е. Нифонтова</i> РЕЧЕВОЙ ЖАНР СОВЕТА В ГЕРМАНИИ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «РУКОВОДСТВА ДЛЯ МОЛОДЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ» И. Г. ХАЙНЦМАНА, 1793 г.)	47
<i>К. Р. Новожилова</i> ДИСКУРСИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАРРАТИВНОМ ТЕКСТЕ	57
<i>Т. Ю. Смирнова</i> ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ ФОКУСЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОЛИТИКОВ	67
<i>К. А. Филиппов</i> ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ГЕРМАНИИ И РОССИИ XVIII ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)	79

II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТОВ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>А. В. Мельгунова</i> КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В СТРУКТУРЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ	94
<i>С. Т. Нефедов</i> ЖАНРОВЫЙ ПРОТОТИП НАУЧНОЙ ГЕРМАНИСТИЧЕСКОЙ РЕЦЕНЗИИ.....	105
<i>Т. В. Пономарева</i> ЭТИКЕТ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ.....	123

III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

<i>Е. А. Гончарова</i> СОДЕРЖАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНОГО ИНТЕРВЬЮ	133
--	-----

<i>Л. Б. Копчук</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ АВСТРИИ И ШВЕЙЦАРИИ	146
<i>В. Б. Ребиков</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АВСТРИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-ГАЗЕТЫ HEUTE	159
<i>Е. С. Степанов</i> ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ СМИ	167

IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>К. А. Филиппов</i> Рецензия на книгу: Anna Andreeva. Metaphern im ethnischen Diskurs. Eine kognitiv- linguistische analyse anhand der modernen deutschen Presse. — Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2016. — 336 S. (Reihe Stauffenburg Linguistik, Band 92)	175
<i>Л. Н. Григорьева</i> Рецензия на книгу: Zuzana Bohušová „Aspekte der Mündlichkeit. Ein Studienbuch“. Nümbrecht: Kirsch Verlag. 2016	179

V. ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

<i>К. В. Манерова</i> Конференция общества «Europhras»: «Фразеология и грамматика конструкций» (Стокгольм, 22 — 24 августа 2017 г.)	182
---	-----

TABLE OF CONTENTS

Foreword.....	5
---------------	---

I. GENERAL AND SPECIFIC PROBLEMS OF THE SPEECH GENRES TYPOLOGY

<i>L. F. Birr-Tsurkan</i> ETIQUETTE AS A CHARACTERISTIC PROPERTY OF EPISTOLARY GENRE.....	9
<i>L. N. Grigorieva</i> STATUS AND GENRE VARIETY OF FOREWORDS.....	26
<i>D. E. Nifontova</i> ADVICE AS SPEECH GENRE (BY EXAMPLE OF THE “MANUAL FOR YOUNG TRAVELLERS” WRITTEN BY G. HEIZMANN IN 1795).....	47
<i>K. R. Novozhilova</i> DISCURSIVE SITUATION AND ITS REPRESENTATION IN NARRATIVE TEXT.....	57
<i>T. YU. Smirnova</i> GRAMMATICAL UNITS IN THE PRAGMATIC FOCUS OF PUBLIC SPEECHES BY POLITICIANS.....	67
<i>K. A. Filippov</i> LINGUISTIC AND TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF HISTORIC-GRAMMATICAL DISCOURSE IN 18 TH CENTURY GERMANY AND RUSSIA (PROBLEM FORMULATION).....	79

II. LINGUISTIC AND GENRE CHARACTERISTICS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION TEXTS

<i>A. V. Melgunova</i> CONTEXTUAL SYNONYMY IN THE STRUCTURE OF THE POPULAR-SCIENCE ARTICLE.....	94
<i>S. T. Nefedov</i> GENRE PROTOTYPE OF THE SCIENTIFIC REVIEW ON GERMANISTICS.....	105
<i>T. V. Ponomareva</i> ETIQUETTE IN GERMAN LANGUAGE SCIENTIFIC TEXTS.....	123

III. SOCIO-CULTURAL AND LINGUISTIC FEATURES OF MASS MEDIA TEXTS IN THE GERMAN-SPEAKING WORLD

<i>E. A. Goncharova</i> FORM AND CONTENT OF DIALOGIC RELATIONS IN THE TEXTS OF PUBLISHED INTERVIEW.....	133
<i>L. B. Kopchuk</i> FEATURES OF THE USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TEXTS OF THE GERMAN-SPEAKING PRESS IN AUSTRIA AND SWITZERLAND.....	146

<i>V. B. Rebikov</i> LANGUAGE FEATURES OF THE AUSTRIAN INTERNET NEWSPAPER “HEUTE”	159
<i>E. S. Stepanov</i> GENRE SPECIFICS OF THE USE OF PRECEDENT NAMES IN GERMAN MEDIA TEXTS.....	167

IV. BOOK REVIEWS

<i>K. A. Filippov</i> Book review: Anna Andreeva. Metaphern im ethnischen Diskurs. Eine kognitiv-linguistische Analyse anhand der modernen deutschen Presse. — Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2016. — 336 S. (Reihe Stauffenburg Linguistik, Band 92)	175
<i>L. N. Grigorieva</i> Book review: Zuzana Bohušová „Aspekte der Mündlichkeit. Ein Studienbuch“. Nümbrecht: Kirsch Verlag, 2016.....	179

V. CONFERENCE REVIEWS

<i>K. V. Manerova</i> Europhras conference: “Phraseology and grammar of constructions” (Stokholm, 22 — 24.08.2017).....	182
---	-----

Научное издание

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Вып. VIII

ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Редактор *Е. П. Парфенова*
Корректор
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 60×84¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 00,0. Тираж 00 экз. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.